

NORTH-EASTERN JOURNAL OF THE HUMANITIES

Scientific journal
Periodical
Published four times a year
2016, № 3 (16)

Founders

**FSBIS “Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Science”,
SBI “Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)”,
The State Committee of the Republic of Sakha (Yakutia) on innovative policy and science**

Editorial Board:

Efremov N.N., editor in chief, PhD, Professor in Philology (IHRISN SB RAS); *Boyakova S.I.*, deputy editor in chief, PhD, Professor in History (IHRISN SB RAS); *Gogolev A.I.*, deputy editor in chief, PhD, Professor in History, (AS RS(Y)); *Danilova N.I.*, deputy editor in chief, PhD, Professor in Philology (IHRISN SB RAS); *Burtseva, Zh.V.*, executive secretary, PhD in Philology (IHRISN SB RAS); *Andreeva T.E.*, PhD in Philology (IHRISN SB RAS); *Antonov, E.P.*, PhD in History (IHRISN SB RAS); *Borisova Yu.M.*, PhD in Philology (IHRISN SB RAS); *Burtsev A.A.*, PhD, Professor in Philology, (NEFU named after M.K. Ammosov); *Vinokurova D.M.*, PhD in Sociology (NEFU named after M.K. Ammosov); *Gabyшева L.L.*, PhD, Professor in Philology (NEFU named after M.K. Ammosov); *Dmitrieva E.N.*, PhD, Professor in Philology, (NEFU named after M.K. Ammosov); *Ignatieva V.B.*, PhD in History (IHRISN SB RAS); *Larionova A.S.*, PhD, Professor in Art, (IHRISN SB RAS); *Makharov E.M.*, PhD, Professor in Philosophy (YSC SB RAS); *Melnichuk O.A.*, PhD, Professor in Philology (NEFU named after M.K. Ammosov); *Popova N.I.*, PhD in Philology (IHRISN SB RAS); *Romanova E.N.*, PhD, Professor in History (IHRISN SB RAS); *Romanova L.N.*, PhD in Philology (IHRISN SB RAS); *Struchkova N.A.*, PhD in History (NEFU named after M.K. Ammosov); *Fedorov V.I.*, PhD, Professor in History (IHRISN SB RAS); *Filippov G.G.*, PhD, Professor in Philology, (NEFU named after M.K. Ammosov).

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит четыре раза в год
2016, № 3 (16)

Учредители (соучредители):

**ФГБУН «Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН»,
ГБУ «Академия наук Республики Саха (Якутия)»,
Государственный комитет Республики Саха (Якутия)
по инновационной политике и науке**

Редколлегия:

Ефремов Н.Н., гл. редактор, д. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Боякова С.И.*, зам. гл. редактора, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Гоголев А.И.*, зам. гл. редактора, д. и. н., проф. (АН РС (Я)); *Данилова Н.И.*, зам. гл. редактора, д. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Бурцева Ж.В.*, отв. секретарь, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Андреева Т.Е.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Антонов Е.П.*, к. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Борисова Ю.М.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Бурцев А.А.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Винокурова Д.М.*, к. социол. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Габышева Л.Л.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Дмитриева Е.Н.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Игнатьева В.Б.*, к. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Ларионова А.С.*, д. иск. (ИГИиПМНС СО РАН); *Махаров Е.М.*, д. филос. н., проф. (ЯНЦ СО РАН); *Мельничук О.А.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Попова Н.И.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Романова Е.Н.*, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Романова Л.Н.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Стручкова Н.А.*, к. и. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Федоров В.И.*, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Филиппов Г.Г.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова).

Editorial Council

Alexeev A.N., PhD, Professor in History, (IHRISN SB RAS); *Anikin A.E.*, PhD, Professor in Philology, Corresponding Member of RAS (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Argunova-Lou T.I.*, Dr., Professor in Anthropology (University of Aberdeen, Aberdeen, UK); *Balash D.B.*, PhD, Professor in Ethnology (Institute of Ethnology, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary); *Bakhtikireeva U.M.*, PhD, Professor in Philology (PFUR, Moscow); *Burykin A.A.*, PhD, Professor in Philology, Professor in History (ILS RAS, St. Petersburg); *Golovnev A.V.*, PhD, Professor in History, Corresponding Member of RAS (IHA, UB RAS (Ekaterinburg)); *Derevyanko A.P.*, PhD, Professor in History, Acad. RAS (IAE SB RAS, Novosibirsk); *Zhamsaranova R.G.*, PhD, Professor in Philology (TrabsbaikalsU, Chita); *Karoly L.*, Professor in Philology, Dr. (University of Gutenberg, Mainz, Germany); *Kolodeznikov I.I.*, PhD, Professor in Geology-Mineralogy, (AS RS(Y)); *Kuzmina E.N.*, PhD, Professor in Philology (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Nasilov D.M.*, PhD, Professor in Philology (ICAA MSU, Moscow); *Nevskaya I.A.*, PhD, Professor in Philology (ITS, Frankfurt am Main, Germany); *Petrov A.A.*, PhD, Professor in Philology, (RSPU named after A. Herzen, St. Petersburg); *Takahura H.*, Professor in Anthropology, Dr. (University Tohoku, Japan); *Shipitsyn Yu.A.*, PhD in Engineering (MVETP RS(Y)); *Shirobokova N.N.*, PhD, Professor in Philology (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Shishkin V.I.*, PhD, Professor in History (IH SB RAS, Novosibirsk).

Responsible for issue *A.I. Gogolev*

Editors: *N.I. Degtyareva, E.F. Molotkov*
English text: *O.N. Kochmar*
Makeup: *A.N. Stepanova*
Cover: *A.I. Kharitonov*

ISSN 2218-1644

Редакционный совет

Алексеев А.Н., председатель, д. и. н., проф. (ИГИиПМНС СО РАН); *Аникин А.Е.*, д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Аргунова-Лоу Т.И.*, д-р (Абердинский университет, г. Абердин, Великобритания); *Балаш Д.Б.*, д-р, проф. (Институт этнологии Венгерской АН, г. Будапешт, Венгрия); *Бахтикиреева У.М.*, д. ф. н., проф. (РУДН, г. Москва); *Бурькин А.А.*, д. ф. н., д. и. н. (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург); *Головнев А.В.*, д. и. н., проф., чл.-корр. РАН (ИИиА УрО РАН, г. Екатеринбург); *Дервянко А.П.*, д. и. н., проф., акад. РАН (ИАиЭ СО РАН, г. Новосибирск); *Жамсаранова Р.Г.*, д. ф. н. (ЗабГУ, г. Чита); *Кароли Л.*, д-р, проф. (Университет им. Гутенберга, г. Майнц, Германия); *Колодезников И.И.*, д. г.-м. н., проф. (АН РС(Я)); *Кузьмина Е.Н.*, д. ф. н., проф. (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Насилов Д.М.*, д. ф. н., проф. (ИСАиА при МГУ, г. Москва); *Невская И.А.*, д. ф. н. (Институт тюркологии, г. Франкфурт-на-Майне, Германия); *Петров А.А.*, д. ф. н., проф. (РГПУ им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург); *Такахира Х.*, д-р, проф. (Университет Тохоку, Япония); *Шипицын Ю.А.*, к. т. н. (МПОиРК РС(Я)); *Широбокова Н.Н.*, д. ф. н., проф. (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Шишкин В.И.*, д. и. н., проф. (ИИ СО РАН, г. Новосибирск).

Ответственный за выпуск *А.И. Гоголев*

Редакторы: *Н.И. Дегтярева, Е.Ф. Молотков*
Английский текст: *О.Н. Кочмар*
Верстка: *А.Н. Степанова*
Обложка: *А.И. Харитонов*

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки

<i>Гоголев А.И.</i> Якутско-алтайские этнокультурные и языковые параллели	10
<i>Васильев В.Е.</i> Кубок чороон ымыһа – символ культа плодородия: генезис и семантика ритуальных сосудов народа саха	16
<i>Петров Ю.Д.</i> Правда и ложь о Великой Победе	23
<i>Белоконева А.А.</i> Депортация финнов-ингерманландцев в Якутскую АССР в годы Великой Отечественной войны	29

Социологические науки

<i>Томаска А.Г.</i> Социальная мобильность сельских мигрантов в условиях урбанизации: поиск методологии	37
<i>Константинова Т.Н.</i> Социальные индикаторы: методология измерения семьи	43
<i>Федотова Н.Д.</i> О некоторых методологических подходах к исследованию качества жизни детей	49
<i>Брагина Д.Г.</i> О социально-демографических факторах, определяющих состояние традиционной культуры якутов на рубеже XX – XXI вв.	54
<i>Егоров П.М.</i> Молодежь Республики Саха (Якутия) как социально-демографическая группа	59
<i>Большницкая А.Н.</i> Молодежь как объект социальной политики	64

Филологические науки

<i>Асмондьяров В.Н., Шайхисламова З.Ф., Шайхулов А.Г.</i> Диалектная лексика тюркских языков в когнитивно-идеографическом аспекте (на материале диалектологических атласов)	71
<i>Иванов С.А.</i> Названия атмосферных явлений в якутском языке и его говорах	74
<i>Харабаева В.И.</i> Ядерные средства выражения персональности в якутском языке (в сопоставлении с тувинским и хакасским языками)	84
<i>Роббек Л.В.</i> О подаче фольклоризмов в Большом толковом словаре якутского языка	90
<i>Готовцева Л.М.</i> Лексика традиционной одежды саха в текстах олонхо	95
<i>Бурцев А.А. Бурцева М.А.</i> Особенности поэтики романов В.В. Яковлева	102
<i>Илларионов В.В., Илларионова Т.В.</i> Обучение и воспитание эпических певцов (по материалам сказительской традиции народов Якутии)	111
<i>Чехордуна Е.П.</i> Олонхо П.А. Чехордуна «Толомон Баай тойон, Номогон Баай хотун» (по материалам фольклорной экспедиции 1966 г.)	117
<i>Жукова Л.Н.</i> Юкагирский миф о погоне богатыря за восьминогим лосем и его китайские параллели.....	121

Информация

<i>Николаев Е.Р.</i> Живое общение на филологических конференциях	129
---	-----

Юбиляры

<i>Мухомлева С.Д., Павлова Н.В.</i> Феномен Илларионова (к 70-летию со дня рождения)	133
Сведения об авторах	136
Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник»	141

CONTENTS

Historical sciences

<i>Gogolev A.I.</i> Yakutian-Altai ethno-cultural and linguistic parallels	10
<i>Vasilev V.E.</i> Cup choron ymyia – a symbol of fertility cult: the genesis and semantics of ritual vessels of the Sakha people	16
<i>Petrov U.D.</i> Truth and lies about the Great Victory	23
<i>Belokoneva A.A.</i> Deportation – Ingrian Finns in the Yakut ASSR during the Great Patriotic War	29

Sociological sciences

<i>Tomaska A.G.</i> Social mobility of rural migrants in urban conditions: search methodology	39
<i>Konstantinova T.N.</i> Social indicators: methodology of measurement family	43
<i>Fedotova N.D.</i> Some methodological approaches to the study of the quality of children's life.....	49
<i>Bragina D.G.</i> About social demographic factors defining a condition of traditional culture of Yakuts at a boundary of XX – XXI centuries	54
<i>Egorov P.M.</i> The youth of the Republic of Sakha (Yakutia) as a socio-demographic group.....	59
<i>Bolnitskaya A.N.</i> Young people as an object of social policy	64

Philological sciences

<i>Asmandiyarov V.N., Shaikhislamova Z.F., Shaikhulov A.G.</i> Dialect words of Turkic languages in the cognitive – ideographic aspect (on the material of dialectological atlases)	71
<i>Ivanov S.A.</i> Names of atmospheric phenomena in the Yakut language and in its dialects	74
<i>Kharabaeva V.I.</i> Nuclear means of expressing personality in the Yakut language (in comparison with the Tuvan and the Khakas languages)	84
<i>Robbek L.V.</i> About submitting folklorism in Great Dictionary of the Yakut language	90
<i>Gotovtseva L.M.</i> The vocabulary of the traditional clothing of Sakha in the texts of Olonkho	95
<i>Burtsev A.A., Burtseva M.A.</i> Features of poetics V.V. Yakovlev's novels	102
<i>Illarionov V.V., Illarionova T.V.</i> Teaching epic singers (based on storyteller traditions of the peoples of Yakutia)	111
<i>Chehorduna E.P.</i> Olonkho by P.A. Chehorduna “Tolomon Baay toion, Nomogon Baay khotun” (based on folklore expedition of 1966)	117
<i>Zhukova L.N.</i> The Yukagir myth about chasing the hero for the eight-legged moose and its Chinese parallels... ..	121

Information

<i>Nikolaev E.R.</i> Real-life communication at philological conferences	129
--	-----

Anniversaries

<i>Mukhopleva S.D., Pavlova N.V.</i> Illarionov's fenomen (the 70th anniversary)	133
Information about authors	138
The manuscripts rules	141

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 392.3 (=512.157)

А.И. Гоголев

Якутско-алтайские этнокультурные и языковые параллели

В статье обращено основное внимание на раскрытие этнокультурных и отчасти языковых параллелей между двумя тюркоязычными народами Сибири – якутами (саха) и алтайцами. Эти материалы приводят автора к предположению о том, что формирование культур названных народов (в более широком плане с культурами хакасов и тувинцев) в своей основе началось в пратюркскую эпоху и продолжалось вплоть до середины I тыс. н.э. При этом в становление древнетюркской культуры внесло вклад предшествующее скифо-сибирское время в Южной Сибири (VI–III вв. до н.э.).

Ключевые слова: алтайцы, якуты (саха), скифо-сибирская эпоха, пратюркский период, Южная Сибирь, Центральная Азия, раннетюркские этнические процессы.

Алтайцы по происхождению, языку и культуре фактически делятся на две группы: на северных – тубаларов, челканцев, кумандинцев и на южных – собственно алтайцев (алтай - кизи). Это теленгиты, телесы и телеуты. Кроме того, к северным (горным) алтайцам примыкают также шорцы. Ближайшими историческими предками южных алтайцев были кыпчакские племена, жившие на Алтае до XI в. и позднее оказавшиеся здесь также в результате распада улуса (государства) Чингизида Джучи. На протяжении длительного времени они смешивались с потомками древних теле-огузских племен и западномонгольскими ойратскими племенами [Потапов, 1969, с. 16–24, 193].

К вопросу этнокультурных контактов якутов и алтайцев обратился в конце 1970-х годов Л.П. Потапов [1978, с. 85–95]. Кроме того в сравнительное изучение верований и шаманства у якутов и тюркоязычных народов Южной Сибири большой вклад внесли известные работы Н.А. Алексеева [1980; 1984]. По языковым

параллелям у этих народов интересные материалы введены в научный оборот Г.Г. Левиным [2013].

Л.П. Потапов выявил конструктивную близость якутской берестяной *урасы* (*могол ураһа*) к решетчато-цилиндрической юрте южных алтайцев. А якутская деревянная юрта и многоугольный сруб конструктивно и типологически сближается с аналогичными строениями у северных алтайцев (тубаларов, шорцев) [Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, с.165–168; Зыков, 1986, с. 89; Потапов, 1978]. Так, например, североалтайская печь – чувал по типу близка якутскому – *көмүлүөк* с трубой из жердей, обмазанных глиной. Кумандинцы и челканцы для освещения жилища на крыше прорубали отверстие, в которое в зимнее время вставляли кусок льда [Тошачкова, 1978, с.83,116]. Оно превратилось у якутов в настенное окно с общим термином *тундук - тундук*. Аналогичным образом строились якутские и шорские срубные амбары на четырех коротких столбах для хранения зерна и мясных припасов.

© А.И. Гоголев, 2016

Якутская верхняя зимняя одежда типологически близка к женской одежде *алтай - кижичи* [Народы Сибири. Этнографический очерк, 1956, с.341; Историко-этнографический атлас Сибири, с.234]. А южноалтайский *чегедек*, длиннополая безрукавка замужних женщин, и якутский *тангалай сон*, праздничная верхняя одежда с короткими рукавами, имеют общее происхождение.

Эти народы пользовались одинаковыми терминами для обозначения шелка: алтайское *торго* и якутское *торбо*. Общей по факту является южноалтайская и якутская обувь на мягкой подошве без каблучков. Алтайцы, как впрочем, и хакасы для обертывания ног пользовались сушеной травой, *өйөн от*, род осоки. *Өлөн от*, разновидность сушеной травы, использовалась в виде стельки для зимней кожаной обуви у якутов.

В научной литературе уже отмечалось полное сходство технологии изготовления глиняной посуды налепным способом у якутов и шорцев [Прыткова, 1955]. Пользовались волокушами (алт. *шырга*, як. *сырба*) и переметными сумами. А якутские инструменты, технология изготовления кожаной и деревянной посуды, их форма, способы обработки кожи, способ получения замши сходны с таковыми у южных алтайцев [Тоцакова, 1976, с. 182–197].

Алтайцы и якуты размалывали муку на ручной каменной зернотерке и в деревянной ступе одинаковых форм (прочем, широко распространенных в Южной Сибири). Пользовались стульями на коротких ножках. Деревянную высокую кадку алтай-кижи называли *чапак*. А якуты это слово применяли для обозначения низкой, широкой берестяной посуды – *чабычах*.

Из области якутско-южноалтайской общей терминологии, связанной с материальной культурой, обратим внимание на следующие слова, имеющие древнетюркские основы: алт. *алачик* (др. тюркск. *alaca* «шатер» – ДТС. С 142), як. *алаһа дьизэ* «удобное обширное, теплое жилище, народная юрта, усадьба» (Словарь якутского языка. 2-е изд. Л., 1958. В дальнейшем – Пек. Стб. 67); *түнүк* «дымовое отверстие», як. *түннүк* «окно»; *халгы* «дверная створка, двери», як. *халбан* «дверь» (Пек. Стб. 3264); алт. *колта* «кисет», як. *холтуун* «табакерка» (Пек. Стб. 3462); алт. *орын* «кровать»; як. *орон* «кровать»; алт. *айак* «деревянная чаша», як. *айах* «ритуальный кумысный сосуд» и т.д. Общей пищей для двух этих народов являются *кумыс*, *кан* (як. *хаан*), *са-*

ламат, *мүн-мин* – бульон; алт. *эдьигэй* (якут. *иэдьигэй*) варёный творог; алт. *өрөмө* – «сметана»; як. *үрүмэ* – «пенка» [Тоцакова, 1976, с.86].

В терминах родства имеются следующие параллели: *кыз* – *кыыс* «девушка», «дочка»; *ини=ини* – младший брат, *сиэн* «внук»; племянник; *өбөгө* – *өбүгэ* «предок»; алт. *абага* – як. *абага* «старший брат отца»; *бадьа* = *бадьа* «сво-як». Общим для них является сохранение обычая авункулата (видная роль дяди по линии матери), что также характерно для всех тюркоязычных народов Сибири.

Параллели наблюдаются в свадебных обрядах и терминах, названиях музыкальных инструментов, например: у якутов подарок отцу невесты назывался *уос аһар* «раскрытие рта», а у южных алтайцев приезд сватов назывался *оос ачар*; алтайцы называли варган *темир-кобыс*, а якуты – *тимир хомус*; у алтайцев отмечен двухструнный деревянный инструмент *топшур*. У якутов – ударный музыкальный инструмент назывался *күпсуур*.

Сравнительное сопоставление *олонхо* с алтайским героическим эпосом выявляет много общего: общность сюжетов, сходность терминов (например, приставка *куо* к именам эпических героинь). Во многих алтайских и якутских эпосах, как правило, масть коня, имя богатыря начинается с одной определенной буквы. Аналогичен возглас эпических героев – «*о татай*»). При том зачастую герои эпоса выступают первоначально в облике «невинно гонимого» звероподобного предка рода, в клише «страдающего божества – зверя», но впоследствии превратившегося в человека. Так, например, герой *олонхо* «Строптивый Кулун Куллустуур» рос под тремя великими сопками Матери-земли [Гоголев, 1978, с. 52–56; Сидоров, 2004, с. 22]. Подобный мотив имеется и в алтайском эпосе «Маадай Кара», где Когюдей Мерген воспитывался под великими сопками, питаясь соками матери-земли.

Древний жанр якутско-алтайской обрядовой поэзии называется *алгыс=алкыш*. Обращаясь к духам и божествам, они пользовались одинаковыми словесными оборотами, например, якутско-телеутское клише звучит следующим образом: «Подмышку раскрой – долю возьми» [Дьяконова, 1984, с. 36]. Близки и некоторые сюжеты сказок, правда, общих со сказками и других тюркских народов, а также космогонические мифы.

Л.П. Потапов обратил внимание на общие якутско-алтайские основы в области верований и

шаманстве [Потапов, 1978, с. 87–88]. В этой связи интересно то, что алтайцы родовых покровителей называют общим термином *Пайана*, а у якутов *Байанай* – божество охоты.

По мифологическим представлениям якутов и алтайцев, боги живут отдельно друг от друга на том или ином «слое» неба. Эти древние представления особенно сохранились у якутов: «По ту сторону неба есть не имеющее тени яркое белое небо. Там страна, где нет зимы, растет белая трава, подобная крыльям белого лебедя... Здесь живут *Юрюнг Айыы тойон* и *хотун*. На юго-восточной стороне есть, говорят, светло-желтое небо, имеющее восемь подпорок. На нем растут желтые травы и деревья... От них звучно капает жир и масло. Будто бы там проживают *Юрюнг Аар тойон* и *Юрюнг Адыга хотун*. На северо-восточной стороне от этого неба – белое небо с тремя подпорками с травами и деревьями, от которых звучно капает, подобно сливочному маслу, живительная влага *сологой*. Там проживает *Дьёсөгөй* тойон. На северо-западе этого неба есть, говорят, испещренное узорами и письменами нависающее небо. Живет *Дьылга хаан тойон* и *Чыныс биис хотун*» [Архив ЛО ИВ АН СССР. Ф. 202, оп.1, ед. хр. 24, л. 61–62].

Сходны с телеутами и якутские представления о душе *сюр*. При этом отмечается особенная близость якутского понятия о *салгын кут* с телеутским *jel салкын* «ветер-душа» или «воздух-душа» [Потапов, 1978, с. 92]. Телеуты считали, что *кут* ребенка создает *Ульген*, а человеку его вручала *Энэм Дьайучи*, Мать Создательница ведает отделением от людей их *сюр*, в результате чего наступает смерть. Свое решение она якобы записывает в особую книгу [Анохин, 1929, с. 253, 260]. У якутов богиня *Айыыһыт* испрашивала душу ребенка (*ийэ кут*) у *Юрюнг Аар тойона* и внедряла ее через темя мужчины. *Сур*, жизненной энергией (психический строй) человека наделяло божество *Улуу тойон*. А божество судьбы и рока *Дьылга Хан тойон* имел огромную книгу, по которой излагал судьбы трех миров и отдельных людей [Архив ЛО АН СССР. Ф. 202, оп.1, ед. хр. 24, л. 58]. После смерти человека его *сур* возвращался к *Улуу тойону* [Архив ЛО АН СССР. Ф. 202, оп.1, ед. хр. 24, л. 58]. Приведенное ясно говорит о том, что эти представления когда-то имели общее происхождение. Кроме того, у них одинаково звучит название повальных, эпидемических заболеваний – як. *дьан* и телеут. *jan*. Ана-

логичные представления имеются о «муравьином масле» [Гоголев, 1983, с. 48; Каруновская, 1927, с. 20]. Якутские женщины рожали, стоя на коленях. Перед родами и после родов они обычно выпивали чашку топленого масла. В этой связи интересно отметить тот факт, что рожая, телеутка тоже становилась на колени. Под нее постилали кошму или овечью шкуру [Каруновская, 1927, с. 67]. Эти народы пользовались одним и тем же обрядовым термином для обозначения выкупа, *толуу*. Из алтайских народов только у телеутов сохранилось название божества грома, града, дождя *Татай*. У якутов и других алтайцев *татай* сохранился только как возглас удивления, испуга. Те же телеуты, «выгоняли» злого духа, засевшего в животе больного криком «*Ай, Татай!*», т.е. пугали его именем Громовержца.

До начала XIX в. у якутов практиковался коллективный обряд плодородия с выраженной сексуальной направленностью *дьалын ылыытын туома*, т.е. обряд вызывания половой страсти. Моление предназначалось богине земли о ниспослании женщинам *дьалын*, силы полового влечения. Для проведения обряда под ветвистым деревом вкапывали три столба с выпуклой резьбой, обточенных сверху в виде кумысных кубков богини плодородия. Около них ставили берестяную урасу, и все это обносилось изгородью. Белого шамана сопровождали «трижды 9 девушек» и столько же юношей. Держа в руках березовые шесты, они плясали вместе с шаманом, который испрашивал у *Аан Алахчын хотун дьалын*. Этот обряд подробно описан Г.В. Ксенофонтовым [1929, с. 61–62].

А.П. Окладников, основываясь на данных Л.П. Потапова, сопоставил этот обряд с эротическими ритуалами, зафиксированными у некоторых групп северных и южных алтайцев – у кумандинцев, шорцев и телеутов Кузнецкого Алатау, у которых существовал культ фаллического божества Кочоган [Окладников, Запорожская, 1970, с. 115]. Кроме того, у телеутов имелась категория специалистов в области религиозной практики, называвшихся *ырынчи*. К нему близок якутский термин *ырытааччы* ‘толкователь’. А *төлкөчү* ‘ворожей’, действующий при помощи лучка только, напоминает якутское *төлкөһүт* ‘ворожей’ [Гоголев, 1983, с. 19–20]. У некоторых народов Алтая известно божество *Пахтыган (Бакту-кан)* [Алексеев, 1984, с. 32]. С ним сопоставимо якутское *Бах-тангара*. А алтайского *Дья-*

жил хана, сына Ульгена, посылающего дождь и поражающего духов молниями, Н.А. Алексеев сравнивает с якутским божеством *Дьагыл тойоном*, вестником гнева небес [Алексеев, 1980, с. 48].

Алтайцы, якуты так же, как и тувинцы, считали вихрь формой перемещения злых духов и шаманов. Одинаковы у них формы заклинаний, завершающиеся возгласом «Уруй» или «Куруй». Можно сказать, что многие элементы ранних форм религии тюркских народов Южной Сибири и якутов фактически имели единую основу [Алексеев, 1980, с. 302–314]. Общим у этих народов была вера в божеств-творцов: як. *айыылар* «творцы», алт. *дьайучы* или *дьайык*, посредник Ульгена, хак. *дьаяглар* «творцы» [Анохин, 1929, с. 16; Алексеев, 1980, с. 47]. Сохранилось значение древнетюркского *ару=ар* «сакральная чистота»: *ару тос* «чистые духи» у алтайцев. В якутской мифологии *Аар тойон* – некогда глава пантеона. Алтайцы Ульгена в молитвах называли *Ак Ајас* «белая светлость» или *Ајас каан* «светлый хан» [Анохин, 1924, с. 9]. Этот факт говорит об единой основе генезиса якутского божества Юрюнг Айыы тойона «белого Создателя» и алтайского Ульгена *Ак Ајас каан`а* «Ульгена Белого светлого хана».

На общем фоне саяно-алтайского шаманизма Н.А. Алексеев и В.П. Дьяконова в якутско-алтайском шаманстве обнаружили ряд аналогичных черт [Алексеев, 1984, с. 95–96, 116–117, 140–141, 176–177; Дьяконова, 1984, с. 32]. Следует также обратить внимание на то, что алтайские шаманы, не совершающие призываний Эрлику (т.н. *ак кам* «белые шаманы»), не имели специального кафтана – *манјак`а* [Анохин, 1924, с. 33] (як. *сангыях* «шуба»). По фольклорным данным, якутские белые шаманы, *айыы ойуна* также не имели шаманского плаща, но одевались во все белое.

На плечах кафтана алтайского черного шамана, совершающего призывания ко всем тесям-духам, наносились изображения, называемые «фигурами шуб дочерей Ульгена» [Анохин, 1924, с. 41]. Эти фигуры похожи на изображение якутского божества охоты Байаная (точнее его одежды) в виде многократных прямых линий, изгибающихся по линии плеча [Линденау, 1983, с. 39].

Погребальный обряд у якутов и саяно-алтайских народов имеет также много общего [Константинов, 1971, с. 16–51; Семейная обрядность..., 1980, с. 15–23; Алексеев, 1980, с. 176–224; Бравина, 1983]. Отмечается много параллелей

между языками якутов, северных алтайцев и телеутов. Они в основном проявляются в словах и терминах, связанных с религиозно-мифологическими представлениями. Например: алт. *кэй канат* «рукава шаманского кафтана, символизирующие воздушные крылья», як. *көй кынат* «воздушные крылья»; алт. *тан чолбон* «утренняя звезда», як. *тынг чолбоно* «звезда зари» и т.д.

Но между тем в верованиях алтайцев и якутов имеются и существенные расхождения. В частности, они констатируются в степени проявления дуализма, который довольно четко и последовательно фиксируется в религиозном мировоззрении якутов, чего нельзя сказать в отношении алтайцев. Так, у последних до начала XX в. существовало нечеткое разделение духов и божеств на добрых и злых. В этом плане особенно нагляден образ Эрлика, несущего функции не только злого, но и доброго начала. Божества Дьайык и Суйла, хранители благополучия человека и посредники его с высшими добрыми существами, помогают всем шаманам (*ак кам* и *кара кам*) в их «путешествиях» вверх и вниз.

По сравнению с якутами алтайцы больше сохранили (особенно телеуты) религиозную систему древних тюрков. Небольшие, не принципиального характера расхождения существовали в шаманстве этих народов [Алексеев, 1984, с. 140–141, 177–178, 200].

Историко-культурные сопоставления алтайцев с якутами показали наличие у них общих родственных основ. Так, с северными алтайцами и шорцами якуты обнаруживают некоторые параллели в формах жилищ, в технологии изготовления глиняных, деревянных и берестяных сосудов; в способах охоты облавой и при помощи сооружения длинных деревянных загородей. Звериную тропу алтайцы и якуты называли *орок=орох*. Добычу распределяли по равной доле (алт. *тенгулешь*, як. *тэнгэ үллэстии*). Известно, что на этногенез северных алтайцев определенное воздействие оказали угорские и самодийские племена Западной Сибири. Поэтому у них не только одежда, но даже орнамент имеет близкое родство с южно-хантыйским орнаментом и составляет единый иртышко-алтайский тип орнамента [Историко-этнографический..., с. 376]. Но в целом северные алтайцы являются смешанными этническими группами, в этногенезе которых принимали участие древние тюркоязычные племена, связанные с теле (древними уйгурами) и тугю (древними тюр-

ками) [Потапов, 1969, с. 188] и уралоязычными корнями. Культурная и отчасти этническая связь якутов с южными алтайцами хорошо проявляется по линии связей предков этих народов с древними тюрками и кыпчаками. При этом в якутской культуре особенно много параллелей с телеутской. Телеуты, наиболее четко сохранившие черты древнетюркской религии, близки к качинцам, кызыльцам, чулымцам и шорцам. От собственно алтайцев (алтай-кижи) они отличаются наличием европеоидных черт, которым обязаны влиянию субстратных этногрупп, связанных с шорцами [Чиспияков, 1984, с. 23–27].

По лингвистической классификации южные алтайцы отнесены к северо-западной (кыпчакской) группе тюркских языков. В нее также входят из сибирских народов тобольские и барабинские татары, а за пределами Сибири – казахи и киргизы, башкиры.

Этническую основу предков южных алтайцев, по мнению Л.П. Потапова, составили древние племена *теле* и частично *тугю*, в дальнейшем испытывавшие влияние кыргызов и кыпчаков. Следовательно, язык южных алтайцев имеет древнетюркскую основу, а современное языковое состояние было приобретено в процессе длительного общения его носителей с кыпчакскими племенами. Эти данные подтверждаются и антропологическим материалом. Так, южные алтайцы, как тувинцы, буряты и якуты, отнесены к наиболее монголоидным (центральноазиатскому и отчасти южносибирскому) типам. А северные алтайцы – больше к уральскому типу, хотя по данным дерматоглифики они (кроме челканцев) более монголоидны, чем южные [Ярхо, 1947, с. 122; Хить, 1986, с. 219].

В родоплеменном составе алтай-кижи встречаются роды *танды* [Потапов, 1969, с. 23–24], *кобек*, *тумат* и *тогус*, у телеутов – *тумат*, тубаларов – *тогус*, *танды*, роды или наследи с аналогичными названиями (*тогус*, *көбөкөн*, *тумат*) зафиксированы также у якутов [Исторические предания ..., с. 346–349]. Сеоки *со* и *куман* выявлены только у кумандинцев. Варианты этнонима *со* имеются у якутов и хакасов [Потапов, 1969, с. 59–60]. Известно, что качинский род *сокы* раньше располагался на Иртыше. Все эти роды имели общих предков *куманов*, входивших в объединение кыпчаков. Л.П. Потапов происхождение кумандинского сеока *со* связывает с телеутами, имевшими предковую связь с хунну.

Связь алтайских племен с кыпчаками особенно усиливается со времени распада Белой Орды, с первой половины XV в. Этим временем определяется формирование казахов, киргизов, так называемых «кочевых узбеков» и барабинских татар в Сибири. Падение Сибирского ханства в 1591 г. вызывало некоторое перемещение местного скотоводческого населения. Так, часть сибирских татар из района рек Тобола, Иртыша откочевала на восток, достигнув Чулыма и Енисея. Так появились чулымские татары, кызыльцы, качинцы [Потапов, 1969, с. 90]. Последние две этногруппы в дальнейшем вошли в состав хакасов. Это подтверждается также наличием среди кызыльцев рода *аргын*, зафиксированного в улусе Джучи, с распадом которого *аргыны* вошли в состав казахского *жуса*, а также приняли участие в становлении сибирских татар. В XVII в. аргынские роды входили в родовой состав чулымских тюрков и кызыльцев-хакасов. По всей вероятности, с этим процессом связано появление якутского эпонима *аргын*.

В целом в якутско-алтайских этнокультурных связях можно выделить два основных слоя – древний и средневековый. Древний слой составляют общие языковые основы, религиозно-мифологические представления древнетюркского времени, предметы материальной культуры и основы хозяйства, истоки которых сформировались в эпоху раннего кочевничества. В области искусства – это пережитки «звериного стиля» и основные орнаментальные мотивы в прикладном искусстве (выбор материалов, характер построения орнамента, «звучная» полихромная расцветка, сочетание тонов), основы фольклорных традиций. Этот древний общий слой фактически проявляется в культуре всех тюркоязычных народов Сибири. К нему относятся, например, представления о плядах, их видная роль в народном календаре, общие культивируемые виды деревьев, в частности, – березы (вывешивание культовой веревки, алт. *жалама*=як. *салама*=*жайык*), идея связи лиственницы с деятельностью шамана (алт. *тыт*=як. *тиит* «лиственница») и представление ее как «лестницы шамана» (алт. *тектиши*=як. *түспэт*); культивирование можжевельника (алт. *арчин*=як. *арчы*), обладающего сакральной чистотой и священностью и вследствие чего силой очищения от всего «нечистого» [Кыпчакова, 1974, с. 51].

К числу локальных якутско-алтайских культурных параллелей, кроме вышеприведенных, от-

носятся обычай водружения коновязи у входа в жилище (у алтайцев об этом говорится в эпосе «Маадай-Кара»), наличие счетных палочек с одинаковыми знаками [Сатлаев, 1974, с. 51], название некоторых месяцев (алт. *пес ай*, «кандычный месяц», май, як. *бэс ыйа* «месяц заготовки сосновой заболони», июнь, алт. *от-ай* «месяц выдергивания сорной травы» [Вербицкий, 1893, с. 42], июль, як. *от ыйа* «месяц травостоя», июль), приметы, связанные с первым весенним громом.

Позднесредневековый слой в якутско-алтайских связях отражен в основном с кыпчакскими общими параллелями в культурах этих народов [Левин, с. 394–395]. Этот вывод известного якутского тюрколога подтверждается выше приведенными этнокультурными параллелями, наблюдаемыми в традиционной культуре этих двух родственных народов.

Материалы, связанные с якутско-алтайскими этнокультурными параллелями показывают, что основа традиционной культуры якутов и алтайцев (в более широком аспекте и тувинцев, и хакасов) сформировалась в период пратюркской (общетюркской) эпохи, предположительно во время раннего кочевничества на территории евразийских степей в I тыс. до н.э., и в плане этнических связей эта линия, вероятно, проходила через хунну, теле, древних уйгуров, древних тюрков, курыкан, далее – якутов. Так как в указанное время и на указанных местах господствующее положение занимали индоевропейские европеоидные скотоводы, преимущественно – ираноязычные, в дальнейшем формировании пратюркской среды в Южной Сибири и азиатской части евразийских степей скифо-сибирская эпоха (VIII–III вв. до н.э.) оказала существенное культурно-языковое и антропологическое влияние.

Заключая отметим, что из современных тюркских языков наиболее близки к якутскому алтайский и киргизский. Но при этом «близость алтайского языка, – заметил Г.Г. Левин, – особенно заметна в устойчивости структурных типов и структурно-семантической канвы лексических параллелей» [Левин, с. 404].

Литература

- Алексеев Н.А. Ранние формы религии у тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск, 1980.
- Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (опыт ареального сравнительного исследования). – Новосибирск, 1984.
- Анохин А.В. Душа и её свойства по представлениям телеутов // Музей антропологии и этнографии, 1929, т. VIII.
- Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. – Л., 1924.
- Архив ЛО АН СССР. Ф. 202, оп. 1, ед. хр. 24.
- Архив ЛО ИВ АН СССР. Ф. 22, оп. 1, ед. хр. 1.
- Бравина Р.И. Погребальный обряд якутов как историко-этнографический источник XVII–XIX вв. – Л. 1983.
- Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. – М., 1893.
- Гоголев А.И. Историческая этнография якутов: Уч. пособие. – Якутск, 1983.
- Гоголев А.И. Лекции по исторической этнографии якутов: Уч. пособие, 1978.
- Дьяконова В.П. Некоторые этнокультурные параллели в шаманстве тюркоязычных народов Саяно-Алтая // Этнокультурные контакты народов Сибири. – Л., 1984.
- Зыков Ф.М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов. (Историко-этнографическое исследование). – Новосибирск, 1986.
- Историко-этнографический атлас Сибири. – М.; Л., 1961.
- Исторические предания и рассказы якутов. – Ч. II. – Якутск, 1961.
- Каруновская Л.Э. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // МАЭ. Т. VI. – Л., 1927.
- Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII в. – Якутск, 1971.
- Ксенофонтов Г.В. Хрестес. Шаманизм и христианство. – Иркутск, 1929.
- Кыпчакова Л.В. К вопросу о культе деревьев у алтайцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1974.
- Левин Г.Г. Исторические связи якутского языка с древнетюркскими языками. – Якутск, 2013.
- Линденау Я.И. Описание народов Сибири. (Первая половина XVIII века) / перевод с нем. З.Д. Титовой. – Магадан, 1983.
- Народы Сибири. Этнографический очерк. – М.; Л., 1956.
- Окладников А.П., Запорожская В.П. Петроглифы Забайкалья. – Ч. II. – Л.: Наука. 1970.
- Потанов Л.П. Исторические связи алтае-саянских народов с якутами (по этнографическим материалам) // Советская этнография. – 1978. – № 5.
- Потанов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. – Л., 1969.
- Прыткова Н.Ф. Глиняная посуда у якутов // Сборник Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера). – Т. XVII. – М.; Л., 1955.
- Сатлаев Ф.А. Кумандинцы. (Историко-этнографический очерк XIX – первая половина XXв.). – Горно-Алтайск, 1974.
- Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. – М., 1980.

- Сидоров Е.С. Очерки по олонхо. – Якутск, 2004.
- Тоцакова Е.И. Кожаная и деревянная посуда и техника ее изготовления у южных алтайцев // Материальная культура народов Сибири Севера. – Л., 1976.
- Тоцакова Е.И. Традиционные черты народной культуры алтайцев. – Новосибирск, 1978.
- Хитъ Л.Г. Расогенетические связи населения Алтае-Саян по данным дерматоглифики // Этнические связи народов Севера Азии и Америки по данным антропологии. – М., 1986.
- Чистяков Э.Ф. О телеутско-шорских контактах // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докл. конф. по лингвистике. – Омск, 1984.
- Ярхо А.И. Алтае-саянские тюрки. Антропологический очерк. – Абакан, 1947.

A.I. Gogolev

Yakutian-Altai ethno-cultural and linguistic parallels

In this article, the focus turned to the opening part of ethno-cultural and linguistic parallels between the Turkic-speaking peoples of Siberia - Yakutia (Sakha) and Altaians. These materials have led the author to suggest that the traditional culture of these peoples (in a broader sense with the Khakas and Tuvan cultures) is basically began to take shape in the ancient Turkic period and until the middle of I millennium AD. At the same time in the development of ancient Turkic culture contributed preceding Scythian-Siberian way in South Siberia (VI-III centuries BC).

Keywords: Altaians, Yakutians (Sakha), the Scythian-Siberian era, Turkic period, South Siberia, Central Asia, Early Turkic ethnic processes.

УДК 39:256 (=1.571.56)

B.E. Васильев

Кубок чороон ымыһа – символ культа плодородия: генезис и семантика ритуальных сосудов народа саха*

Кубок *чороон* является основным атрибутом обряда распития кумыса, когда первые порции напитка посвящаются божествам и духам предков, которые спускаются сверху в облике птиц или лошадей. В мифах их могли заменять небесные олени, связанные с культом плодородия. Культ матери-зверя, зародившись в недрах шаманства, позже уступает место культу богинь Айыыһыт, в котором сохраняется архаичный образ чрева матери в виде кубка *чороон*. Можно предположить, что символами богинь изначально являлись кожаные сосуды – предшественники глиняных горшков и медных котлов.

Ключевые слова: генезис, кубок, мешок, чрево богини, желудок тотема, горшки, бронзовые котлы, палеоазиатские, гунны, тюрки.

Общеизвестно, что предметный мир религиозных культов всегда несёт в себе сложную систему символов, в которой «закодированы» едва уловимые признаки, указывающие на многослойный характер того или иного явления. С течением времени изменяются внешний вид, функции и значение многих ритуальных вещей, олицетворявших идею плодородия и продолжения рода. К таким предметам относится и деревянный сосуд *чороон*, который народ саха применял в обрядах жизненного цикла от рождения до смерти человека. Семантика обрядов показывает, что риту-

альный кубок был связан с культами предков, богинь-матерей и тотемных животных.

Эта древняя основа культов скрыта под слоем поздних эпох с их новыми культами и атрибутами из ценных металлов. Место родовых жриц у очага заняли кузнецы, магическая сила которых была сильнее искусства воинов и шаманов. Однако вера в святость женских духов-предков прочно держалась в сознании древних людей. И это приводило к тому, что шаманы наделялись чертами жриц, тем самым узурпируя родовой культ плодородия.

*Статья написана в рамках проекта «История Якутии».

Подобно этому ритуальные предметы из меди, бронзы и железа могли копировать формы архаичных сосудов и выполнять их функции в обрядах обеспечения изобилия и богатства. В своё время А.П. Окладников, исследуя генезис кубка *чороон*, заметил, что он изумительно повторяет внешний вид горшков с круглым дном эпохи бронзы и раннего железа. По его мнению, *чороон* возник в результате «скрещивания» местных глиняных сосудов с формой скифского медного котла, имевшего конический поддон. Проще говоря, деревянный кубок напоминает горшок, «поставленный» на поддон скифского типа [Окладников, 1955, с. 289–290].

Иную версию происхождения кубка *чороон* предлагал искусствовед И.А. Потапов. Автор исходил из того, что древние образцы деревянных и берестяных сосудов предшествовали бронзовым сосудам и могли повлиять на их формы. Тулово архаичного *чороона* состояло из двух геометрических форм: усечённого конуса и полушара, стоявшего на поддоне. В основе этого лежала идея соединения бронзового котла с деревянным плоскодонным сосудом *ымыйа* или берестяным ведром *ыаҕас* для доения молока. Кубок *ымыйа* украшался валиками, а ведро *ыаҕас* – поясками из бересты и обручами из тальника. Древний *чороон* в середине тулова имел пояс в виде орнамента «позвонок», который обозначал линию стыка двух частей кубка. При этом искусствовед вовсе не опровергал и вероятность эволюции по пути обобщения форм скифского котла и керамической посуды автохтонов эпохи бронзы и раннего железа [Потапов, 1972, с. 61–63].

Таким образом, И.А. Потапов полагал, что древние мастера к скифскому котлу добавили элементы деревянной или берестяной посуды и получили *чороон*. Он выглядит как полукруглая чаша с узкой ножкой, на которую поставлен сосуд в форме ведра или жбана. При этом днище верхней посуды исчезает, а узор в виде позвоночника имитирует шов, соединяющий две половины. Теоретически такая трактовка допустима, так как учёным известны случаи находок сломанных чаш, отремонтированных берестой.

Однако археолог А.Н. Алексеев, развивая идею А.П. Окладникова, склоняется к мнению, что *чороон* отражает симбиоз культуры палеоазиатов и тюрков. Так, на основе классификации керамики кулун-атахской культуры [Гоголев, 1993, с. 194–195] исследователь удревняет начало фор-

мирования деревянного кубка до эпохи позднего неолита. На вставные ножки, принесённые кочевыми тюрками, могли водружаться глиняные сосуды с круглым дном, существовавшие у палеоазиатов. Поэтому кумысные сосуды могут свидетельствовать о смешанном характере кулун-атахской культуры, выросшей на базе культуры «малых домов» [Алексеев, 1996, с. 32, 53–56,]. Но возможно и более раннее бытование ножек-подставок в Якутии. Древнейшие прообразы трёх ножек горшков и кубков типологически восходят к своим аналогам из Китая, где сосуды-треножки и триподы появились в IV тыс. до н.э. [Там же, с. 45, 55]. Вероятность этой гипотезы усиливается и тем, что Амур, по мнению археологов, в эпоху неолита, бронзы и раннего железа был регионом, где сложился палеоазиатский пласт. В этом свете интересно мнение о том, что базовая основа кубка *чороон* возникла самостоятельно, а не в итоге искусственного синтеза разных сосудов, так как он носил глубокую смысловую нагрузку [Петрова, 2008, с. 103].

Спустя почти 20 лет, А.Н. Алексеев вводит уточнения в своё видение эволюции ритуальных кубков, считая перспективным поиск прототипов среди металлических котлов. Автор считает, что *чорооны* на поддонах были связаны с котлами хуннов, имевшими выраженный венчик и орнаменты, как и на якутских кубках, а сосуды на трёх ножках могут восходить к китайским триподам или же к гуннским котлам на трёх ножках. К такой мысли его привело наличие в Южной Сибири керамических копий медных котлов на высоких поддонах. Далее автор соединяет эти данные со старой гипотезой, предполагая, что первые попытки изготовления копий медных котлов могли предприниматься на глине, о чём говорят горшки, по форме напоминающие *чорооны* [Алексеев, 2015, с. 56–60]. Таким образом, намечается линия смены материалов от бронзы к глине, а затем к дереву.

Не подвергая сомнению возможность такой эволюции ритуальных кубков, всё же отметим факт одновременного существования и иных видов чаш из дерева, рога и кожи. Интересный пример приводится в коллективной монографии новосибирских археологов: в кургане Горного Алтая был обнаружен глиняный сосуд, у которого горловина имитирует кожаную, а днище – роговую ёмкость. При этом копия комбинированного кувшина, состоявшего из узкой кожаной горлови-

ны и роговой чаши с круглым дном, была орнаментирована линиями «швов», которые некогда соединяли части сосуда. Любопытна и сшитая конструкция роговых сосудов с плоскогорья Укок, восходящая к традиции изготовления болванок из кожи или ткани для придания сосуду округлой формы. Здесь же исследователи приводят пример экспериментального изготовления глиняного кувшина. Вначале из лоскутков кожи шьётся мешок, который наполняется песком, затем форму обмазывают глиной. После высушивания мешок с песком удаляется и получается сосуд с круглым дном [Бородовский, 2000, с. 155–157].

Для нас важно то, что саки Пазырыка заменяли кожаные сосуды изделиями из рога и глины, хотя придание глиняным или роговым сосудам мешкообразной формы значительно сложнее, чем изготовление из тех же материалов плоскодонок. Зачем скифы копировали изделия из кожи? Ответ мы находим у Геродота: во время обряда скифы мясо быка клали в желудок жертвенного скота, наливали воду и снизу разжигали костёр. «Кости отлично горят, а в желудках свободно вмещается очищенное от костей мясо. Таким образом, бык сам себя варит, как и другие жертвенные животные» [Геродот, 2004, с. 230].

Схожий охотничий обряд существовал у северных саха. Добыв дикого оленя, охотник осторожно сдирает шкуру руками, не применяя ножа. Затем он из восьми рёбер зверя изготавливал «ковш». Наполнив желудок кровью, охотник брызгал ею во все четыре стороны и благословлял: «Аан дойду иччитэ, асаа! Ойуур иччитэ, асаа!» («Дух мира ешь! Дух леса ешь!») [Гурвич, 1948, с. 75–77]. Можно предположить, что древние охотники воспринимали желудок как «сосуд» для ритуала, а роговые и глиняные вместилища являлись его заменителями. Интересно то, что свирепые скифы, делавшие чаши из человеческих черепов, использовали ритуальные ножи из рёбер быка [Геродот, 2004, с. 231]. Намёк Геродота на других жертвенных животных прозрачно показывает, что скифы могли варить мясо и в желудках тотемных оленей.

Надо отметить, что И.А. Потапов, кроме деревянной основы *чороона*, указывал и на архаичную праформу в виде кожаной посуды. Так, академик писал, что сосуд *ымыйа* по-иному назывался *матаар*. Последний термин этимологически связан с османским *матара* ‘мех для воды, прикрепленный к седлу’. В связи с этим автор

ставил резонный вопрос: не сталкиваемся ли мы здесь с фактом перенесения на деревянный сосуд названия кожаной фляги для жидкости? Однако автор ограничился лишь постановкой вопроса, так как эта тема выходила за рамки его исследования [Потапов, 1972, с. 50–51].

Тем не менее идея о преемственности кожаных и деревянных сосудов у кочевников продуктивна. Неслучайно название османского сосуда *матара* напоминает название дорожной переметной сумы *матаба*, которую саха приторачивают к седлу коня. В словаре Э.К. Пекарского [1959, стб. 1535] написано, что у долган *матаба* означает ‘дорожный ящик’, а также ‘кошелёк из тюленьей шкуры’. Из этого видно, что тюрки изготавливали сосуд *матаар* из различных материалов. Это тем более вероятно, что у женщин саха были кожаные продыmlенные подойники *сири ыбаас* для доения кобыл, которые по своей форме не отличались от деревянных сосудов *матаар*.

Очевидно, что название кумысного кубка *ымыйа* с плоским дном восходит к тюрк. *умай / ымай* ‘чрево матери’, ‘послед’. Семантика последа и материнской утробы наводит на мысль о схожести выпуклого тулова кубка с очертанием живота беременной женщины. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что *ымыйа* был связан с культом богини Умай, земным воплощением которой является материнское чрево *ымай кизли* [Саввин, 1937–1941, л. 170, 287]. Сравнение кубка как вместилища души с женским лоном приводило к тому, что он тесно «связывался природными феноменами, создающими новую жизнь». Цитируя этот тезис, А.Г. Петрова [2011, с. 197–198, 200] принимает гипотезу о том, что сосуд *чороон* повторяет формы ранних прототипов из других материалов и отражает их символические значения. Таким образом, изучаемый предмет выглядит как результат «сплава» разных культурных традиций на широком пространстве Евразии.

По материалам автора этих строк, в северных улусах Якутии женщины до сих пор почтительно относятся к плацентам коров, лошадей и детей, называя их *айыыһыт* ‘создательница’. На третий день после отёла скота они обёртывают послед телёнка сеном, помещают в ведро, выносят за околицу села и вешают на ветви деревьев. Старушки уточняют, что для обряда нужно подбирать зелёные и растущие деревья, а старые и сухие не годятся [Васильев, 2013, с. 99–100]. Эти сведения наводят на мысль о сходстве цилиндрического

кубка *матаар* с комлем дерева, в котором обитала хозяйка земли – богиня Аан Алахчын хотун.

В старину бабки помещали послед *айыыһым* ребёнка внутрь горшка и хоронили на левой половине очага. Там же, на «женской» стороне шестка, восседала старуха Дүбдүйэкээн – прародительница горшечниц. По записям А.А. Саввина, она была создана духом земли *Дойду иччитэ*. Мастерство горшечниц передавалось по наследству до седьмого поколения. На правой половине очага находился «корень» кузнецов, который считался слабее «корня» горшечниц. Кузнецы и шаманы называли горшечниц своими старшими сёстрами (*аҕас*). Горшок служил оберегом *ымыы* для детей и его величали *күөс ийэ* – «мать-сосуд» [Саввин, 1941, л. 21–28, 43]. Следовательно, горшок ребёнка ассоциировался с маткой *иньэ* и был сопоставим с яйцом.

В другом источнике основательницу «корня» из 39 горшечниц зовут Дөйдүйэкээн эмээхсин. Она жительница Нижнего мира, и её ставка находится в северо-восточном направлении [Боло, 1933–1936, л. 42–43]. Здесь обратим внимание на то, что шаманы, передававшие эти мифы, выводили имена *Дөйдүйэкээн* и *Дүбдүйэкээн* из слов *дойду* ‘земля, родина’ и *түптүйэ* ‘берестяной короб’. Термин *түптэх* (уменьшительная форма – *түптүйэ*) служил синонимом горшка *баҕарах*, в котором кипятили молоко [Саввин, 1941, л. 16]. Это приводит к мысли о возможном существовании мифа о том, что сама богиня земли носила имя, обозначавшее сосуд из глины или бересты, и была связана с числом 40 – символом круга жизни и смерти.

В свете этого приводим примеры из лексики древних тюрков, которые называли духов земли и неба *иди* / *изи*. Из этого же корня можно вывести термины *идиш*, *изиш* ‘чаша, сосуд’ [Древнетюркский словарь, 1969, с. 203]. Эти примеры показывают, что божества тюрков изначально имели женскую ипостась. Сосуд *идиш* в руках половецких каменных баб аналогичен «рогу изобилия» у пазырыкцев. На это указывает и этимологическая близость названий чаш *изиш* / *ыдыс* / *иһит* с тюркскими терминами *ыдык* / *ытык* / *ызых* ‘святой, священный’. И это ещё раз подтверждает то, что кубок *ымыйа* олицетворял утробу Умай, восходящую к культуре тотемных покровителей.

Связующим звеном между чревом матери и желудком тотема является то, что у барабинских

татар беременные женщины называются *корса-клу*, (*корсак* ‘брюхо’) [Дмитриева, 1981, с. 155]. Последнее слово соответствует общетюрскому термину *курсак* / *куртах* ‘желудок’. При этом татары куклы богов называли *конгырчак*, *конгырчак*, *курчак*. Они помещали их в ящики и хоронили в поле [Там же, с. 154, 156]. Эти сведения показывают, что культ 40 горшечниц был связан с погребальным обрядом тюрков. Примечательно то, что сибирские татары образ чрева тотема перенесли на гробы предков. Образ брюхатой богини земли показывает, что святые сосуды изобилия были сопоставимы с вёдрами, в которых якутки хранят плаценты *айыыһым*.

О том, что саха одним из прообразов горшка *күөс* считали посуду *матаар*, можно судить по этимологической связи слова *көбүс* ‘спина, корпус тела’ с тюркскими терминами: аз. *когуш*, тур. диал. *кавуш*, узб. диал. *коваш*, тат. *кувыш* ‘полость’, ‘балка’, ‘матица потолка’. Лингвисты добавляют сюда и монг. *ко±осун*, *кобул* ‘дупло, пещера’ [Этимологический словарь тюркских языков..., 2000, с. 18–19]. При выпадении звука «б» як. *көбүс* ‘полый корпус’ образует новое слово *күөс* ‘горшок’. Вероятно, древние люди облепляли глиной чурки трухлявого дерева и путём обжига получали горшки с плоским дном. Первые образцы могли копировать корпус цилиндрического *матаара*. Эта деталь совпадает со словами стариков саха о том, что корни срубленных деревьев с солнечной стороны имеют овальную форму, так как южная половина всегда растёт быстрее. Интересно то, что *матаар* изготавливался путём сгибания берёзовой доски в дугу, и тем самым он повторял овальную форму корня дерева.

По преданиям саха, среди предков патриарха Омогоя был человек по имени *Хордой Хоҕоһун*. Трактовка эпонима допускает его рождение из дупла дерева. Видимо, первая часть имени связана с птицей Кус Хоро, прилетавшей из земли Кытай, а вторая часть – с родовым (мировым) деревом с дуплом. В таком случае получается, что Кытай – это страна Кидань, откуда появлялась птица Хордой – Гаруда. В этом свете женский короб *матаарчак*, в котором обычно хранятся вещи для шитья, напоминает люльку и одновременно – гнездо *уйа* на шаманском дереве. Во всех этих образах ясно проглядывает деревянная основа сакральных вместилищ.

В старину самые большие и средние кубки *чо-роон айах* (*сиэллээх айах*) и *кэриэн айах* называ-

лись ещё *чороон ымыйа* и *кэриэн ымыйа* [Материалы об ысыахе Нахаринского наслега, 1945, л. 2, 18, 20]. Следовательно, слово *ымыйа* можно отнести только к названию большого кубка с одной ножкой, и этим объясняется то, что огромные сосуды на трёх ножках, выточенные из берёзы, практически не встречаются. Отсюда вытекает предположение о том, что треножные чаши малых размеров с плоским дном могли иметь иной генезис, чем сосуды на поддоне. Семантика всех сосудов *чороон* выходит на общие понятия, такие как «красивый», «высокий», «величественный», а их божественную сущность отражает орнамент *от ойуу* или *тараах ойуу* («травянистый узор» или «гребенчатый узор»), служивший знаком изобилия, дождя, урожая и приплода. На этой почве кубок стал одним из символов национальной культуры [Николаева, 2015, с. 112].

Образ предка-шамана проглядывает в мифе об отце Эллэя: во время бегства на север этот 300-летний шаман сидел в мешке *хааһах*, который был приторочен к седлу коня. Именно он, будучи слепым, указывал сыну дорогу на Лену [Ксенофонтов, 1977, с. 29]. Под мешком *хааһах* подразумевается переметная сума *матаба*. Поэтому миф гласит о том, что отца Эллэя звали Хаппар Саарын. Это имя происходит от як. *хаппар* ‘женский кошелек, кубышка’ и монг. *заарин* ‘великий шаман, прошедший девять посвящений’. Значит, мешок с костями шамана был родовым фетишем первопредка народа саха. Похожая легенда существует у западных бурят: во время джунгарского нашествия в XVII в. хангины, бежавшие на север, из отрубленной головы шамана Буртэ сделали *онгон* и сохранили его дух для потомков. Они увезли с собой фетиш, привязав к косе шамана Хортон, а по иной версии – поместив в мешок *ута*, притороченный к седлу лошади [Николаев, 2015, с. 34]. Реальное событие из истории Монголии подсказывает нам, что мифы саха о предке-шамане, «сидевшем в мешке», были основаны на действительных фактах.

Вероятно, неслучайно место, впервые заселённое предками саха, носит название Баҕарах. В корне этого слова прослеживается древнетюркское *баҕ / боҕ* ‘узел’, ‘дорожная сума’ [Древнетюркский словарь, 1969, с. 77, 109]. Таким образом, горшок *баҕарах* вполне мог иметь свой прообраз из кожи. На это указывают термины: турк., уйг. *боҕаз*, монг. *боос*, каз. *буаз*, як. *буос*, ‘беременная’, ‘стельная’, ‘жеребая’. В связи с этим

вспомним общность происхождения турецкого термина *матара* ‘фляга для воды’ и якутского *матаар* ‘кубок для кумыса’. Можно допускать, что прототип сосуда из кожи был заменён медным кувшином, о чём свидетельствует др.-тюрк. *бабыр / бакыр* ‘медь’ [Там же, с. 78, 82]. По мнению Г.В. Попова [2003, с. 106], *баҕарах* ‘чаша, горшок’, действительно, возводится к тюркским терминам: *бакыр* ‘медь, медные деньги’, ‘черпак’; *бақрач* ‘кастрюля’, ‘ковшик, котелок’; *бакырак* ‘ведро’. В таком случае прав А.Н. Алексеев, считающий, что глиняные сосуды типа *баҕарах* могли быть копиями гуннских котелков.

В трудах Геродота есть легенда о том, что скифский царь приказал отлить из медных накопников стрел огромный котёл. Подобный котёл среди скифов, гуннов и половцев служил символом единства общества, кормящегося из него [Плетнёва, 1982, с. 23]. Отголоски медных фетишей звучат в мифах тюркских народов Сибири. Так, в тувинском тексте камлания *алгыш* упоминался «коричневый бубен» – *баар дюнгор*. Его название также возводят к тюрк. *бакыр / бабыр* ‘медь’, ‘медный’; ‘бронза’, ‘бронзовый’; ‘багрый’, ‘багровый’ [Татаринцев, 2000, с. 166–167]. По Н.Ф. Катанову, внутри родовой горы качинцев висел медный бубен шаманов, оставленный по наследству бабушками по матери. Аналогичным путём бубны обретали шаманы Западной Тывы, у них бабка священной горы являлась маралом [Дьяконова, 1997, с. 40].

Эти сведения показывают, что хозяйками бронзовых котлов ещё долго оставались жрицы, а медные бубны олицетворяли образ оленя. Яркий пример подобного поверья находим в мифах. Во время обряда *Ыһыах* саха строго запрещали размешивать кумыс медной, серебряной или железной ложкой. Табу объясняли тем, что *айыы* не знали посуды из металлов [Материалы по верованиям якутов..., 1940, л. 158]. Таким образом, верхняя датировка этой традиции относится к неолиту, а более ранняя уходит корнями в глубь веков. Бронзовые котлы приводят к мысли о том, что и другие сосуды из дорогих металлов могли служить древним людям в качестве фетишей.

В фольклоре эвенков хозяйка леса и зверей является «белой» шаманкой с серебряным бубном. Анализируя ряд архаичных образов прародительниц, восходящих к культу утробы богини-матери *оме*, Т.Ю. Сем пишет о том, что у нанайцев эта богиня живёт на юге под землёй и владе-

ет ключевой водой. Её ипостаси в облике медведя или изюбра позволяют определить возраст культа эпохой палеолита. Культ матерей у тунгусоманьчжурских народов отражает общеалтайский, неолитический пласт мифологии, хотя уровень анимистических представлений указывает на древнейшие образы тотемов и богинь-праматерей [Сем, 2013, с. 128, 123, 132, 200–201]. В эти же рамки вписывается догадка В.В. Ушницкого [2008, с. 127–128] о том, что *чороон*, возможно, изобрели юкагиры, обитавшие на Лене начиная с эпохи неолита и бронзы. Образно говоря, предкам саха горшки могли лепить их юкагирские жёны, предки которых были рыбаками, о чём может говорить рисунок *илим хараба* («сетевой узор»), очень часто проходящий по центру тулова кубков.

Связь тунгусской «белой» шаманки с «живой водой» подземелья сильно напоминает легенду саха о том, что во время болезни будущий шаман питался одной «чёрной водой» из родника, что символизирует его второе рождение из лона земли. Атрибут богини земли в виде серебряного бубна даёт основание предполагать, что тюркские вазы из серебра, попадая в тунгусскую среду как редкие и дорогие вещи, включались в число родовых оберегов. И эта версия доказывает многослойный характер сложения форм ритуальных кубков, подчёркнутый предыдущими исследователями.

На наш взгляд, чаши *идиши айак* с плоским дном не использовались для распития кумыса, т.к. древние божества боялись звона металла. Поэтому вазы из благородных металлов могли заменять сосудами из берёзы, на которые приделывали фигурные ножки. А большие кубки с названиями *ымыйа* и *аньах* (ср. с тюрк. *ана*, як. *иньэ* ‘мать’; як. *ынах* ‘корова’) становились ритуальными в силу того, что являлись атрибутами жриц. Именно поэтому на дне сосуда саха оставляли остаток кумыса из соображения того, что лоно матери-сосуда не должно оставаться пустым и бесплодным. Интересно и то, что дно *чороонов* часто имеет сквозную дыру, заткнутую пробкой, в чём мы усматриваем, кроме утилитарной цели предохранения от трещин, связь с женским началом. Возможно, через этот канал приходила живительная влага от богини земли, обладавшей шаманской «чёрной водой» бессмертия.

По словам шаманов, покровителями кузнецов (*уус төрдө*) являлись 9 родных братьев. Их имена представляли собой названия инструментов по металлу. Во главе пантеона стояло главное божество Аан Түптүэй («Изначальный Сосуд») [Саввин, 1936–1938, л. 50]. Интересно то, что в этом списке духов Аан Түптүэй стоит в 12-м ряду как замыкающий и самый дальний. Значит, шаманы саха числом «9» на самом деле называли число 12. При этом бесспорно то, что в имени божества кузнецов заложено название сосуда, раньше служившего атрибутом богини земли. Отсюда ясно, почему кузнецы утверждали, что их «корень» предков находился в Нижнем мире, однако они были слабее женщин-горшечниц.

О причастности кузнецов к шаманству через культ священных сосудов говорит загадка: «*Ууга уктахха саар уора, таһылдыа обуустахха тойон дунгур тыаһа*» («Если в воду засунуть, то покажет гнев царя, а если бить на улице, то издаст звон господина-бубна») [ПМА, 2016]*. В данной загадке видно то, что глиняный горшок сравнивается с большим шаманским бубном с девятью рожками, а также ассоциируется с большим кубком *тойон аньах*, имевшим, видимо, 9 основных поясков с узорами. Возможно, до металлических бубнов люди изобрели деревянные сосуды, служившие символом лона богини земли. Именно потому *ымыйа* проявляет генетическое сходство с шаманским бубном.

Таким образом, мы приходим к выводу, что прообразом сосуда *чороон* был желудок зверя, наполненный готовой пищей для удачливых охотников. Позднее образ желудка был перенесён на утробу женщины, чья беременность связывалась с употреблением пищи (души) из чрева тотемного духа. Видимо, беременность жриц магическим образом влияла на плодовитость всех зверей и птиц. Кубок *чороон* олицетворял богинь-матерей. При этом Аан Алахчын хотун, выходящая из комля мирового древа, наглядно показывает соединение деревянного *матаара* с кожаной основой *ымыйа*, тем самым плавно передавая свой образ более поздним видам сосудов.

Промежуточным звеном между кожаными и металлическими сосудами являлись глиняные горшки. Отсюда возникает догадка о том, что

*ПМА – полевые материалы автора. Информаторы: Неустроев Николай Андреевич, 1929 г.р., житель с. Бетюнг Амгинского улуса; Захарова Ванина Ивановна, 1955 г.р., учительница с. Амга Амгинского улуса. Записи 2016 г., г. Якутск.

кубки из металлов должны были повторять очертания древних сосудов и вместе с выпуклыми формами тулова и лона заимствовали сакральную силу своих предшественников. На наш взгляд, этому не противоречит и обратный процесс, когда бронзовые котлы копировались при производстве керамики. Генезис кубка *чороон* показывает, что идеология шаманства очень тесно связана с культом плодородия. Священные сосуды были равнозначны бубнам, и выступали как ранние прототипы ритуальных атрибутов. На этой почве изучение истоков шаманства бесспорно требует новых подходов на основе широких научных сопоставлений культурных феноменов у коренных народов Сибири.

Сокращения

Аз. – азербайджанский.
Каз. – казахский.
Монг. – монгольский.
Тат. – татарский.
Тур. диал. – турецкий диалект.
Турк. – туркменский.
Узб. диал. – узбекский диалект.
Уйг. – уйгурский.
Як. – якутский.

Литература и источники

- Алексеев А.Н.* Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья / отв. ред. акад. РАЕН В.Е. Ларичев. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. – 96 с.
- Алексеев А.Н.* О происхождении якутских чоронов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2015. – № 1 (10). – С. 55–61.
- Боло С.И.* Родословные и прочие записи в районах Чурапча, Мегино-Кангаласский, Западно-Кангаласский. 1933–1936 гг. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 14. Д. 54. 60 л.
- Бородовский А.П.* Технология изготовления предметов из полого рога // Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – С. 144–157.
- Васильев В.Е.* Этнографические этюды Момского улуса // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2013. – № 1 (6). – С. 98–102.
- Геродот.* История / пер. с греч. и комм. Г.А. Стратановского; вступ. ст. И.Е. Сурикова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2004. – 640 с.
- Гоголев А.И.* Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. – 200 с.
- Гурвич И.С.* Охотничьи обычаи и обряды у населения Оленёкского района // Сборник материалов по этнографии якутов. – Якутск: Якут. гос. изд-во, 1948. – С. 74–94.
- Дмитриева Л.В.* Язык барабинских татар (материалы и исследования). – Л.: Наука. 1981. – 225 с.
- Древнетюркский словарь.* – Л.: Наука. 1969. – 676 с.
- Дьяконова В.П.* Шаманки и общество у народов Саяно-Алтая // Шаман и Вселенная в культуре народов мира: мат. Междунар. симпозиума: сб. докл. и ст. – СПб.: МАЭ РАН, 1997. – С. 36–42.
- Ксенофонтов Г.В.* Элэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. – М.: Наука, 1977. – 248 с.
- Материалы по верованиям якутов. Обрядовый и шаманский фольклор. 1940 г. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 301. 245 л.
- Материалы об ысыахе Нахаринского наслега, 1945 г. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 649. 21 л.
- Николаев Я.В.* Буртэ-убугун и тема об усечённой голове в Орде // Вестник Бурятского научного центра СО РАН: научный журнал. – 2015. – № 2. – С. 30–38.
- Николаева А.М.* Об этнографической реалии якутского народа «чорон» // Электронный политематический научный журнал КубГАУ. – 2015. – № 113 (9). – С. 101–112.
- Окладников А.П.* Якутия до присоединения к Русскому государству // История Якутской АССР. – Т. I. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 430 с.
- Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка: в 3 т. – 2-е изд. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – Т. 2. – 1959. – Стб. 1281–2508.
- Петрова А.Г.* Кумысная утварь: к проблеме истоков художественных традиций // I Потаповские чтения, 12 окт. 2007 г.: науч. конф.: докл., сообщ. – Якутск: Рекл. агентство «Апрель», 2008. – С. 101–103.
- Петрова А.Г.* К проблеме формообразования традиционной посудной пластики саха // Диалог и общество: мат. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Нац. художеств. музея Респ. Саха (Якутия) (нояб. 2008). // Якутск: Медиа-холдинг «Якутия», 2011. – С. 196–200.
- Плетнёва С.А.* Кочевники средневековья: поиски исторических закономерностей. – М.: Наука, 1982. – 192 с.
- Попов Г.В.* Этимологический словарь якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2003. – 180 с. (Ч. I: А–Дб).
- Потапов И.А.* Якутская народная резьба по дереву. – Якутск: Кн. изд-во, 1972. – 143 с.
- Саввин А.А.* Верования якутов: Демонизм. 1936–1938 гг. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 68. 98 л.
- Саввин А.А.* Верования якутов. 1937–1941 гг. // Там же. Д. 70. 347 л.
- Саввин А.А.* Гончарное ремесло у якутов. 1941 г. // Там же. Д. 5. 64 л.

Сем Т.Ю. Верховный пантеон тунгусоманьчжурских народов Сибири и Дальнего Востока: XIX–XX вв. (Типология и семантика образов). – Южно-Сахалинск: Сахалинский обл. краевед. музей, 2013. – 240 с.

Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. – Т. I. А – Б. – Новосибирск: Наука, 2000. – 341 с.

Ушницкий В.В. К вопросу происхождения якутского чорона // Первые Потаповские чтения, 12 окт. 2007 г.: науч. конф.: докл., сообщ. – Якутск: Рекл. агентство «Апрель», 2008. – С. 124–128.

Этимологический словарь тюркских языков: Общетюрк. и межтюрк. лексические основы на букву «К». – М.: Изд-во «Индрик», 2000. – 265 с.

V.E. Vasilev

Cup choron ymyia – a symbol of fertility cult: the genesis and semantics of ritual vessels of the Sakha people

The cup choron is the main attribute of a ceremony of drinking kumys when the first portions of drink are devoted to sacral forces – gods and ancestral spirits. These spirits went down from above in the form of white birds and horses. In the ancient myths they could implement totem deer, closely associated with the cult of mothers. The cult of “Mother of the animal” which arose in shamanism subsoil gives way to a cult of goddesses of Ayyhyt in which the archaic image of “mother’s belly” in the form of a cup for kumys remains later. It is possible to assume that as symbols of goddesses-mothers (a female womb) were originally leather vessels – predecessors clay pots and copper boilers.

Keywords: genesis, cup, bag, goddess belly, totem stomach, pots, bronze coppers, Paleo-Asiatics, Huns, Turks.

УДК: 94(100)“1939/45”

Ю.Д. Петров

Правда и ложь о Великой Победе

На западе идет усиленная и преднамеренная фальсификация итогов и значения минувшей войны. В статье подчеркивается несостоятельность основных направлений западной фальсификации истории войны. Выделены основные проблемы современной отечественной историографии. Уточняется количество призванных на фронт воинов-якутян в сравнении с другими регионами. Приведены новые цифры о безвозвратных потерях республики. Представлен боевой путь воинов-якутян, указаны 7 памятных знаков в их честь. Особое внимание уделяется демографическим последствиям войны для Якутии. Демографическая катастрофа из-за голода в тылу нанесла невосполнимый урон генофонду народа саха.

Ключевые слова: мировая война, западная фальсификация, историография, безвозвратные потери, мобилизация, людские потери, снайперы, памятные места, голод, демографическая катастрофа.

История Второй мировой войны остаётся основным направлением острейшей идеологической, научной и информационно-психологической борьбы. В ней сознательно допускаются искажения, тенденциозность в оценке событий, а подчас и ложь. Важное место в арсенале идей современных фальсификаторов занимают наработки американской историографии, обслуживающей цели внешней политики США. Притязания США на руководящую роль в послевоенном мире материализовались в фальшивой концепции, фактически отрицающей решающую роль Советского Союза во Второй мировой войне и превоз-

носящей «значительный» вклад США в разгром фашизма.

Изучение истории войны на Западе поставлено на государственный уровень. В США издано 85-томное издание “Армия США во Второй мировой войне”, Англии – 80-томная “Официальная история Второй мировой войны”, Германии – 40-томное издание “Германский рейх и Вторая мировая война”, Японии – 96-томное издание “Официальная история войны в Великой Восточной Азии».

Основные направления западной фальсификаций истории и итогов войны таковы:

1. Стремление снять с западных государств ответственность за развязывание Второй мировой войны и представить нападение Гитлера, как вынужденную меру защиты Европы. Гитлер, «сражаясь против англичан на Западе, не мог примириться с русской экспансией», «СССР стремился к экспорту революции в мировом масштабе», «в 1941 году Советский Союз сосредоточил на западной границе мощную группировку своих войск и подготовил вторжение Красной армии в Европу через Германию, тем самым спровоцировал упреждающий удар Гитлера».

Современные исследования и публикации еще раз подчеркивают, что напасть на СССР Гитлера вынудили Англия и США. Общеизвестно, что Гитлер был приведен к власти Лондоном, Вашингтоном и в меньшей степени Парижем. Его вскормили с одной целью – нападения на СССР. Им нужно было, чтобы Германия и СССР в предстоящей войне взаимно обескровили друг друга.

2. Преуменьшение вклада СССР в разгром фашистского блока и, напротив, преувеличение вклада Англии и США. Первенство отдается Тихоокеанскому и Североафриканскому театрам военных действий, а советско-германскому фронту отводится второстепенное место. Расхожей стала теория «США – «главный «архитектор Победы», «Концепции решающих битв», когда абсолютное большинство «решающих битв» приписывается действиям англо-американских войск.

Факты говорят об обратном. Протяженность советско-германского фронта составляла от 3 до 6 тыс. км (Западный фронт – 800 км, Африканский – 300 км, Итальянский – 350 км). Продолжительность боевых действий: на советско-германском фронте из 1418 суток 1320; итальянском из 663 – 492; западном – из 338 – 293; северо-африканском – из 973 – 309. На Восточном фронте сражалось более 70% сухопутных вооруженных сил Германии. Советской армией разгромлено 507 немецко-фашистских дивизий и 100 дивизий ее союзников, это в 3,5 раза больше, чем на всех остальных фронтах Второй мировой войны. На советско-германском фронте враг понес три четверти своих людских потерь. Здесь была уничтожена основная часть военной техники вермахта: более 75%.

3. Версия о том, что Советский Союз совершенно не был готов к отражению фашистской агрессии, а его победы над Германией объясняются «военным счастьем для русских». Для объ-

яснения причин поражения вермахта ими разработана специальная теория «случайностей». К числу таких случайностей они, как правило, относят неблагоприятные для немецко-фашистских войск погодные-климатические условия Советского Союза, «Генерал мороз», «Генерал грязь», «морозы причиняли больше потерь, чем военные действия», большую протяженность его территории, просчеты и ошибки Гитлера как политического и военного руководителя, преуменьшение потерь немецкой стороны и преувеличение потерь Красной армии – «русские забросали немцев трупами, что остановило наступление набожных людей». Мороз и грязь действовали одинаково для двух сторон, а то, что немцы не рассчитывали на зимнюю кампанию, виноваты гитлеровские генералы. То же самое было и с армией Наполеона.

Безвозвратные потери армий СССР и Германии (включая военнопленных) – 11,5 млн. и 8,6 млн. чел. Соотношение безвозвратных потерь армий СССР и Германии с сателлитами составляет 1,3:1

4. «Попытки коммунистической экспансии во время освобождения стран Европы».

При вступлении Красной армии на территорию других стран Правительство СССР руководствовалось существовавшими в то время договорами и соглашениями, которые соответствовали нормам международного права. Около 7 млн. советских воинов более года вели ожесточенные сражения с врагом на территории 11 стран Европы. Всего безвозвратные потери Красной армии при освобождении стран Европы составили более 1 млн. чел., а с санитарными – 4 млн. Наши потери при освобождении Румынии – 68993 чел; Польши – 600212; Чехословакии – 139918; Венгрии – 140004; Болгарии – 977; Югославии – 7995; Восточной Австрии – 26006. Такова, правда истории и ответ на вопрос: «Кто избавил Европу от фашизма» [Против фальсификации..., 1964; Куманев, 2006, 2007; Материалы круглого стола, 2009; Азадовская, Азадовский, 2011; Сухарев, 2012; Фальсификация истории..., 2015].

6. Количество потерь Советского Союза в войне и цена Победы являются первостепенным по важности спорным моментом в толковании истории Второй мировой войны. Война, навязанная Гитлером, была войной на полное истребление народов нашей страны. Советский Союз испытал настоящую демографическую катастрофу. Без-

возвратные потери личного состава РККА составили 11444,1 тыс. человек, на оккупированной фашистами территории уничтожено и расстреляно 9987,0 тыс. мирных жителей, в том числе 221000 детей. Из 5,3 млн. гражданских лиц, насильственно вывезенных на работы в Германию, погибло 2,2 млн. человек. От голода, болезней, непосильного труда и иных жестоких воздействий оккупационного режима погибло 4,1 млн. мирных граждан. Через немецкие лагеря прошло от 5,2 до 5,7 млн советских военнопленных. Из этого числа погибли от 3,3 до 3,9 млн человек. Всего людские потери СССР 29 млн. 724249 человек. Из них 18 млн. – мирное население. Вот суть фашизма и цена нашей Победы [Поляков, 1985; Петров Ю.Д. 2010, 2015].

Таким образом, цель западных фальсификаций очевидна: 1) выгородить истинных виновников войны; 2) принизить вклад СССР в разгром фашистского блока; 3) очернить освободительную миссию Красной армии и поставить под сомнение геополитические итоги Второй мировой войны.

Следует особо подчеркнуть, что эффективным способом противодействия попыткам фальсификации истории является широкое введение в научный оборот новых исторических документов, в том числе рассекреченных. Также необходимо отметить, что для борьбы с фактами искажения истории в нашей стране при президенте Российской Федерации создана Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

С начала 90-х годов начался процесс переписывания истории Великой Отечественной войны. При этом основной удар наносится по сознанию молодежи, а искаженные взгляды на события Великой Отечественной войны проникли, как ни печально, даже в школьные учебники истории.

Современную историографию Великой Отечественной войны можно разделить на три направления. Первое направление рассматривает историю войны как полигон для сведения политических счетов и выбирает из нее лишь те факты, которые позволяют обосновать радикальные взгляды. Второе – проделана большая работа для освещения «белых пятен». Третье – слабой стороной современной отечественной историографии является отсутствие интереса к изучению внутри-и внешнеполитических проблем истории войны, состояния советской экономики, роли тыла в войне.

Наша страна в минувшей войне больше всех понесла людские потери. Между тем до сих пор даются самые различные цифры по людским потерям. До сих пор в публикациях доминирует суровая критика действий Сталина на различных этапах войны, тезис о «прострации Сталина» в начальный период войны. Выявилась тенденция – выдвижение не до конца проверенных, скороспелых суждений, искажающих сложную и противоречивую историю Великой Отечественной войны. До сих пор объективно не освещен национальный вопрос в ходе Великой Отечественной войны, роль и вклад народов СССР в дело Победы и на фронте, и в тылу.

В годы Великой Отечественной войны якутяне впервые в своей истории приняли непосредственное участие в защите своего Отечества.

В годы войны из Якутии призвано на фронт 65125 чел. Из других регионов Советского Союза были призваны около 2000 якутян. Кроме того, на военную службу из Якутии были призваны в 1939 г. 240, а в 1940 г. 434 чел. В 1942 г. за июнь–июль призвано 10896 чел., из них 7232 из северных районов, хотя они имели бронь. Получилось так, что в 1944 г. призывать было некого, набрали только 4681 чел. По сравнению с другими национальными районами страны из Якутии был очень высокий процент призыва на фронт. Мое рассуждение – численность сельского населения в Якутии перед войной составляла 280000 человек, примерно половину из них составляли мужчины, это 140000 человек. Выходит 1/2 часть из них была призвана на фронт, остались старики, мальчики допризывного возраста, мужчины, не пригодные к воинской службе по состоянию здоровья и имеющие бронь. Основной контингент призыва составляли сельские мужчины, городские, занятые в промышленности, транспорте, связи массово не призывались. Выходит, почти каждый второй здоровый мужчина, который стоял на ногах, был призван из Якутии на войну. По воспоминаниям старожилков, в наслегах осталось после тотального призыва по 2-3 ходячих мужчины. Почему такой большой процент призыва никто не может объяснить? Вопрос, открытый на сегодняшний день. Есть только догадки.

Вернулись с фронта 15754 чел., в том числе 3754 бойца комиссованные ранее по ранению. В итоге, безвозвратные потери воинов-якутян на фронтах Великой Отечественной войны составили 49632 чел. На основе статданных о призван-

ных на фронт воинах-якутян и вернувшихся живыми, можно сделать следующий вывод: количество воинов-якутян, погибших на фронтах Великой Отечественной войны составляет 38415 человек; количество пропавших без вести, попавших в плен и не вернувшихся по разным причинам на родину воинов-якутян, составляет 11217 чел. Сколько из них погибли в бою и умерли от полученных ран, сколько из них пропали без вести – вопрос открытый. Получить ответ о количестве погибших в бою воинов из числа пропавших без вести – задача на данном этапе неразрешимая.

Для сравнения приведем количество погибших воинов других национальностей: русские 5756,0 тыс. чел., башкиры 317 тыс., киргизы 266, удмурты 232, марийцы 209, буряты 130, коми 116, народности Дагестана 111, калмыки 40, кабардинцы и балкарцы 34 тыс. человек. Разница большая [Петров Д.Д., 1979; Петров Ю.Д., 2001, 2005, 2010, 2015; Петров П.Д., 2015].

Масштабы мобилизации и людские потери Якутии, таким образом, нисколько не ниже, чем потери даже в центральных регионах страны в процентном отношении.

Воины-якутяне воевали на всех фронтах Великой Отечественной войны, прошли с боями от Москвы до Берлина, от Волги до Эльбы. За героизм и мужество 24 якутянина + 1 удостоились звания Героя Советского Союза (Герой России – М.М. Стрекаловский). 3 ноября 1944 г. к званию Героя Советского Союза был представлен Захаров Виктор Николаевич. Приказом по 14-й армии от 28 ноября 1944 г. награжден орденом Отечественной войны I степени. Герою Сталинграда Гавриилу Протодьяконову звание Героя Советского Союза присвоено 21 ноября 1998 года решением Постоянного Президиума Съезда народных депутатов СССР посмертно. 5 человек стали полными кавалерами ордена Славы, награждены полководческими орденами 408 человек, притом некоторые по 3–4 раза, более 10 тыс. воинов – боевыми орденами и медалями.

На фронтах Великой Отечественной войны якуты выступили инициаторами снайперского движения. Оно началось под Москвой. Только пули шестерых снайперов – Ф.М. Охлопкова, И.Н. Кульбертинова, А.А. Миронова, Д.А. Гуляева, Е.К. Петрова, Г.К. Федорова поразили, по неполным данным, более 1170 солдат и офицеров противника. наших снайперов высоко оценивали видные военачальники. Маршал И.Х. Баграмян

писал об Ф.М. Охлопкове: «... С октября 1942 г. прославился как снайпер. Слава его как лучшего снайпера дивизии, армии, затем и фронта гремела в течение полутора лет. Это был редкостный мастер меткого огня...». 3 января 1943 г. Военный совет Западного фронта устроил прием знатных снайперов. На приеме присутствовал якут А.А. Миронов. Премьер-министр, маршал, герой Монгольской Народной Республики Чойбалсан наградил А.А. Миронова Орденом Республики. Под Ленинградом отличился Егор Догордуров. Его рота называлась «истребительное подразделение». Принял его лично первый секретарь ГК ВКП(б) Жданов и назвал его «стахановец войны». Снайпер-минометчик Илья Бочкарев под Москвой уничтожил пулеметную точку, 120 фашистов, тем самым лично удивил командующего 30-й армии генерала Дмитрия Даниловича Лелюшенко. Маршал Советского Союза В.И. Чуйков в своих воспоминаниях писал о Г. Протодьяконове: «Он так хорошо маскировался, что танкисты противника узнавали об этой пушке тогда, когда уже или горели, или были подбиты». Маршал И.С. Конев писал: «Якутский народ может гордиться своим славным сыном... Слава сержанту Григорию Окорокову». Редчайших знаков фронтовой доблести «Снайпер» удостоились около 100 воинов-якутян [Петров Ю.Д., 2010, с. 64–66].

Воины-якутяне на фронтах войны прославили свой народ. В честь погибших воинов-якутян за пределами республики установлено семь памятников: в Новгородской области «Вечная слава воинам-якутянам, погибшим в боях за освобождение Старорусского района от немецко-фашистских захватчиков в 1943 году»; памятная плита с надписью «Воинам-якутянам, павшим в боях за оборону Москвы в 1941 году от трудящихся Каширы» возложена в районе д.Зендиково под Каширой; в деревне Фильки в 17 км от Ржева, сооружен мемориальный комплекс, где высечены имена 450 погибших воинов-якутян; в городе-герое Волгограде есть улица «Якутская» в честь воинов-якутян, погибших в Сталинградской битве; на обелиске в хуторе Кузьмичи Городищенского района Волгоградской области занесены имена 20 якутян, погибших здесь в боях 20–24 октября 1942 г.; на правом берегу Днепра в Гомельской области Белоруссии стоит памятник Герою Советского Союза Ф.К. Попову; на Зееловских высотах в Германии – памятник двадцати Героям Советского Союза, где золотыми буквами высе-

чено имя нашего героя Н.Н. Чусовского [Петров Ю.Д., 2015, с. 69–70].

В годы войны в Якутии произошла настоящая демографическая катастрофа. Рождаемость в Якутии до войны была довольно высокой и находилась на уровне общесоюзной. Но в годы войны картина эта сильно изменилась: по годам рождаемость на 1000 душ населения составила: 1941 г. – 35,3; 1942 г. – 25,6; 1943 г. – 17; 1944 г. – 23,2. В годы войны по известным причинам резко увеличилась смертность. На 1000 душ населения республики она составляла: 1940 г. – 29; 1941 г. – 37,7; 1942 – 45,6; 1943 г. – 42; 1944 г. – 23,5 [Сивцева, 2000, с. 103–104].

Если взять отдельно сельское население, состоящее в основном из саха, то картина то же совсем другая. По уточненным статистическим данным смертность населения в сельской местности была таковой: 1941 г. – 43,7%, 1942 г. – 51,4%, 1943 г. – 49,4%, 1944 г. – 29,5, 1945 г. – 21,9%, а в среднем за годы войны – 39,2%. Есть данные о количестве саха, умерших в тылу: 1941 г. – 44,4%, 1942 г. – 49,0%, 1943 г. – 47,5%, 1944 г. – 30,3%, 1945 г. – 22,0%. Всего 38,6 %. Смертность населения в городских поселениях – 26,1 % (17058 чел.) [Сивцева, 2000, с. 103–104; 2005; 2009, 2010].

Апогей смертности падает на зиму 1942/43 года, когда от голода умерло около 34000 человек. Показатели смертности у саха были огромны в 1941–1943 гг., притом в 1942 г. они были даже выше цифр по СССР. Сказать точно, сколько человек умерло в тылу по разным причинам – почти невозможно. Есть самые разные цифры. Но сопоставляя их можно видеть общую жуткую картину смерти тылового населения республики, в основном от голода в годы Великой Отечественной войны.

Общесоюзные материалы называют цифру 82600 человек, умерших в тылу, а республиканские данные – 65256. По данным профессора М.А. Тырылгина [2000] прямые демографические последствия войны составили 168,6 тыс. человек.

Автор придерживается цифры 108080 человек, умерших в тылу от голода, разных болезней и несчастных случаев. Мой довод – по официальным источникам в годы войны среди сельского населения Якутии, состоящего в основном из саха и составляющего до войны 280000 человек, в процентном отношении умерло 38,6 %. Это 108080 человек.

Война истребила лучший генофонд народов Якутии. Возраст большинства погибших в 20–39 лет, самый детородный. Людские потери Якутии до сих пор отрицательно влияют на демографическую ситуацию в республике.

Причины смертности от голода имели не только объективную основу, вызванную войной, но и субъективную, исходящую из ошибок и негибкости местного руководства. В годы войны люди лишились прав распоряжаться своим скотом, даже пить молоко коровы, употреблять мясо скота и, ухаживая за колхозным скотом, умирали от голода. Воровство у якутов считалось смертным грехом. Поэтому они умирали от голода, не воруя продукты, которые находились рядом. Засуха 1941–1942 гг. погубила посеы зерновых. Это вызвало голод среди населения центральных районов республики.

Якутский народ, истощенный голодом, продолжал работать не покладая рук. В годы войны на государственный уровень был вынесен рыбопромысел. Весь рыбопромысел был передан союзному подчинению. Рыба – второй хлеб. С 1941 по 1945 г. сдано рыбаками Якутии государству и Красной армии 2,5 млн пудов рыбы. Голодающие люди себе при этом не оставили ни одной рыбешки. В 1945 г. был превзойден довоенный уровень поголовья общественного скота в колхозах на 43 %, а по оленям – на 50%. Это настоящий трудовой подвиг, результат героических усилий тружеников села в условиях катастрофической нехватки рабочих рук. В 1944 г. по сравнению с 1940 г. количество рабочих рук в колхозах сократилось на 41 %, работали здесь в годы войны женщины и дети. Пушнина, добытая охотниками Якутии, составляла пятую часть общесоюзной добычи. За годы войны Якутия удвоила добычу пушнины и сдала в валютный фонд Родины высококачественной пушнины на 78 млн. руб. Сверх плана в особый фонд Верховного Главнокомандования Красной армии внесено пушнины на 9 млн. рублей. Это был валютный фонд обороны, большая часть которого шла на покупку боевой техники [Петров Д.Д., 1992].

Демографическая катастрофа в Якутии в годы войны – проблема, которая только начинает исследоваться и требует самого вдумчивого изучения, с применением новых математических расчетов.

В годы войны народ не только громил агрессора, но и продолжал жить, творить, являлся хранителем устоев духовной жизни. Военное и после-

военное поколение людей не считает свою жизнь бесцельной и напрасно прожитой. Так почему их хотят лишиться права гордиться достойно прожитой жизнью, чувством исполненного долга перед Родиной? Великая Отечественная война 1941–1945 гг. оставила неизгладимый след в памяти народа. Современное поколение должно знать ее уроки. Это вера в свой народ и свое Отечество, опора на собственные силы, умелое использование собственных возможностей; морально-политическое единство народа; необходимость высокой бдительности к проявлениям фашизма и его разновидностей.

Литература

Азадовская Л., Азадовский К. История одной фальсификации. – М., 2011.

Куманев Г. Наш вклад в победу над фашизмом: правда и вымыслы // Ориентир. – 2006. – № 7.

Куманев Г. Подвиг и подлог: страницы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М., – 2007. – С. 336–351.

Материалы «круглого стола» на тему «Противодействие попыткам фальсификации истории Великой Отечественной войны. «Руки прочь от Победы» – Ульяновск, 14 августа 2009 г. – Ульяновск, 2009.

Петров Д.Д. Якутия в годы Великой Отечественной войны. Часть вторая. Трудящиеся Якутии в тылу. – Якутск, 1992.

Петров Д.Д. Якутия в годы Великой Отечественной войны. Часть первая. Якутяне в боях с немецко-фашистскими захватчиками. – Якутск, 1979.

Петров П.Д. Достояние истории. – Якутск, 2015.

Петров Ю.Д. Вклад Якутии в дело Победы 1941–1945 гг. – Якутск, 2010.

Петров Ю.Д. Во имя Великой Победы (1941–1945гг.). – Якутск, 2005.

Петров Ю.Д. Нести правду о войне. – Якутск, 2015.

Петров Ю.Д. Новейшая историография Второй мировой и Великой Отечественной войн и новые подходы к изучению военной истории. // Уроки и итоги II мировой войны в преподавании истории. – Якутск, 2010.

Петров Ю.Д. Якутия в годы Великой Отечественной войны // Энциклопедия Якутии. Т. 1. – М., 2001. – С. 254 – 256.

Поляков Л.Е. Цена войны: Демографический аспект. – М., 1985.

Против фальсификации истории Второй мировой войны. – М., 1964.

Сивцева С.И. Демографическая история Якутии в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные проблемы современности. Кн.6. – Новосибирск: ЦРНС, 2009. – 273 с.

Сивцева С.И. К вопросу о масштабах потерь гражданского населения Якутии в годы Великой Отечественной войны // Илин, 2005. – № 2,

Сивцева С.И. Социальная политика в Якутии в годы Великой Отечественной войны / Вестник СВФУ. – Вып. 2. Том 7. 2010.

Сивцева С.И. Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941–1945 гг.). – Якутск, 2000. – С. 103–104.

Сухарев Ю. Современные фальсификации истории Великой Отечественной войны. 16.05.2012 / www.russhod.ru.

Тырылгин М.А. Истоки феноменальной жизнеспособности народа саха. – Якутск, 2000.

U.D. Petrov

Truth and lies about the Great Victory

In the West takes persistent and deliberate falsification of the results and the values of the last war. The article emphasizes the failure of the main areas the West falsification of history of the war. The main problems of the modern Russian historiography are selected. Specifies the number aimed at the front of soldiers of Yakutsk in comparison with other regions. The new numbers on the deadweight loss of the Republic are given. The fighting way of soldiers residents of Yakutsk is presented, 7 memorable signs in their honor are specified. Special attention is paid to the demographic consequences of Yakutia during the war. Demographic catastrophe due to starvation in the rear caused irreparable damage to the gene pool of the Sakha people.

Keywords: the World War, the Western falsification, historiography, deadweight loss, mobilization, loss of life, snipers, memorable places, famine, demographic catastrophe.

Депортация финнов-ингерманландцев в Якутскую АССР в годы Великой Отечественной войны

В статье представлены статистические данные, этапы и «организация» переселений, рассматриваются вопросы взаимоотношений между депортированными, переселенцами различных этнических групп и местным населением, приводятся ранее не опубликованные материалы, характеризующие трудовую деятельность спецпереселенцев, а также воспоминания очевидцев и участников событий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Якутия, Жиганский район, депортация, коллаборационизм, репрессии, спецпоселенцы, ссыльные, финны-ингерманландцы, чурапчинские переселенцы.

Великая Отечественная война оставила глубочайший след в истории нашей страны. Выстоять в противоборстве с мощнейшим противником того времени стало возможным ценой величайших жертв и огромного напряжения сил. Все народы СССР участвовали в этой борьбе, в России нет семьи, которая бы не пострадала или не внесла свой вклад в дело Великой Победы. Несмотря на то, что Якутия находилась в глубоком тылу, якутяне и оказавшиеся на её территории в годы войны народы, как и все советские люди, делали всё возможное для борьбы с фашизмом, героически трудясь в тылу на приисках и различных промыслах.

Якутия с её суровыми климатическими условиями с момента своего присоединения к России являлась местом ссылки «государственных преступников» и «неудобных элементов», не стали исключением и военные годы. Так, за 1941–1945 гг. в республику было депортировано несколько тысяч человек.

В СССР депортация* являлась одной из форм политических репрессий, имела внесудебный характер и предусматривала перемещение больших масс людей в географически отдаленную, непригодную для них среду обитания.

Депортировали как представителей отдельных социальных категорий (казаки, «кулаки»), так и целые народы (немцы, корейцы, балкарцы, калмыки, ингуши, чеченцы, карачаевцы, крымские татары, ногайцы, греки, болгары, иранцы,

финны-ингерманландцы и многие другие). Также были случаи, когда людей депортировали по ошибке.

Депортированные лица подразделялись на «ссыльных» и «спецпоселенцев». «Ссыльными» именовались лица, отправленные в ссылку на определенный срок, «спецпоселенцами» – лица, принудительно переселённые навечно.

Народы переселяли в Казахстан, Узбекистан и Коми, на Урал и в Сибирь, на Дальний Восток и в Якутию.

Причинами депортации в военное время стали шпионаж, коллаборационизм, антисоветская деятельность, «сомнительное происхождение», «возможное предательство» и массовое дезертирство. Поводом для депортации финнов-ингерманландцев** послужили следующие обстоятельства. Являясь юридически гражданами Советского Союза, этнически они были более близки к народам враждующей стороны – финнам и немцам. Второй определяющий фактор – приближение театра военных действий к исконным местам проживания ингерманландских финнов. Эти аспекты стали роковыми в определении дальнейшей судьбы народа.

Так, на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» (подпункт «з» 1) 26 августа 1941 Военный совет Ленинградского фронта вынес постановление №196 с/с «Об обязательной эвакуации немецкого и финского населения из приго-

*Депортация (от лат. deportatio) – изгнание, ссылка. Принудительная высылка лица или категории лиц в другое государство или другую местность как мера уголовного или административного наказания.

**Финны-ингерманландцы, по одной версии – субэтническая группа финнов, образовавшаяся в XVIII в. на территории исторической области Ингерманландии, по другой версии – самостоятельный этнос, сформировавшийся на территории Ингерманландии.

родных районов гор. Ленинграда» [Сборник законодательных...Ч. I].

В марте 1942 г. Военный Совет Ленинградского фронта принял постановление №00713 «О высылке из Ленинграда в административном порядке социально-опасного элемента» [Петрова, 1995, 11 апр.].

Постановление № 00714 «Об обязательной эвакуации финского и немецкого населения из пригородных районов области и города Ленинграда» повторило ранее озвученные требования [Сборник законодательных...Ч. II].

В связи с этим 26 августа 1941 г. и 9 марта 1942 г. Военный совет Ленинградского фронта начал высылку из города и прилегающих районов и деревень (районы: Ораниенбаумский, Парголовский, Всеволожский, Токсовский, деревни: Хаппо-Ос, Мяглово, Черная Голова, Новая Пустошь и Янино) финнов-ингерманландцев и немцев (около 93 тысяч человек) [Сивцева, 2000, с. 55]). Таким образом, переселение финнов-ингерманландцев в годы войны проходило в два этапа.

На первом этапе было депортировано около 2,5 тыс. финнов. В марте 1943 г., по данным отдела спецпоселений НКВД, 9 тыс. финнов были высланы из кольца блокады Ленинграда в Сибирь, в Якутию [Бугай, 2012, с. 33].

Перевозка была организована ужасающим образом и проводилась в спешном порядке в тяжелых зимних условиях. Людей не предупреждали и не объясняли причин. Депортируемым лицам (в основном женщинам, старикам и детям) в течение суток надлежало прибыть на железнодорожную станцию. С собой разрешалось взять 16 кг [Антонов, 2007, с. 129] (по другим данным – 36 кг*) багажа на человека. Автомобили, следовавшие через Ладожское озеро, нередко обстреливались и тонули вместе с людьми.

По воспоминаниям Екатерины Хайми, 24 апреля 1942 г. после очередной бомбежки к ним домой вошли двое мужчин с бумажками и сказали, что их эвакуируют, а как только закончится война, привезут обратно домой.

Хельми Хайми: «Я тогда работала на почте. Мне прямо на почте и вручили удостоверение, где так и говорилось, что я эвакуируюсь. Мы тогда еще не знали, что мы – спецпереселенцы».

Вера – Эва Хайми: «С собой разрешили взять пару белья, документы, деньги, ложку, кружку и

немного продуктов, хотя и продуктов-то не было тогда. 25 апреля некоторых, у кого были больные, – на машине, других – пешком доставили через Ладогу до станции Шихорево. Там пересаживали в товарные вагоны и повезли, а куда неизвестно, никто не знал».

Хельми Хайми: «В решении было сказано, что мы должны собраться в течение 24 часов и что разрешается взять с собой только 36 кг общего багажа. Машины давали только больным, остальные добирались до железнодорожной станции 18 км пешком, отсюда на пассажирском поезде до станции Шихорево. Здесь нам дали на каждого члена семьи по 950 граммов хлеба, гороховый суп со свиной и гречневую кашу. После блокадных условий, нам такое и во сне не снилось».

Люди, не выдержав, все это съедали сразу и многие из-за этого умирали тут же. Кто знал и выдерживал искушение, ели постепенно, те спаслись. В вагоне топилась печка. В нашем вагоне было 44 человека».

Екатерина Хайми: «На случай бомбежки все было при нас – на поясе у каждого висели кружка, ложка и сумочка с документами. Болезни стали косить людей в длинных вагонах. На остановках, на каждой станции вытаскивали мертвых. В то время нас буквально спасла наша мама. У нас был пластик прессованного жмыха. Это что-то вроде сухого комбикорма. Нам она этот жмых по маленькому кусочку давала, и мы его сосали. В городе Кирове, на станции, чтобы использовать на случай болезни, обменяли на мужскую рубашку две маленьких бутылочки водки, купили стручкового перца, солдаты дали синьку. Мама насильно открывала нам рот и с ложечки поила нас...».

Хельми Хайми: «Так в товарных вагонах ехали целый месяц до Иркутской области. Когда ехали по Сибири, на деньги никто ничего не продавал, только на вещи меняли. Здесь нас поставили по местам на работу. Мы попали на станцию “Самжорский” Нижегородского района. Работали полтора месяца на лесоповале. А там такая тайга, что попадались сосны в полтора метра в диаметре. Подруге Вере было 17 лет, а мне – 19. Когда пилили в середине, мы друг друга не видели. Пилили двухметровыми американскими пилами».

*Из материалов журналиста М.И. Шадринной, хранятся в личном архиве.

Вера-Эва Хайми: «Кормили нас на лесоповале один раз в день заварухой и ничего за работу не платили. В конце июля повезли на север»*.

В Тайшете (Иркутская область) спецпереселенцев разместили в бараках бывшей исправительной колонии и дали распоряжение заготавливать древесину. К этому времени из-за голода и эпидемии количество пассажиров во многих вагонах сократилось наполовину.

Значительный миграционный поток прибывающих в республику спецпереселенцев был связан с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 6 января 1942 г. «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока». В 1943 г. спецпереселенцы проживали в Булунском районе (4463 чел.), Ленском (1408), Усть-Янском (1370), Олекминском (792), Орджоникидзевском (334), Жиганском (213), Кобяйском (200 чел.) и т.д. [Земсков, 1991, с.151–165].

В Якутскую АССР в 1942 г. в общей сложности прибыло около 6 тысяч спецпереселенцев (финнов, немцев и т.д.). Из них трудоспособных насчитывалось не более 2400 человек. Почти 50% прибывших составляли дети в возрасте до 16 лет и лица старше 50 лет. В подавляющем большинстве это были женщины. Поэтому пришлось переселить в районы рыбной ловли пять тысяч человек из Чурапчинского района. Таким образом, в 1942 г. на север Якутии завезли 10 тыс. чел. Их включили в состав 34 рыболовецких колхозов [Петров, 1992, с. 66–67]

Из прибывших** в 1942 г. 4150 [Жиганск..., 2012..., с. 42] 3694 чел. [Сивцева, 2000, с. 55–56]) ингерманландских финнов были направлены в Кобяйский, Вилюйский, Жиганский и Булунский районы. Из них в Жиганский район*** (местности: Жиганск, Менкере, Натара) прибыло 470 [Жиганск..., – 2012..., с. 42] 480 [Павлов, 2012, с. 107]) спецпереселенцев из Ленинградской области.

Из воспоминаний Хельми Хайми: «На север нас отправили из Якутска на барже парохода “Пятилетка”. 240 человек было нас».

Екатерина Хайми: «14 июля мы прибыли в Натару Жиганского района. Оставили нас на берегу, где не было ни жилья, ни питания. Назавтра

пришли двое местных мужчин. Они что-то у нас спрашивали, но мы с ними так и не поняли друг друга. Тогда я, подумав, наверно спрашивают кто мы и откуда, сказала: “Мы из Ленинграда”. Вот тут они внимательно посмотрели на нас опухших, полумертвых от голода, повторили несколько раз “Ленинград, Ленинград”, поговорили меж собой (мы тогда впервые услышали якутскую речь) и ушли. Позже узнали, что они были из Менкере. На второй день утром, когда мы были еле живые...приходят те мужчины с топором, лопатой в руках, с якутскими ножами за поясами. У одного помню, на голове вместо шапки был завязан платок. Опять смотрели на нас и что-то говорили. Увидев меня, один из них подошел ко мне, взял за руку, показал рукою – пойдём, мол. А наши – в ужасе: “Катя, не ходи! Они убьют тебя и зароят!” Я встала и пошла с ним. А он привел меня на берег, нашел щепку и на песке нарисовал треугольник и говорит: “Шалаш, Ленин”. Подумала: “Какое-то строение наверно”. Затем он привел меня к нашим и опять много-много говорил. Потом опять взял меня за руку, показывает на гору – пойдём, мол, и руками же предложил еще кому-нибудь идти с нами. Вера, Аня, Люба еще тогда маленькая – 14 лет, все мы, четыре сестры пошли с ними. На горе они нарубили кустарников, шесть жердин. Внизу эти жердины ловко, быстро привязали. Мы натаскали им кустарники. Потом они показали, как снимать дерн, покрыли жердины кустарниками и дерном. Закончив сказали: “Шалаш, Ленин, уют”. Так они построили шалаш для нашей семьи, а остальные стали сами строить такие же шалаша. Сохранившим мамой еще в пути солдатским брезентом сделали дверь. Нас в этом шалаше было семь человек. Так и прожили мы в шалашах до октября. 3 октября построили одну юрту с одной печью, туда и вселилось много народу.

Екатерина Хайми: Создали рыболовецкую финскую артель «28 гвардейцев». Председатель артели «Хаяхсыт» Филиппов, был милый человек, дай бог ему здоровья. Он всячески поддерживал, всем чем мог помогал... Сразу по приезду дали на всех большую бочку соленого налима. Килограмм стоил 57 рублей. У кого были деньги,

* Все воспоминания из материалов журналиста М.И. Шадринной, хранятся в личном архиве.

** В разных источниках количество прибывших не совпадает. Источники указываются.

*** Жиганский район – муниципальное образование на севере Якутии, за Полярным кругом, зима с морозами от -40С до -65С, летом до +36С, административный центр – Жиганск.

все покупали и ели, а потом, прямо с Лены, как собаки пили воду. И, конечно, тут и умирали»*.

Прибывшие – депортированные финны и чурапчинские переселенцы** создавали колхозы, артели и бригады. В суровых условиях Заполярья они трудились рука об руку, переживая суровые будни, деля беды и скудные радости, помогали друг другу советом и делом.

Чудом уцелели списки работников бригад, в которых трудились депортированные финны-ингерманландцы. Журналы со списками имён и фамилий были обнаружены школьниками и переданы директору Жиганского исторического музея им. А.Я. Уваровского [Приложение 1].

Список колхозов, где работали чурапчинские переселенцы и депортированные финны, представлены в материалах Михеевой Н.А. и Ким М.Ф. [Приложение 2].

В 1942 г. план рыбодобычи для Якутской АССР был увеличен в 6,5 раза. В короткий срок было организовано 240 рыболовецких бригад (2100 рыбаков). Всего с 1941 по 1945 г. добыто и сдано государству свыше 400 тысяч центнеров рыбы. Благодаря самоотверженному труду работников рыбной промышленности, в т.ч. спецпереселенцев, было вывезено за пределы Якутии в 1942 г. – 9000 ц, 1943 г. – 22500, 1944 – 45000, 1945 – 30300 ц рыбы самых ценных ее видов [Петров, 1992, с. 63–66, 70–73, 76].

Рыбодобыча в Якутии в годы войны имела огромное значение, и по сравнению с мирным послевоенным временем её объем был выше в несколько раз. Столь высокие показатели достигались ценой здоровья и жизни многих людей.

Всего, по имеющимся данным (1944 г., 1951 г., 1955 г., 1956 г.), прибыло в Якутскую АССР более 47 тыс. чел. Из этого числа людей на рыбопромысловые работы на север Якутии (в Булунский, Усть-Янский, Жиганский районы) отправлено 4943 человека (1996 семей) [Горохов, 1998, с. 35].

Численность спецпереселенцев в ЯАССР составляла в 1940 г. 3628, 1941 – 3865, 1943 – 2223, 1945 – 1775, 1946 г. – 1662 чел. [Антонов, 2007, с. 128].

Если в 1942 г. их в Якутии было зарегистрировано 3694 чел., то по состоянию на 1 января 1945 г. – 3225 чел. (1332 семьи), а на 1 июня

1945 г. – 3023 чел. (1295 семей). В Жиганском районе на 1 января 1945 г. депортированных финнов проживало 181 чел. (71 семья): в п. Жиганск – 122 чел. (48 семей), в п. Натары – 59 чел. (23 семьи) [Сивцева, 2000, с. 59].

По переписи 1939 г., в Жиганском районе проживали 1962 чел. В 1942 г. смертность превышала рождаемость в 2,5 раза, в 1943 г. – в 4,2 раза. На 1 января 1945 г. в районе зарегистрировано 3342 человека. «Увеличение» населения района произошло за счёт 480 депортированных финнов и 1736 чурапчинских переселенцев. Главная причина убыли населения – отсутствие медицинской помощи и ухудшение социального положения [Павлов, 2012, с. 107].

Статистика достаточно удручающая, в годы войны вымирали целые семьи депортированных. Тем не менее в 1942–1945 гг. благодаря отлаженным действиям председателя райисполкома Н.В. Шемякова и местного населения, массового голода в Жиганском районе не было.

Спецпереселенцы не обладали навыками рыболовства, тем более в промышленных масштабах. Финнов высаживали на пустынные ленские берега холодной осенью, без провианта, жилья и одежды. В этих экстремальных обстоятельствах депортированные должны были своим трудом обеспечивать фронт.

Воспоминания сестер Айны Петровны Девизоровой и Лолии Петровны Белых, урожденных Путкинен: «Когда нас, депортированных финнов, высадили в июле 1942 года с барж в местности Натара в Жиганском районе, мы оказались в совершенно безлюдной стороне, буквально без крыши над головой. Первое время нам разрешали греться и ночевать на барже, но потом она уплыла. Никогда не забудем, что в тот критический момент нам всем помогла якутская женщина, прибывшая вместе с нами. Именно она научила финнов строить шалаши из жердей, веток и соломы. Местные охотники отдали нам свои топоры и помогли с обустройством. Получились, конечно, примитивные жилища, но, по крайней мере, мы уже могли прятаться в них от дождя и ветра. Жили тогда в этих условиях до глубокой осени. Жили и существовали в ту пору – в тесных шалашах, где стенами служили ветки кустарни-

*Из материалов журналиста М.И. Шадринной, хранятся в личном архиве

**Насильственное переселение 41 колхоза Чурапчинского района Якутии в 1942 г. в низовья р. Лена для рыбозаготовки.

ков, а половицами охапки сена, на котором спали, вплотную прижавшись друг к другу, матери с грудными младенцами, старики с внуками. В августе в Натару были доставлены чурапчинские спецпереселенцы, которые поначалу тоже жили в шалашах. Позднее якутские и финские мужчины построили более добротные и просторные юрты из досок, установили бондарки*. Совместный труд сближал, и люди завязывали знакомства, дружили семьями, помогали соседям. Финны не знали якутского языка, якуты плохо владели русским, но тем не менее общались – сперва на языке жестов, затем, понемногу изучая другой язык, на причудливой финско-якутско-русской разговорной смеси. Потом на пригорке односельчане построили юрту-школу, дрова для печей которой должны были заготавливать сами школьники, так как родители работали весь день. Вот и приходилось маленьким финнам и якутам из 3-х и 4-х классов на лютой стуже пилить и колоть поленья, а первоклашки складывали дрова в поленицы. В те годы трудиться был обязан каждый. Иначе – не выжить».

Айна Петровна: «Без взаимовыручки между якутским и финским народами мы бы тогда долго не протянули. И так многие финны умерли в 1942–1943 гг. от холода и голода, да и якутов много осталось навечно в Арктике. Помню, что в Натару к нам из Улахан-Кюеля позднее начали доставлять провизию, затем стали снабжать торбазами. И жить становилось сноснее. А как забыть повариху, якутку тетю Лену? Очень добрая и жалостливая была северянка – всегда нас голодных финских ребятишек, подкармливала и ласкала. Бывало, соберет нас вечерком в юрте, поделится нехитрой едой, поможет выполнить домашнее задание и рассказывает о своем житье-бытье, о муже, погибшем при обороне Ленинграда. Родители наши до самой смерти вспоминали добрым словом председателя рыболовецкой артели “Хаяхсыт” Афанасия Филиппова из чурапчинских переселенцев. Очень благородный и справедливый был человек».

Александра Степановна: «Местные жители и чурапчинцы очень нас жалели и оберегали от невзгод, помогали советом, едой, хотя сами жили впроголодь. Помню, нас уже погрузили в Натаре на баржу, чтобы отправить далее в Булун, и одна из якутских женщин-соседок пришла из поселка к берегу, развела там костер и начала стряпать ле-

пешки... так и простояла она у баржи до самого нашего отплытия... Такой вкусной стряпни я не едала больше никогда!»

Анна Антоновна Канина (урожденная Лебедева), чурапчинская переселенка: «Финские и якутские семьи были очень дружны, жили всегда в добром соседстве. Никаких бытовых ссор и тем более конфликтов не происходило. Беда и горе на всех тогда были одни, они сплачивали и объединяли спецпереселенцев».

Вера–Эва Хайми: «Как тяжело нам всем тогда пришлось, страшно подумать. Однажды мы ехали на оленях. Я была в ичихах. На голове – шапка меховая, приобретенная у местных. Такой холод был, и я не знала, что делать. Когда ногам было сильно холодно, шапку одевала на ноги, а голова замерзнет – опять шапку на голову водружаю. Так ехала и все ж таки обморозила ноги. В пути остановились у одной семьи. Они мне ноги еле оттерли горячей золой.

И тонула однажды на Лене я. Спас один мужчина. Так, с помощью добрых людей и живы оставались мы, несмотря на все тяготы.

Когда в Натаре жили, в меня влюбился и стал сватать парень из Джарджанского порта, летчик. Они всегда приезжали к нам на катере. Его звали Вася Телепнев. Он был старше меня на 8 лет. Вот он стал сватать меня... Пошел он к Кондакову, начальнику участка МВД, а тот не разрешил жениться. Пришел Вася, обиженный, расстроенный. И со мной как-то плохо сделалось. А он успокаивал, расплетал мои косы, гладил, косы у меня были длинные, говорили красивые. Потом писал в Якутск, прося разрешения жениться. И Якутск не дал разрешения мне выйти за него замуж. Не разрешили. Да...

Теперь в мае 1945 г. нас решили увезти в Тит-Арынский рыбзавод. Погрузили на баржу. Ни у кого тогда чемодана не было. У всех кули с вещами. И сидим мы на этих кулях. Вася Телепнев услышал о нашем отъезде и с друзьями на катере приехал провожать. Катер привязали к барже, а сами с нами сидели на кулях. Он мне говорит: “Все равно я на тебе женюсь. Когда-нибудь я все равно добыюсь, чтоб разрешили нам пожениться”. Я ему: “Нас наказали за то, что мы спецпереселенцы. Что ж, судьба такая». Я тогда очень плохо по-русски говорила. Такое печальное было расставание. Разговаривая, он снял с моего паль-

*«Бондарка» – печь сделанная из бочки.

ца папино большое золотое кольцо и примерял сидел, а когда снимать стал, кольцо застряло... Так и осталось не обвенчавшее нас кольцо на Васиной руке.

Он писал мне в Тит-Ары долго. Потом подружка моя без спроса написала ему, будто я выхожу замуж. А я вообще не собиралась замуж. После этого Васины письма перестали приходить. С тех пор я его потеряла. Очень хочется его разыскать. Нигде, никогда после не встречала даже его фамилии.

Мы же в Тит-Ары рыбачили, и я была рыбачкой, и маркировщицей, и кем только не была; сколько рыбы мы отправляли в 200–300-килограммовых бочках в Архангельск. А сейчас мы не считаемся ветеранами тыла. Обидно до слез.

От морской воды у меня руки покрылись водяной экземой. А медпункт был в 270 км от нас. Вез меня туда пожилой якут. До сих пор я с благодарностью вспоминаю его заботу. У меня обе руки были забинтованы, ничего самостоятельно не могла делать. Как он бедный возился со мной: сам кормил с ложки, одевал, во всем помогал. Как за родной дочерью ухаживал*.

Ещё 22 июня 1941 г. наркоматы союзных и автономных республик, начальники УНКВД краев и областей с целью обеспечения надлежащего порядка и режима содержания спецпереселенцев получили указания об усилении охраны спецпереселенцев, исключаящие малейшую возможность побегов. Переселённые должны были отмечаться в спецкомендатуре, им не разрешалось самовольно покидать места поселения и работы, запрещалась переписка.

Екатерина Хайми: «Так мы мучились там, и невольно все время думали – за что нас сослали... Однажды я взяла и написала письмо Калинин, отправили его через одного мужчину, собрали все по три рубля, заплатили ему, чтобы он доставил на почту...».

После этого случая начальник участка МВД Кондаков вызвал Екатерину Хайми в Кюсюр, угрожал арестом за то, что спецпереселенцы написали письмо в Москву, девушка ответила, что за ней большая команда и «все знают, что она сюда пришла», а написала «все по правде, спрашивала о том, почему мы здесь находимся и почему в таком звании нас держат как заключенных».

Екатерина Хайми: «А ответ на письмо я все же таки получила. Там написано было, что мы свободны, что если нас рыбзавод уволит с работы, можем поехать обратно. Это было в 1946 г. Хорошо ответили. И все наши были довольны».

Вера–Эва Хайми: «Позже в Якутске, однажды мы с Катей (сестрой) пошли в НКВД. Не помню в каком году. Там сидели женщины и один мужчина – якуты. Нас приняли очень хорошо. А мы пошли туда, чтобы узнать в каком году с нас сняли спецпереселенческий крест. Когда мы им рассказали, как на Севере умирали наши, как мы в ледяной воде рыбачили, как вшивели и болели, как мы плохо одетые ездили на оленях, собачках, как мы кирпичи с барж грузили, как через все это прошли – женщины эти слушали нас и в голос плакали, вытирали лица полотенцем. Мы все вместе плакали... Посмотрели они в документах, где, оказывается, мы были пронумерованы.

Каждый месяц ходили на отметку. Однажды я лежала в больнице и не смогла идти на отметку, так меня свозили на машине скорой помощи. Так это было строго обязательно. И сейчас нам с Катей очень обидно, что, несмотря на такой немислимо тяжелый и очень успешный труд с 1941 по 1945 г., мы не считаемся ветеранами тыла. Сколько мы сделали за войну не написать, не рассказать полностью**.

Финны-ингерманландцы частично смогли покинуть места переселения после смерти Сталина.

14 ноября 1989 г. Верховным Советом СССР была принята декларация «О признании незаконными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» [Горохов, 1998, с. 3]. В 1993 г. вышло Постановление Верховного Совета Российской Федерации о реабилитации российских финнов [Ведомости Съезда... N 22, ст. 1119]. Репрессированные и дети репрессированных, родившиеся в местах выселения, смогли получить справки о реабилитации. При этом указ содержал следующие положения: «Мероприятия по расселению и обустройству российских финнов, возвратившихся в места традиционного проживания, проводить без ущемления прав и законных интересов граждан, проживающих на соответствующих территориях». Не был точно прописан и механизм реализации указа.

*Из материалов журналиста М.И. Шадринной, хранятся в личном архиве.

**Там же.

Многие из переселенных завели семьи и остались жить на Севере, так, например, вышли замуж и остались жить в Якутске три сестры Путкенин – Мария, Екатерина и Вера. В Жиганске – Седалищева Матильда Матвеевна, урожденная Эйя, осталась работать учителем в Жиганской средней школе.

Неоправданное и плохо продуманное переселение целых народов (большая часть нетрудоспособного и неподготовленного к промысловому труду населения) в суровые условия Севера, обернулось очередной трагичной вехой в истории нашего государства. Спецпереселенцы, погибая во время работы, обеспечивали фронт, создавали и восстанавливали хозяйство, осваивали угольную промышленность и лесозаготовки, осуществляли масштабный рыбный промысел, каждый день своим трудовым подвигом приближали Победу.

В память о трудовом героизме и мужестве депортированных и переселенных народов в низовьях реки Лены установлены памятники и мемориалы.

Приложение 1

Бухгалтерские документы Жиганского рыбзавода 1942–1944 гг.

Директор – Левоник И.

Ответственный уполномоченный – Михалев В.И.

Бригада Яковлева: Карху А.А., Саукконен С.М., Виролайнен А.С., Хайми П.С., Виролайнен С.А., Хайми И.С.

Бригада Яковлева: Юпилайнен М.А., Путкинен М.Я., Саукконен Е.М., Сугу М.И., Карху А.И.

Бригада Саукконен С. М.: Саукконен Е.М., Виролайнен А.С., Олкконен Т.М., Виролайнен М.И., Виролайнен Я.М., Путкинен И.А., Пукконен И.И., Саукконен С.М., Мехилиайнен С.М., Саукконен Е.М.

Бригада Харитоновна: Хайми М.А., Хайми Е.И., Хайми А.Я., Хайми Е.Я., Вейколайнен М. И., Саукконен М.И., Хиакконен А.О.

Бригада Бобылева: Путкинен М.С., Хахтер А.А., Пукконен М.С.

Бригада Яскеляйне А. С.: Яскеляйне А.С., Яскеляйне М.С., Пукконен Е.И., Пукконен А.И., Пукконен О.П., Пукконен Е.И., Пукконен Е.А., Торикко А.И.

Бригада Кучаева: Кякинен О.О., Торико А.И., Пукконен И.И., Пекси Л.И., Оскеляйнен М.С., Хяникянен А.И., Пукконен Е.И., Саукконен М.М., Хяникянен М.М., Хяникяйнен Е.И., Олкконен М.А., Хайми А.П., Ягонен В.М., Хайми А.С., Хаукя М.И., Хайми С.С., Виролайнен Р.И., Виролайнен С.И., Виролайнен М.И., Хайми В.С., Хайми С.С., Хайми А.С., Хайми Е.С., Хяни-

кяйнене А.М., Эскеляйнене А.С., Сауккенене А.А., Муткер М.П., Кобелева Е.Г., Путкенине М.С., Сомерейнене М.И., Антонен М.С.

В отдельных документах встречаются имена: Пелленен А.И., Юпилайнен М.И., Муткарь В.П., Пелленен А.И., Янке Е.А., Купеляйнен Е., Ягонен В.И., Виролайнен М.Я., Виролайнен А.Я., Виролайнен Е.С., Антонен И.С., Кяккинен Ольга Осиповна, Пукконен Айно Ивановна, Карху Анна Алексеевна, Карху А.О., Лигонен Э.М., Пекки Е.А., Юпилайнен А., Хекконен М., Хигонен З.М., Тере П.Я., Купиянен Е.А., Сомерайнен М.И., Вейколайнен М.И., Хайми Х.С., Ляула Б.И.

Приложение 2

Колхозы Жиганского района, где трудились чурапчинские переселенцы и депортированные финны, чел.

Коноринский наслег, колхоз «Путь коммуны» – 266
Линдинский наслег, колхоз «Коммунизм» – 176
Уолба наслег, колхоз «Путь Победы» – 297
Сылахский наслег, колхоз им. Чкалова – 74
Хатыгынский наслег, колхоз им. Кирова – 114
Артель имени «28 гвардейцев» – 106
Сылахский наслег, колхоз им. Горького – 182
Колхоз Хаяхсыт – 404.

Литература и источники

Антонов Е.П. Спецпереселенцы в 1940–1950 гг. // Кобяйский улус: история, культура, фольклор. – Якутск: Бичик, 2007. – С. 127–135.

Бугай Н.Ф. Принудительные переселения – механизм осуществления национальной политики в государстве. 1930–1950-е годы // Былые годы. – 2012. – № 4. – С. 31–41.

Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 22. Ст. 1119.

Горохов С.Н. Спецпереселенцы на Севере Якутии в годы Великой Отечественной войны. – Якутск, 1998. – 96 с.

Жиганск – 2012: календарь знаменательных дат, фактов, исторических событий / под ред. М.И. Шадринной – Якутск: Бичик, 2012. – 84 с.

Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов. – М.: Азбуковник, 2008. – 250 с.

Земсков В.Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные. Статистико-географический аспект // История СССР. – 1991. – №5. – С.151–165.

Кирьянен А.И. Ингерманландские финны – коренной народ какого государства? // Инкери. – 2010. – № 2 (073). – С. 7.

Михеева Н.А., Ким М.Ф. Трагедия и подвиг переселения. Мультимедийная книга. – Якутск: Бичик, 2012.

Павлов А.А. В огненные 1941–1945 годы // Жиганский улус: история, культура, фольклор. – Якутск: Бичик, 2012. – С.104–107.

Петров Д.Д. Якутия в годы Великой Отечественной войны. Ч. 2. – Якутск, 1992. – 320 с.

Петрова В.И. Если б не было войны... // Дабаан. – 1995. – 11, 22 апр.

Сивцева С.И. Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941–1945 гг.). – Якутск, 2000. – 149 с.

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических ре-

прессий: в 2 ч. / под ред. Г.Ф. Весновской. – Курск: ГУИПП «Курск», 1999. Ч. I. – С. 219 – 220, 224–225.

Физико-географическая характеристика // Жиганский улус: история, культура, фольклор. – Якутск: Бичик, 2007. – С. 10–12.

Шадрин М.И. 45-летие Великой Победы. – Жиганск: Жиган. район. тип., 1990. – 45 с.

Шадрин М.И. Никто не забыт, ничто не забыто! – Жиганск: Жиган. район. тип., 1991. – 8 с.

Шадрин М.И. Отстоявшие мир. – Якутск: Бичик, 2005. – 28 с.

A.A. Belokoneva

Deportation – Ingrian Finns in the Yakut ASSR during the Great Patriotic War

The article presents statistical data, stages and “organization” of migration, the issues of the relationship between deportees, immigrants of different ethnic groups and the local population, are not previously published materials describing the work activities of the settlers and the memoirs of eyewitnesses and participants of events.

Keywords: Great Patriotic War, Yakutia, Zhigansky district, deportation, collaboration, repression, deportees, exiles, Ingrian Finns, immigrants from Churapcha.

А.Г. Томаска

Социальная мобильность сельских мигрантов в условиях урбанизации: поиск методологии

В статье рассматриваются некоторые методологические подходы к исследованию процессов модернизации и урбанизации. Описываются отдельные особенности внутренней миграции Республики Саха (Якутия). Определяются социальные индикаторы исследования характера и стратегий адаптации сельских мигрантов Якутии к городским поселениям. Для операционализации понятий «социальная модернизация» и «стратегии адаптации» выделены критерии, которые могут быть измерены и оценены.

Ключевые слова: социальная модернизация, урбанизация, миграция, сельские мигранты, социальные индикаторы, социальная мобильность, факторы и стратегии адаптации сельских мигрантов.

Цель проекта «Социальная модернизация и стратегии адаптации сельского мигранта в городских поселениях» – на основе применения социальных индикаторов модернизации выявить характер и стратегии адаптации к городским поселениям, социальную мобильность сельских мигрантов Республики Саха (Якутия). Для разработки инструментария исследования обратимся к теоретико-методологическим подходам к исследованию процессов модернизации и урбанизации.

Процесс глобализации и модернизации с нарастающим применением коммуникационных технологий существенно влияет на все стороны жизни отдельных стран и населяющих их народов. Приобщиться к новым возможностям и вместе с тем сохранить свою неповторимость, особенность – этим озабочены самые различные субъекты исторического процесса – от представителей различных религий, цивилизационных сообществ и национальных структур до отдельных граждан.

В настоящее время в условиях глобализации и интенсификации развития современных технологий поиск модели развития Российской Федерации, обеспечивающей национальную, экономическую, политическую стабильность и безопасность, благосостояние населения, уровень и качество жизни связывают с процессом модернизации. Между тем, научное сообщество по-разному определяет само понятие модернизации и урбанизации и методологические принципы их анализа. Исследователи отмечают, что эта тема столь масштабна и содержательна, что каждый исследователь рассматривает ее с собственной точки зрения (П. Штомпка, Я. Келлер, С. Хантингтон, Х. Чуаньци, Н.И. Лапин, Вишневский А.Г., Рашковский Е.Б., Наумова Н.Ф., Гукасова Н.Ю., Красильщиков В.А., Полтерович В.М., Зарубина Н.Н., Яницкий О.Н. и др.)

Региональные процессы модернизации изучают специалисты Института региональной экономики. Для нас особый интерес представляет при-

кладное исследование: направление и механизмы модернизации социальной сферы и социальной политики регионов Севера (науч. рук. Набережная А.Т.). Теории и практике модернизации системы общего среднего образования Республики Саха (Якутия) посвящено исследование Габышевой Ф.В. Исследованию проблем адаптации народов Севера – коллективная монография ИГИиПИМНС: Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). Толерантность мигрантов как фактор адаптации рассматривала в своем исследовании Щукина К.Е. Проблемам адаптации населения Якутии посвящены работы Петровой Т.П., Игнатъевой В.Б., Баишевой С.М., Винокуровой Л.И., Филипповой В.В., Васильевой Е.В., Меркель Н.В., Вуколовой Т.С., Кузьминой Р.А. и др.

Принято считать системообразующими элементами модернизации индустриализацию, урбанизацию и вестернизацию (нарастание культурного влияния западных цивилизаций). Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010), подготовленный Центром исследования модернизации и Группой исследования стратегий модернизации Китая, специалистами, работающими в Китайской академии наук, рассматривает процесс модернизации как «один из видов глубоких изменений, происходивших в человеческой цивилизации с XVIII века, она затрагивает формирование, развитие, преобразование и международное взаимодействие в современной цивилизации; инновации, отбор, процессы распространения и рецессии элементов цивилизации, а также глобальную конкуренцию в приобретении, достижении и поддержании высокого мирового уровня. В процессе развития цивилизаций она затронула такие сферы, как экономика, общество, политика, культура, окружающая среда, индивидуальное поведение людей, а также передовые и отсталые страны» [Хэ, 2011, с. 18].

По мнению проф. Хэ Чуаньци [2011, с. 18], процесс модернизации заключается в последовательном преодолении двух стадий: если первая (первичная стадия) – это классическая модернизация, включающая в себя индустриализацию, урбанизацию, демократизацию и рациональный подход, то вторая (вторичная) – это уже «неомодернизация», для которой обретают смысл понятия научных знаний, информации, глобализации и защиты окружающей среды.

Авторы Обзорного доклада разработали способы измерения состояния и динамики каждой стадии модернизации; они используют единые для всех стран индикаторы, сведенные по специальной методике в три индекса: для каждой из двух стадий и для интегрированной оценки обеих стадий. Состояние каждой стадии модернизации дифференцировано по фазам ее эволюции, приведена методика определения каждой фазы.

«Первичная стадия модернизации учитывает три области жизни индустриального общества: экономическую, социальную и когнитивную (область знаний). Они операционализированы с помощью 10 индикаторов. Значения вторичной модернизации (ВМ) определяются для четырех областей: инновации в знаниях, трансляции знаний, качества жизни, качества экономики. Используются 16 индикаторов, ежегодно подсчитываемых как средние по 20 развитым странам» [Лапин, 2012, с. 5].

Согласно мнению Н.И. Лапина [2015, с. 6], реальность состоит в том, что модернизация есть переход цивилизованного общества к новым способам создания основных средств жизнедеятельности с новыми их качествами, при этом переход осуществляется под воздействием новых социокультурных потребностей людей с целью улучшения условий жизни и влечет новые дифференциации их отношений.

В качестве теоретической базы для анализа процессов и проблем социоэкономической и социокультурной модернизации макрорегионов Российской Федерации российские ученые Центра социокультурных изменений Института философии РАН использовали концепцию вторичной модернизации профессора Хэ и методики измерений уровней и динамики модернизации в разных странах и их регионах, инструментарий Центра исследований модернизации Китайской академии наук.

Специалисты отмечают процесс урбанизации как один из определяющих факторов модернизации российского общества, а миграцию – как основное средство, обеспечивающее переток населения из села в город, рост городов и продвижение урбанизации в новые районы [Зайончковская, 2002]. И более того, предполагают, что миграционная мобильность непосредственно зависит от уровня социально-экономического развития региона: депрессивные регионы должны с относительно большей силой «выталкивать» на-

селение по сравнению с развитыми регионами, население которых менее подвижно [Зайончковская, Ноздрина, 2008, с. 98].

К.Б. Бреттелл и Дж.Ф. Холлифилд [2007, с. 38] построили матрицу, обобщающую вопросы исследований и методологии анализа миграционных процессов, господствующие в разных дисциплинах. Для американских социологов главные вопросы, на их взгляд: «Почему происходит миграция, и чем объясняются разные формы адаптации мигрантов, Что делает миграцию устойчивой во времени?». А основной гипотезой является тезис об успешной адаптации и интеграции, обусловленной социальным капиталом мигранта.

По мнению Т.Н. Юдиной [2002, с. 105–106], объектом социологии миграции является миграционный процесс как социальное взаимодействие населения, вовлеченного в социально-географическое перемещение, а предметом – динамика изменений объективных и субъективных аспектов социальных отношений перемещаемых лиц в рамках прежнего и нового социума. Мигранты в социологическом понимании – это социальные группы, члены которых осознают себя целостным субъектом поведения на новом месте жительства и обладают чувством групповой солидарности.

В своей работе, которая перекликается с трудами многих российских авторов, Ф. Дювель [2007, с. 71–72] резюмирует типологию и категории миграций на основе литературных источников, а также индикаторы пространственной мобильности населения. Выделяются, например, пишет он, такие переменные, как продолжительность пребывания, место, география, цель миграции, профессия, участники миграционных перемещений (акторы), их число, отношения между ними, политический характер, правовой статус мигрантов, культурная дистанция и исторический характер. При этом он отмечает, что пространственная мобильность людей анализируется, дифференцируется и классифицируется на основе различных подходов и, в действительности, список индикаторов можно было бы составить на основе более широких обобщений или детализировать с выделением большего числа подгрупп.

А И.А. Алешковский [2007, с. 83–84] приводит следующие группы индикаторов, определяющие направления и масштабы внутренних миграционных потоков: 1) показатели экономического развития; 2) показатели уровня жизни населения;

3) показатели демографического развития; 4) показатели социального развития; 5) показатели, описывающие ситуацию на региональном рынке труда; 6) показатели, описывающие ситуацию на жилищном рынке; 7) экологические и природно-климатические; 8) показатели, характеризующие федеральную и региональную государственную политику; 9) индикаторы уровня социально-политической стабильности в регионе; 10) материальные и нематериальные издержки, связанные с миграцией.

Социальная миграция сельских жителей в городские поселения является одной из форм адаптации людей к меняющимся условиям и важнейшим механизмом урбанизации региона. В поисках методологии исследования в представленном анализе социальная модернизация и социальная мобильность сельских мигрантов Якутии рассматриваются с помощью социальных индикаторов. При операционализации указанных понятий автор пользуется сформированными научными подходами и индикаторами оценки социальной мобильности населения. Как отмечает Ф.М. Бородкин [2004, с. 69], всеми признается, что благополучие людей и его изменения являются главными предметами социального наблюдения с помощью индикаторов.

Первичные данные собираются качественным методом – посредством глубинного полуструктуризованного интервью среди сельских мигрантов. В полуструктуризованном интервью рассмотрены следующие блоки вопросов: причины миграции, социальные связи, изменение способов коммуникации, образование, занятость, место и качество жилья, институциональные механизмы социальной модернизации, здоровье, информационные потребности и их обеспечение, организация досуга. Респондентов ищут по разным каналам: по месту работы, по месту жительства. Для достижения репрезентативности дополнительно использовался опрос на улицах г. Якутска, в некоторых случаях метод «снежного кома». Информанты были отобраны по определенным критериям [Томаска, 2015, с. 31–32].

С помощью структурной операционализации понятие «социальная модернизация» расчленено на более простые составляющие, а с помощью факторной операционализации в исследовании выявляются основные условия и факторы, оказывающие влияние на процесс социальной адаптации. Для операционализации понятий «социаль-

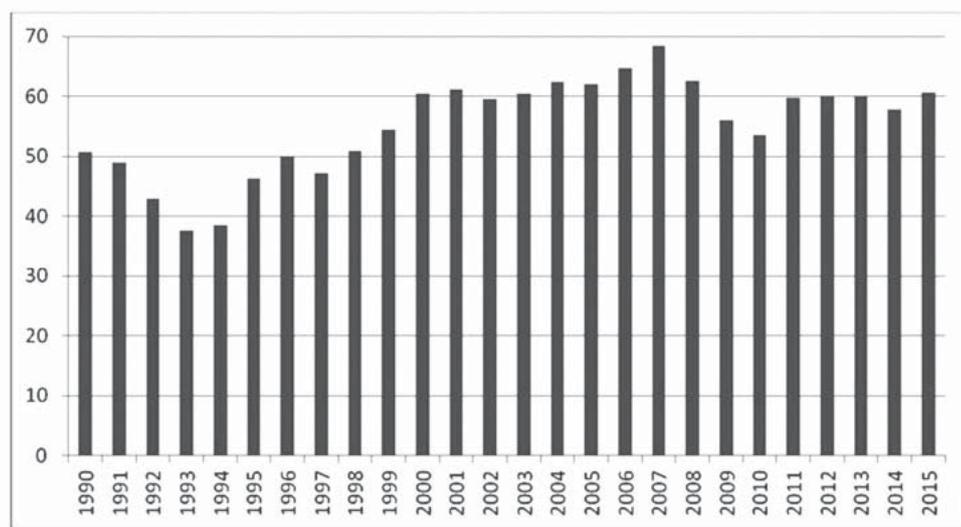

Рис. 1 Доля внутренней миграции в миграционном обороте Республики Саха (Якутия) в пределах России (в %)*

ная модернизация», «социальная мобильность сельских мигрантов» необходимо выделить те индикаторы, или критерии, которые могут быть измерены и оценены. В качестве индикаторов измерения предложены условия и факторы урбанизации, определяющие стратегии адаптации сельских мигрантов. Сформированы индикаторы по пяти индикативным блокам, каждый из которых отражает влияние миграции на отдельную сферу жизнедеятельности:

Демографические: возраст, пол, миграционные, брачные и репродуктивные установки (метрические, номинальные, ранговые шкалы);

Социальные: 1) Коммуникативные: отношения с родными, однокурсниками, одноклассниками, друзьями, коллегами, соседями (затраты времени: минуты, часы, количество раз в неделю, месяц, год, %, номинальные шкалы); 2) Социальная самоидентификация: удовлетворенность жизнью, оценка, установки (номинальные, ранговые шкалы, %).

Социально-экономические: материальные и жилищно-бытовые условия (метрические, номинальные, %);

Социально-профессиональные: образование, профессиональная стратификация и ориентация, отношение к труду (метрические, номинальные, ранговые шкалы, %);

Социокультурные: 1) Этнические: язык, культура, традиции и обычаи (метрические, номи-

нальные, ранговые шкалы, %); 2) Личностные: интересы, досуг, ценностные ориентиры (затраты времени: минуты, часы, количество раз в неделю, месяц, год, метрические, номинальные, ранговые шкалы, %).

Полуформализованные интервью проведены среди сельских мигрантов разных социальных групп (работающие по найму в бюджетной и коммерческой сфере, безработные, имеющие временную или сезонную занятость), из разных регионов республики (Южная Якутия, Западная Якутия, Северная Якутия, Восточная Якутия, Центральная Якутия), разного финансового достатка, семейного положения (состоящие в браке, разведенные, вдовы, никогда не состоявшие в браке), переехавшие в период реформ по настоящее время в городское поселение с намерением перемены места постоянного жительства.

Рассматривая изменения внутренней миграции в миграционном обороте Республики Саха (Якутия), можно выделить несколько периодов активного миграционного обмена. С 1993 г. возрастает доля внутренней миграции в миграционном обороте Республики Саха (Якутия) в пределах России (рис. 1). В 1993 г. удельный вес внутренней миграции среди прибывших и выбывших в пределах Российской Федерации составлял 37,6%, ежегодно увеличиваясь, к 2007 г. он достиг максимального показателя – 68,4%, в 2013 г. – 59,9%, в 2015 г. 60,7%.

*http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default. Дата обращения: 20.04.2016.

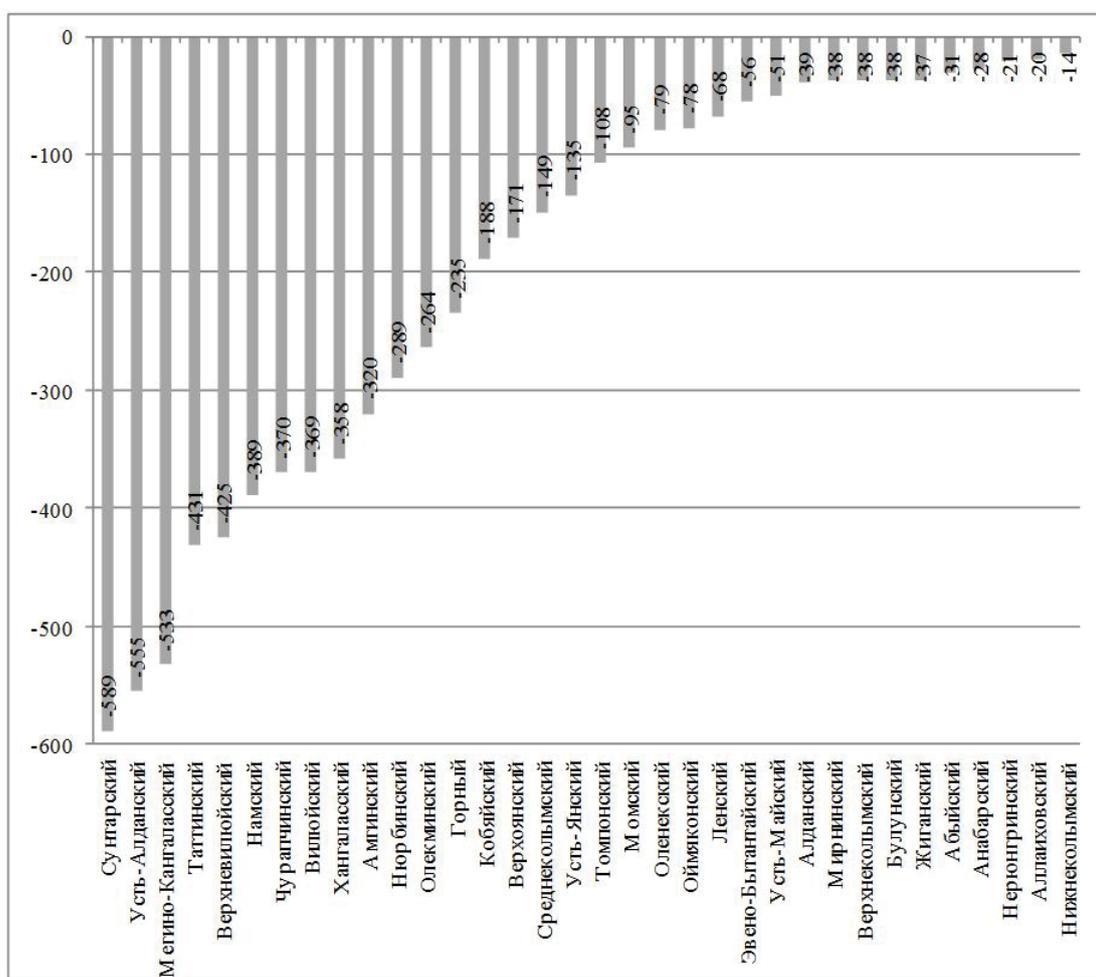

Рис. 2. Распределение мигрантов по районам выхода, чел.*

Особенно высоки показатели внутривнутриреспубликанской миграции среди районов, где якутское население по численности составляет большинство. Миграционная активность женщин в целом по республике превышает миграционную активность мужчин – 59,5% и 40,5% соответственно. Отрицательный миграционный прирост в сельской местности отражает наиболее высокие показатели женской миграционной активности в группе населения трудоспособного (63,3%) и старше трудоспособного возраста (71,7%). На миграционную активность женского населения республики среди сельских мигрантов указывают Винокурова Д.М. [2014], Винокурова Л.И., Филиппова В.В. [2010], Сукнева С.А. [2002].

Как показало распределение выбывших из сельской местности мигрантов в возрасте 14 лет

и старше по причинам смены места жительства, 30,4% составляют лица, выбывающие из села для получения профессионального образования, 30,3% – лица, меняющие постоянное место жительства в связи с причинами личного или семейного характера. При распределении доли мигрантов в миграционном приросте городского населения по районам выходов выявляется максимальная миграционная активность из сельской местности Центральной Якутии – 63,7% сельских мигрантов. Следующая группа районов: Западная Якутия – 50,3%, Южная Якутия – 18,0%. Меньше всего мигрируют в городские поселения жители Восточной Якутии – 13,4% и северных районов – 11,6% (рис. 2).

Актуализация проблем анализа и управления миграционными процессами в последние годы

*http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default. Дата обращения: 20.04.2016.

вызывает интерес ученых, представителей органов управления, законодательных органов. Следует признать, что сельские мигранты вносят определенный вклад в темпы и характер развития городов республики. Важнейшей задачей в настоящий момент является учет социально-экономического эффекта от внутренней миграции в перераспределении населения и трудовых ресурсов, призванной способствовать процессам модернизации и урбанизации региона. Основным мотивом преимущественно вынужденной миграции сельских жителей является стремление обеспечить трудоустройство и повысить профессиональное образование, уровень жизни.

Литература

Алешковский И.А. Внутренняя миграция в современной России: тенденции, детерминанты, политика. – М.: ТЕИС, 2007.

Бородкин Ф.М. Социальные индикаторы – что это такое? // Мир России. – 2004. – № 4. – С. 62–101.

Бреттелл К.Б. и Холлифилд Дж.Ф. Теория миграций // Методология и методы изучения миграционных процессов / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля / Центр миграционных исследований. – М., 2007. – С. 33–70.

Винокурова Д.М. Территориальная мобильность жителей Республики Саха (Якутия): семейные связи и миграционные намерения // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2014. – №1, – С. 82–87.

Винокурова Л.И., Филиппова В.В. Адаптация мигрантов в постсоветской Якутии // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. Сб. статей / ответственный редактор: Тишков В.А., Деревянко А.П., Куделин А.Б. – М.: Политическая энциклопедия. 2010. – С. 305–308.

Дювель Ф. Пространственная мобильность // Методология и методы изучения миграционных процессов/ под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля / Центр миграционных исследований. – М., 2007. – С. 71–95.

Зайончковская Ж.А. Миграция и урбанизация, которые изменили Россию // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Тезисы докладов. – М.: Демоскоп. 2002. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_03.html (Дата обращения: 20.04.2016).

Зайончковская Ж.А., Ноздрина Н.Н. Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере в 10 городах) // Проблемы прогнозирования. – 2008. – №4. – С. 98–112.

Лапин Н.И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // Социологические исследования. – 2015. – №1. – С. 5–10.

Лапин Н.И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии // Социологические исследования. – 2012. – №9. – С. 4–24.

Томаска А.Г. Внутренняя миграция Республики Саха (Якутия) и социальный портрет сельского мигранта в городских поселениях // Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия). Сб. науч. ст. Вып. 1. – Якутск: Центр научно-технической информации Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, 2015. – С. 23–43.

Сукнева С.А. Миграционные процессы в Республике Саха (Якутия) // Пространственная экономика. – 2002. – №1. – С. 62–77.

Хэ Чуаньци. Введение // Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / гл. ред. Хэ Чуаньци; пер. с англ. под ред. Н.И. Лапина. – М.: Весь мир, 2011. – 256 с.

Юдина Т.Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. – 2002. – №10. – С. 102–109.

A.G. Tomaska

Social mobility of rural migrants in urban conditions: search methodology

The article considers methodological approaches to the study of the processes of modernization and urbanization. Some features of the internal migration of the Republic of Sakha (Yakutia). Defines social indicators research the nature and rural migrants adaptation strategies of the Republic of Sakha (Yakutia) to urban settlements. To operationalize the concepts of “social modernization”, “adaptation strategies” highlighted indicators or criteria that can be measured and evaluated.

Keywords: social modernization, urbanization, migration, rural workers, social indicators, social mobility, factors and rural migrants adaptation strategies.

Социальные индикаторы: методология измерения семьи

В статье рассматривается развитие социальных исследований общества в разные исторические эпохи. Основное внимание уделяется разработке методологии и методике социальных индикаторов, которые характеризуют состояние общества и семьи, а также результаты социальной политики в регионе. Автор обосновывает сочетание количественных и качественных методов исследования для раскрытия более реальной картины современного состояния семьи.

Ключевые слова: социальное измерение общества, эмпирические исследования, статистические данные, социальные показатели, социальные индикаторы.

Социальное состояние общества измерялось еще в древние времена. В то время государства в большинстве случаев были в состоянии войны, так как выживали за счет отвоеванных земель, покоренного населения и военных трофеев. И потому для правителей были важны сведения о количестве боеспособных мужчин и о домохозяйствах для сбора налогов. Сохранившиеся исторические материалы древнего мира свидетельствуют, что во многих восточных странах (Китай, Япония, Индия и др.) велись переписи населения. В Древней Греции существовала система статистического учета доходов населения. В Афинах велась запись рождения и смерти граждан и т.д. Это свидетельствует о том, что в управленческом аппарате появились специальные структуры, ведущие учет и движение населения и его доходов.

В средние века, несмотря на жесткий контроль общества со стороны церкви, в разных странах начали формироваться экспериментальные науки и искусство. Именно в средние века зародился опыт логического измерения общества у арабских ученых, например, Ибн аль-Хайсама, Аль Бируни и у европейского ученого Бэкона. В позднее средневековье появляются различные концепции на тему властного управления обществом, ярким примером можно считать разработки Никколо Макиавелли и Томаса Гоббса. Семья как основа социального порядка и естественного состояния человека рассматривалась в совершенном обществе утопических теорий Т. Мора, Т. Кампанеллы. В трудах Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо сущность семьи трактовалась с позиций теории естественного права и гуманистической теории семьи как основы семейного союза (И. Кант). Семья как «ячейка» общества при-

нята в формационной теории К. Маркса, Ф. Энгельса [Юрданова, 2011, стр. 344].

Научные эмпирические исследования общества зародились в европейских странах (Англия, Франция и Германия) в Новое время. В это время идет становление такой основной научной дисциплины, как статистика, без которой немислимо эмпирическое исследование. Его основными источниками стали «*Statistica*» (в латинской литературе), «*Staatenkunde*» (в немецком оригинале), «Государствоведение» (на русском языке) и «политическая арифметика» [Новикова, 2000, с 33].

На становление и развитие немецкой школы «государствоведения», или описательной статистики, большое влияние оказали также такие ученые, как немецкий статистик, профессор философии и права Готфрид Ахенваль (Gottfried Achenwall) (1719–1772), Антон Фридрих Бюшинг (Busching) (1724–1793), Август Людвиг Шлёцер (Schlozer) (1735–1809) и др. Представителями этой школы был собран огромный информационный материал; разработаны основные социальные показатели, касающиеся государственного устройства, и апробированы многие широко используемые в настоящее время методы обработки эмпирических социальных данных.

В Англии осуществлению эмпирических исследований в социальной сфере способствовали возникновение и развитие политической арифметики. Известными представителями являются Д. Граунт, У. Петти, Э. Галлей, Г. Кинг, Ч. Давенант и др. Для этого времени характерно начало разработки методов выборки, классификация и сравнения данных, сложилась статистическая традиция переписи населения, различных видов

учета доходов и расходов домохозяйств и институционализация эмпирической социологии.

Социальные исследования во Франции проводились в области социальной антропологии. Работы А. Кетле в данной сфере свидетельствуют о переходе от статистического описания к использованию эмпирических данных для установления закономерностей социальной жизни общества. Также классическими в эмпирических исследованиях считаются монографические исследования государственного чиновника Фредерика Ле Пле, Э. Энгеля, А. Вагнера. Французские представители социальных исследований внесли в науку понятия «качество жизни», «среднестатистический человек» и т.д., их работы были нацелены на выявление общих закономерностей развития общества [Там же, с. 40]

С XIX по XX век в европейских странах и США характерной чертой экономики явилась индустриализация, которая сопровождалась повышением производительности труда в связи с применением машин в промышленности и урбанизацией городов. В это время одним из первых, кто разрабатывал методологию прикладного исследования, является Макс Вебер, который обследовал адаптацию рабочего класса к крупной промышленности. В Англии политэкономисты внесли свой вклад, изучая социально-экономическое положение рабочих. Их представителями являются О. Оуэн, А. Смит, М. Болтон, Д. Уатт и др., которые внесли в науку понятие «эффективность производства», «человеческий ресурс», проанализировали взаимосвязь мотивации и производительности производства и т.д.

В то же время именно в Америке социальные исследования достигли большого размаха. Научную методологическую программу Дж. Ландберг разработал на основе новой статистической техники. В ней применялись принципы количественной методологии: операционализм, квантификация и бихевиоризм. Проникновение математики в социологию обогатило ее кластерным, факторным, корреляционным, лонгитюдным и другими методами анализа данных. А взаимодействие с психологией привело к развитию точных методов измерения явлений: тестов, шкал, социометрии, проективных, психодиагностических процедур и т. д. Статистические методы в инструментарии социологических исследований окончательно возобладали в 1940-е гг. В 1941 г. вышел первый учебник статистики для социоло-

гов, большое значение стало придаваться и оценке репрезентативности данных [Добренков, Кравченко, 2006. Интернет-ресурс: uchebnik-online.com/15/13.html]

В современных государствах для выявления эффективности проводимых реформ и социальной политики правительств ведутся различные статистические и социально-экономические исследования. Для отражения полной картины социальных процессов в обществе разрабатываются социальные показатели, индикаторы, индексы и переменные. При построении системы показателей, т.е. для разработки социальных индикаторов, применяется несколько общих подходов:

Формализованный подход – данный подход используется во всех статистических исследованиях любого государства. К примеру, в американском проекте «Параметры нации» сформулированы критерии качества показателей. Пятнадцать социальных сфер характеризуются 236 переменными. Российским госкомитетом статистики ведутся специальные статистические исследования, такие, как Всероссийская перепись населения, перепись в сфере малого предпринимательства, сельского хозяйства и т.д., где разрабатываются различные показатели, характеризующие данные сферы общества.

Культурологический подход – преимущественно используется европейскими исследователями в области изучения различных культур народов мира, их обычаев, традиций и нравов.

Социологический подход – используется в эмпирических исследованиях для изучения протекающих социальных процессов в отдельно взятом обществе.

В связи с тем, что в разных странах уровень развития экономики и цели государственного управления отличны друг от друга, критерии оценок и показателей различаются, и для сравнения их международными организациями, такими, как ООН, Всемирный банк, Организация стран экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Европейская комиссия и др., разрабатываются универсальные интегральные показатели. По этим показателям экономическое положение стран ранжируется в шкалах от 0 до 1, по возрастающей. К примеру, ВВП (валовой внутренний продукт) на душу населения, индекс человеческого развития, индекс качества жизни и др. являются такими экономическими индикаторами.

В научной литературе рассматриваются различные подходы при построении социальных индикаторов, которые можно разделить на две группы:

1) построение системы индикаторов, каждый из которых отражает отдельные аспекты устойчивого развития. В рамках общей системы выделяют следующие подсистемы показателей: экологические, экономические, социальные, институциональные;

2) построение интегрального, агрегированного индикатора, с помощью которого можно судить о степени устойчивости социально-экономического развития. Агрегирование обычно осуществляется на основе трех групп показателей: эколого-экономических, эколого-социально-экономических, социально-экологических. [Пономарева, 2011. С 103]

Также надо отметить, что в отечественной и зарубежной науке существуют различные определения социальных индикаторов и основания при их классификации. Для данной статьи вполне подходит определение, данное в Энциклопедии социологии, где социальный индикатор – это индикатор, характеризующий социальные объекты или субъекты, отражающие состояния и процессы их функционирования и развития, являющийся инструментом сравнения [интернет-ресурс: dic.academic.ru]

В российской социологии семьи разработкой социальных показателей и индикаторов занимались М.С. Мацковский, А.Г. Харчев, В.А. Ядов, Т.А. Гурко и др.

При исследовании семьи, советские социологи (Харчев А. Г. и Мацковский М. С.) выделяют следующие характеристики (индикаторы) микросреды, в которой проживают семьи:

- степень урбанизированности среды расселения семьи (тип населенного пункта — город, село, число жителей и т. д.);

- характеристики возможной занятости населения (тип предприятий народного хозяйства, уровень требуемой квалификации и образования работников, использование преимущественно мужского или женского труда, дефицит или избыток рабочей силы и т. д.);

- демографическая структура среды расселения;

- этнические характеристики среды расселения;

- количественные и качественные характеристики сферы обслуживания;

- доступность детских дошкольных учреждений;

- количественные и качественные характеристики культурных учреждений, спортивных и физкультурных сооружений;

- характеристики учреждений здравоохранения [Харчев, Мацковский, 1986, с. 10]

Для описания семьи или для измерения семейных отношений А.И. Антонов (социометрия) выделяет следующие характеристики родственных общностей: вовлеченность в родственные интеракции, частота контактов, индексы родственной взаимосвязанности, родственную солидарность (индексы ориентированности на родство и расширенную семью, шкалы фамилизма, взаимопомощи и поддержки, предпочитаемой территориальной локализации родства) и т.д. [Антонов, 1998, с. 79]

Таким образом, семья как объект социологического исследования может быть представлена как модель с соответствующей ей характеристикой, которую можно измерить определенными индикаторами.

Для примера в данной статье приводятся некоторые результаты эмпирического исследования плановой научной работы автора по теме «Стратегия адаптации сельской семьи Якутии в условиях трансформации общества».

Для эмпирического исследования применен междисциплинарный подход, который предполагает применение системного и комплексного подходов для рассмотрения семьи как целостной системы с внутренними и внешними связями. Данная программа социологического исследования основана на методологии исследования семьи Мацкого М.С., Гурко Т.А., Харчева А.Г., Ядова В.А. и др., на методологии модернизации семьи: М. Вебер, Г.Зиммель, С. Голод, В. Гурко, Л. Карцева, М. Бид-Бад, Э. Гидденс, Ю. Хабермас, Дж. Мэддок и др.

Для описания внешних условий жизни сельской семьи были использованы общие индикаторы, характеризующие современное состояние сельских поселений с помощью статистических показателей:

- Динамика численности населения

- Структура домохозяйств

- Рождаемость и смертность

- Брачность и разводимость

- Источники доходов

- Доля безработных в численности экономически активного населения

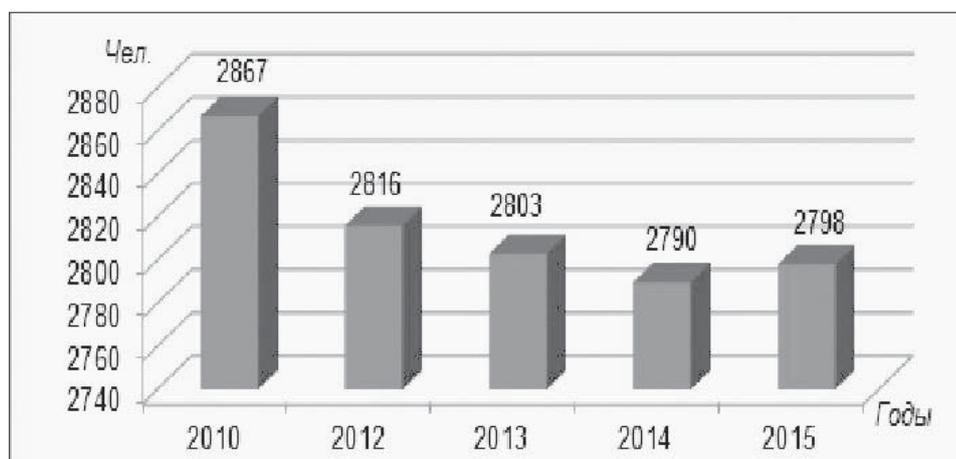

Рис.1. Динамика численности населения
Эвено-Бытантайского национального улуса*

- Доля занятого населения в общей численности населения и т.д.

Коротко приведем данные по Эвено-Бытантайскому национальному улусу. Данный улус исторически «молодой», был основан в 1930 годы советской власти в результате политики перевода кочевого народа на «оседлый» образ жизни. В 1960-е годы был присоединен к Верхоянскому району ЯАССР, а в 1998 году, в начале «перестройки» снова отделен.

Численность населения Эвено-Бытантайского национального улуса, по данным Госкомитета статистики РС (Я), за последние пять лет показы-

вает тенденцию уменьшения (рис. 1). Если в 2010 году переписью было зафиксировано 2867 человек, то в 2014 году – численность населения достигло 2790 чел, т.е. население уменьшилось на 77 человек. Для малочисленного поселения это существенные показатели.

Структура домохозяйств наглядно демонстрирует социальную структуру сельских поселений. На рис. 2 итоги ВПН-2010 года, показывают что доля домохозяйств одиноких людей (277 ед.) превышает долю домохозяйств с двумя, тремя членами.

Для анализа и интерпретации количественных данных, наряду со структурой нужно рас-

Рис. 2. Структура домохозяйств**

*Годовые сводные данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия)

** Итоги ВПН – 2010

смагивать и половозрастную структуру населения и провести качественное исследование (интервью и т.д.).

Показатели естественного движения населения показывают: прирост населения из года в год уменьшается. Из таблицы 1 видно, что естественный прирост населения увеличился в 2013 году на 4 единицы, а на последующий 2014 год прирост снизился на 5 единиц и в 2015 году на 3 единицы.

Таблица 1
Естественное движение населения*

	2012	2013	2014	2015
Число родившихся	27	30	23	19
Число умерших	13	12	10	7
Естественный прирост	14	18	13	12

*Составлена по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия)

Данные по брачности и разводимости также показывают, что в 2013 г. брачность выросла на 4 единицы, а в последующие два года она снизилась (рис. 3).

Показатели по численности населения, структура домохозяйств, естественное движение населения, а также брачность и разводимость являются

базовыми показателями, на основе которых можно вычислить различные интегральные оценки демографической ситуации определенного поселения и сравнить с другими поселениями исходя из задач определенного исследования.

Для выявления трудового потенциала села и социально-экономических ресурсов населения уместно рассматривать следующие блоки данных: долю экономически активного населения, долю безработных, финансовые ресурсы (доходы от трудовой деятельности на предприятиях, в личных подсобных хозяйствах, сбережения в банках, жилищную обеспеченность и т.д.) [Итоги ВПН, 2002, 2010].

Таблица 2
Экономическая активность населения*

	Человек
Население, всего	2017
Указавшие экономическую активность	2002
Экономически активное население	1459
Безработные	255
Уровень безработицы в улусе, %	17,5

*Составлена по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия).

Вывод: общие индикаторы района (улуса) позволяют получить количественный итог социальных процессов. Во-первых, численность населения, естественное движение населения и экономическая активность показывают текущее состо-

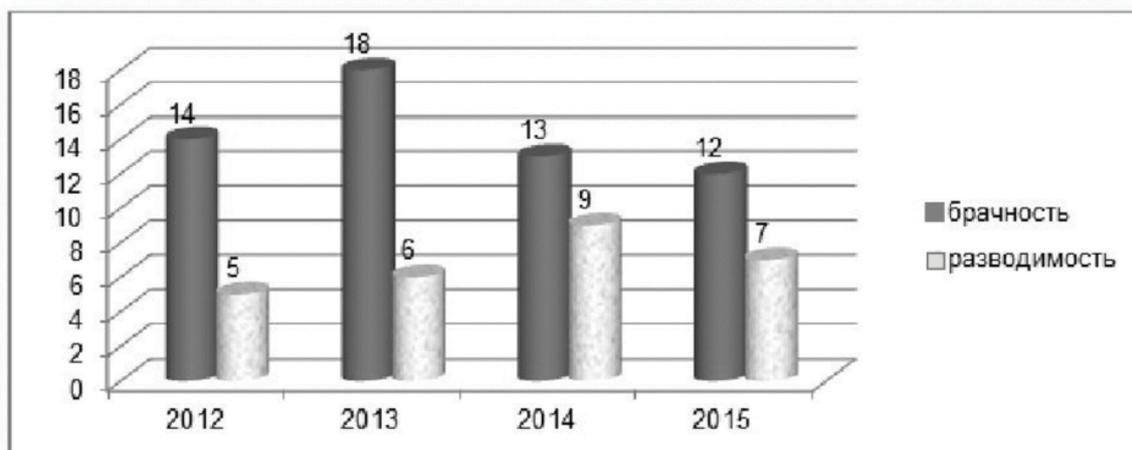

Рис. 3. Брак и развод

*Составлена по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия)

яние трудовых ресурсов в данном поселении. Во-вторых, брак, разводимость, структура домохозяйств и рождаемость позволяют судить о состоянии семейственности в одном поселении. Далее необходимо сделать сравнительный анализ нескольких поселений и посмотреть общие статистические данные по республике и только тогда можно сделать итоговый вывод по сельским поселениям.

Для более полной картины жизнедеятельности семьи необходимы дополнительные социальные индикаторы, позволяющие всесторонне ее охарактеризовать. К примеру, дающие не только количественную, но и качественную характеристику объекта исследования:

- Размер семьи
- Ценности семьи
- Оценка брачного опыта
- Субъективная оценка уровня жизни семьи
- Степень урбанизации сельской семьи
 - благоустройство жилищных условий
 - наличие подсобного хозяйства
 - наличие ТВ, Интернета, сотовой связи
- Степень доверия к исполнительной власти
- Социальное самочувствие

Надо отметить, что в социально-экономических исследованиях кроме статистических (количественных) показателей, используются и качественные критерии, так как «социальная эффективность экономических преобразований измеряется не только материальными затратами общества, но и содержанием и характером изменений в обществе потребностей, интересов и социальных ценностей населения» [Байдалова, 2012, с. 60]. Поскольку изучается жизнедеятельность человека в кругу семьи, то основными слагаемыми, становятся субъективное восприятие человеком своей роли в семье, его жизненный опыт, самочувствие и материальное благополучие, которые выше приведены в виде социальных индикаторов.

Таким образом, социальные индикаторы и показатели являются методологическими инструментами познания общества, так как дают количественную и качественную характеристику объекту исследования, а также функционированию и развитию социальных процессов. В каждом исследовании набор индикаторов и по-

казателей зависит от целей и задач конкретной работы. Как показывает опыт эмпирических исследований, сочетание количественных и качественных методов (интервью, открытые вопросы, метод невключенного наблюдения и др.), обоснованная интерпретация полученных результатов с причинно-следственными связями и корреляции данных дадут наиболее близкую к реальности картину.

Литература

Антонов А.И. Микросоциология семьи. – М.: Издат. дом «Nota Bene», 1998. – 360 с.

Байдалова О.В. Социальные показатели регионального развития: методология и методическое обеспечение исследования // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7: Социология и социальные технологии. – 2012. – № 1 (16). – С. 59–65.

Добреньков В., Кравченко А. История зарубежной социологии. – М., 2006. Интернет-ресурс uchebnik-online.com/15/13.htm

Итоги Всероссийской переписи населения 2002–2010 гг.

Новикова С.С. Социология: история, основы, институализация в России. – М.: Моск. психол.-социал. ин-т; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2000. – 464 с.

Пономарева М.А. Адаптация зарубежных методов к разработке системы показателей устойчивого развития российских регионов // Изв. Урал. гос. эконом. ун-та. – Вып. № 4, т. 36. – 2011 / Научная электронная библиотека КиберЛенинка: <http://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-zarubezhnyh-metodov-k-razrabotke-sistemy-pokazateley-ustoychivogo-razvitiya-rossijskih-regionov#ixzz469zhIteJ> / Дата доступа 22.06.16.

Социально-экономическое положение мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РС (Я) / Территориальный орган Федеральной службы госстатистики по РС (Я). – Якутск, 2016.

Харчев А.Г., Мацковский М.С. Семья как фактор воспроизводства социальной структуры социалистического общества // Фундаментальные программы и методики исследований семьи. – М., 1986. – С. 10–57.

Энциклопедия социологии // Интернет-ресурс: dic.academic.ru (дата обращения: 22.06.16).

Юрданова М.Э. Семья в фокусе современных социальных проблем общества // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Право. – 2011. – Вып. №2 (97), т. 15. – С. 344–347.

Social indicators: methodology of measurement family

The article discusses the development of social research society in different historical epochs. The focus is on the development of methodology and methods of social indicators that characterize the state of society and the family, and the results of social policy in the region. The author substantiates the combination of quantitative and qualitative research methods for uncovering a more complete picture of the current state of the family.

Keywords: the social dimension of society, empirical studies, statistics, social indicators, social indicators.

УДК 316.612-053.2: 061.62 (571.56)

Н.Д. Федотова

О некоторых методологических подходах к исследованию качества жизни детей

В статье рассматриваются проблемы исследования качества жизни с методологической точки зрения. Описывается методика изучения качества жизни детей посредством выделенных индикаторов, объединенных в следующие компоненты: социальные – социальное благополучие; условия жизни (в т.ч. жилищные); культурный уровень; образование, здравоохранение; рекреация и досуг; возможность для развития; безопасность; экономические – экономическое благосостояние семьи; потребление товаров и услуг; экологические – экологическое состояние окружающей среды.

Ключевые слова: качество жизни, оценка качества жизни, дети, социальные индикаторы, методологические подходы.

Исследование качества жизни населения вызывает сегодня все больший интерес в научном сообществе. Значимость изучения качества жизни обусловлена вопросами устойчивого социального развития.

Изучение различных сторон качества жизни входит в исследовательское поле разных наук, прежде всего таких, как философия, социология, психология, педагогика, экономическая теория, теория управления. В связи с этим существует многообразие подходов к определению понятия «качество жизни». Представители разных наук выделяют в ней те характерные свойства, которые интересуют соответствующую отрасль знания.

Главное, что сближает в настоящее время позиции любых направлений, занимающихся проблемами качества жизни, заключается в том, что они исходят из общего начального принципа: нормальное качество жизни подразумевает такие условия жизнедеятельности, которые обеспечивают удовлетворение потребностей населения, семьи, отдельного человека на количественно и качественно приемлемом уровне [Качество жизни населения..., 2012, с. 10].

Принято считать, что термин «качество жизни» впервые появился в США в 1960-е гг., который употребляется наряду с такими понятиями, как стиль, стандарт, уровень и образ жизни. При этом под термином «качество жизни» чаще всего подразумевается предоставляемая развитым индустриальным обществом возможность потребления благ и услуг, отражаемая, главным образом, через экономические показатели [Нагимова, 2010, с. 34]. В частности, Дж. К. Гэлбрейт понимал «качество жизни» как синоним всевозможных общественных благ, получаемых личностью с ростом ее интеллектуальных потребностей [Гэлбрейт, 1968, с. 26]. Дж. Форрестер предложил модель мир, в которой качество жизни рассматривалось в неразрывной связи с глобальными проблемами. Эта модель включала такие уровни, как население, капиталовложения, использование невозобновляемых природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, производство продовольствия, при этом все они связаны друг с другом [Форрестер, 1978, с. 79-80].

Со второй половины 1970-х гг. учёные стали акцентировать внимание на субъективных аспек-

тах понятия качества жизни, а именно на том, как сам человек оценивает качество своей жизни. Подобная точка зрения имела место в таких отраслях знания, как социология и психология [Лубяный, 2015].

В этот период формируется концепция «ощущаемого качества жизни», основанная на изучении социально-психологических механизмов удовлетворения потребностей людей. Так, американский социолог А. Кэмпбелл использует в своих исследованиях изучение качества жизни через категории «обладание – отношение – существование», основывающиеся на удовлетворенности материальным положением, межличностными отношениями, уровнем самооценки [Петрушина, 1981, с. 112].

В отечественной научной литературе проблема качества жизни рассматривалась в контексте проблемы «образ жизни» как составной части концепции человека.

Рассматривая сущность категории «образ жизни», С.И. Попов [1977, с. 37] выделяет в ней две взаимосвязанные и взаимообусловленные стороны: количественную и качественную. Если количественная сторона образа жизни выражается в определенной системе показателей материального благосостояния и сводится к уровню жизни, то качественная сторона представляет собой комплексную интегральную характеристику положения человека в различных социальных системах, выражающую степень его социальной свободы, возможности всестороннего развития, совокупность располагаемых культурных и духовных ценностей, т.е. не тех ценностей, которые объективно существуют и функционируют в данном обществе, а лишь тех, которые воплощаются во внутреннем мире человека, в его повседневной практике [Нагимова, 2010, с. 44].

Как отмечает Л.А. Беляева, анализируя проблемы измерения уровня и качества жизни населения, в настоящее время не существует единого мнения об определении понятий «уровень жизни» и «качество жизни» и их операционализации через систему показателей. Часто они используются как взаимозаменяемые, а перечни показателей, которые их описывают, во многом совпадают. Тем не менее, полагает она, понятия эти следует разделять. Уровень жизни – более узкая категория по сравнению с качеством жизни. Он определяется условиями существования человека в сфере потребления и измеряется через соци-

ально-экономические показатели общего благосостояния людей. Эти показатели включают доходы, потребление, жилищные условия, услуги образования, здравоохранения и т.д. Они могут операционализироваться как через систему статистических показателей, так и субъективных оценочных суждений.

Справедливой представляется точка зрения Л.А. Беляевой, согласно которой качество жизни представляет собой более широкий комплекс условий жизнедеятельности человека и включает в себя уровень жизни, а также такие составляющие, которые относятся к экологической среде обитания, социальному благополучию, политическому климату, психологическому комфорту. По мнению Л.А. Беляевой [2009, с. 36], «качество жизни» – это комплексная характеристика условий жизнедеятельности населения, которая выражается в объективных показателях и субъективных оценках удовлетворения материальных, социальных и культурных потребностей и связана с восприятием людьми своего положения в зависимости от культурных особенностей, системы ценностей и социальных стандартов, существующих в обществе.

А.И. Субетто определяет качество жизни как систему качеств материальных, социокультурных, духовных, демографических и экологических компонентов жизни. В этой системе выделяется уровень реализации родовых сил человека, творческий смысл его жизни. Причем, в соответствии с учением о трех родах качества: предметно-вещественном, функциональном и системно-социальном раскрываются и индивидуальное, и общественное качество жизни, разнообразие потребностей человека, потенциал его всестороннего, гармонического, творческого развития [Субетто, 1994, с. 19].

Как отмечает А.Ж. Буликеева, работы С.А. Айвазяна [2000; 2002,] сделали возможным понимание того, что качество жизни населения является целостной многоуровневой системой элементов, взаимодействие которых носит процессный характер. Система качества жизни населения включает совокупность элементов качества: 1) материального и духовного благосостояния населения; 2) социальной сферы; 3) экологической ниши; 4) безопасности населения.

А.Ж. Буликеева подчеркивает, что при измерении качества жизни используются три подхода: объективный, субъективный и комбинирован-

ный. При применении объективного подхода качество жизни измеряется через параметры объективных условий и процессов жизнедеятельности, выражающихся в абсолютных и относительных статистических показателях. Субъективный подход заключается в изучении удовлетворенности населения основными составляющими качества жизни: экономическим благополучием, безопасностью существования, условиями психического, культурного развития личности, а также самосовершенствования личности. К третьему направлению относятся те трактовки качества жизни и его структуры, в которые включены как объективные, так и субъективные характеристики, охватывающие все множество сторон, условий и отношений в системе «человек – жизнь – средства и условия жизни» [Буликеева, с. 82].

Несмотря на значительный объем работ и разнообразии подходов к интерпретации качества жизни, в целом научное сообщество сходится во мнении, что данная категория представляет собой ёмкое, многомерное и сложно конструируемое понятие. Спорными же в развернувшейся дискуссии остаются вопросы составляющих качество жизни и различных наборов индикаторов, характеризующих его [Россошанский, 2013, с. 440].

В научной литературе представлены различные попытки создания системы «социальных индикаторов». Так, в сборнике под редакцией Р. Бауэра перечисляются 12 «индикаторов» «социально-регионального» свойства: возможности профессионального образования, образования по возрастным группам; право голоса при обсуждении проблем предприятия; выбор товаров; информация по международным и производственным проблемам; значение свободного времени для конкретного региона; парки и спортивные сооружения; юридическая защита; общественные фонды потребления; обеспечение престарелых; «красота» городов; участие граждан в решении коммунальных вопросов. Разработанная Дж. Форрестером система определения и повышения качества жизни состоит из четырех «основных факторов»: снабжение и обеспечение продуктами питания; капиталовложения, определяющие стандарт жизни; загрязненность окружающей среды; степень роста населения [Трофимов, Мальганова, 2005, с. 38–39].

Хэ Чуаньци, в рамках исследования модернизации, для оценки качества жизни выделяет следующие индикаторы: доля городского населения;

медицинские услуги; уровень детской смертности; ожидаемая продолжительность жизни; потребление энергии на душу населения. При этом их интерпретация предполагает следующее: доля городского населения относительно всего населения; число врачей на 1000 человек; смертность детей в возрасте до 1 года на каждую тысячу родившихся; средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении; килограмм нефтяного эквивалента на человека [Хэ, 2011, с. 64].

Как считает Т.В. Гаврилова, оценивать качество жизни следует на основе определенных принципов: 1) Всесторонней оценки. Конечным результатом исследования качества жизни должна стать оценка сложившейся ситуации во всех сферах жизнедеятельности отдельного человека и общества в целом. 2) Комплексности. Исследование качества жизни должно включать в себя изучение как объективных условий и процессов жизнедеятельности, так и субъективного мнения людей. 3) Универсальности. При оценке качества жизни любого объекта исследования необходимо использовать универсальный набор объективных и субъективных показателей. 4) Учета специфики объекта исследования. Необходимо дифференциально подходить к изучению качества жизни каждого конкретного объекта исследования, выделять специфические черты, характерные только для него [Гаврилова, 2009, с. 9].

Говоря о качестве жизни детей, следует отметить, что изучению качества жизни данной части населения посвящены исследования, прежде всего, медицинской направленности. Как отмечает С.Н. Майорова-Щеглова, в отечественной социологии тема детства остается маргинальной [Майорова-Щеглова, с. 200]. По мнению Х-Г Нолль [с. 73], только в последние годы дети как отдельная социальная группа стали выступать в качестве объекта исследований. Автором отмечается, что особая жизненная ситуация детей на ранних стадиях исследований социальных показателей и качества жизни за немногочисленными исключениями долгое время игнорировалась.

Как отмечает С.Н. Майорова-Щеглова, детство в узком смысле воспринимается как особый возрастной период жизни человека, характеризующийся первичной, прежде всего семейной социализацией. Говоря о российском детстве в начале XXI в., С.Н. Майорова-Щеглова, акцентирует внимание на противоречивых явлениях и процессах и выделяет следующие «парадоксы», со-

стоящие в соединении несовместимого: 1) детоцентризм и инфантицид; 2) дети как экономическая выгода/невыгода; 3) стратифицированное детство; 4) воспитательные традиции и стратегии; 5) процесс информатизации. К примеру, по мнению исследователя, детоцентризм, долгое время интерпретировавшийся исключительно как позитивное явление общества, сегодня имеет и негативную окраску [Майорова-Щеглова, с. 191–192]. Как было выяснено, в республике последовательно снижается количество детей в семье и наиболее распространенными становятся малодетные семьи – с одним ребенком [Федотова, 2014, с. 52–53]. В однодетных семьях на единственном ребенке концентрируются силы, внимание, ожидание всех поколений. В свою очередь, дети пытаются освободиться от столь тесных уз, и в этом противоречии, по мнению современных социологов, возможно, кроются причины усложнения отношений между родителями и детьми в семье, а также разводов супругов в зрелом возрасте. Новые тенденции социального неравенства раннего детства, связаны, по мнению исследователя, с поселенческим (мегаполисы–провинция–деревня) и экономическим (богатые–бедные) фактором [Майорова-Щеглова, с. 193, 194]. В Якутии бедность преимущественно локализована в сельской местности [Этносоциологические исследования..., 2015, с. 74].

В этой связи следует отметить, что исследование по теме «Право ребенка на безопасное детство: комплексный аудит качества жизни городских и сельских детей» имеет практическое значение в расширении знаний о детях. В то же время необходимо сказать о значительных методологических трудностях не только в сфере изучения качества жизни, но и детей. Целью конкретного исследования является выявление особенностей качества жизни городских и сельских детей Республики Саха (Якутия). Исследование включает статистический, социологический и аналитический методы исследования. Информация об условиях и качестве жизни городских и сельских детей в рамках данного опроса проводится косвенным путем – от родителей.

Генеральная совокупность анкетного опроса составит 151161 ед. частных домохозяйств, имеющих детей моложе 18 лет человек. Размер выборки с доверительной вероятностью в 95% при погрешности +/-5% составит 383 единицы. Формирование выборочной совокупности проведено

многоступенчатым способом отбора. Используемым методом выборки является квотная (пропорциональная) выборка, когда респонденты выбираются целенаправленно с соблюдением параметров квот изначально заданных по модели генеральной совокупности. Для цели исследования существенны следующие характеристики генеральной совокупности: возрастной, социально-профессиональный, образовательный, состав обследуемых, пространственная локализация, этническая принадлежность. Репрезентативность выборки обоснована использованием статистических данных, а также их сопоставлением и моделированием совокупности. Вопросы анкеты разделены на тематические блоки, содержащие значимые аспекты жизни (материальное положение, жилищные условия, питание, здоровье, образование, дополнительное образование, языковая компетенция, отдых и свободное время, безопасность, забота со стороны государства, экологическая обстановка, социальное самочувствие, взаимоотношения родитель – ребенок), раскрывающие содержание качества жизни городских и сельских детей. Таким образом, в качестве основных групп индикаторов выделены следующие: социальные компоненты – социальное благополучие; условия жизни (в т.ч. жилищные); культурный уровень; образование, здравоохранение; рекреация и досуг; возможность для развития; безопасность; экономические компоненты – экономическое благосостояние семьи; потребление товаров и услуг; экологические компоненты – экологическое состояние.

Таким образом, сложность и многогранность понятия качества жизни приводит к тому, что научным сообществом были предложены различные подходы к его определению и измерению. Основная идея этих подходов состоит в том, чтобы определить качество жизни как набор показателей, и направление исследования состоит в выборе показателей, по возможности наиболее точно и всесторонне характеризующих качество жизни [Лубяный, 2015].

Литература

Айвазян С.А. Анализ синтетических категорий качества жизни населения субъектов Российской Федерации: их измерение, динамика, основные тенденции (по статистическим данным за 1997-1999 гг.) // Уровень жизни населения регионов России. – 2002. – № 11. – С. 5–40;

Айвазян С.А. Интегральные индикаторы качества жизни населения: их построение и использование в социально-экономическом управлении и межрегиональных сопоставлениях. – М.: ЦЭМИ РАН, 2000. – 117 с.

Айвазян С.А. Сравнительный анализ интегральных характеристик качества жизни населения субъектов Российской Федерации / Препринт #WP/2001/125. – М.: ЦЭМИ РАН, 2001. – 65 с.

Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социс. – 2009. – №1. – С. 33–42.

Буликеева А.Ж. Определение и критерии оценки качества жизни. – С. 81–85. Режим доступа: <http://dspace.susu.ru/bitstream/handle/0001.74/1281/21.pdf?sequence=1> (дата обращения 10.05.2016)

Гаврилова Т.В. Принципы и методы исследования качества жизни населения // Технологии качества жизни. – 2004. – Т. 4. – № 2. – С. 1–11.

Гэлбрейт Дж.К. Общество изобилия. – М. 1968.

Качество жизни населения: грани проблем в фокусе преобразований: Колл. монография / под ред. Н.А. Воронцовой, И.В. Кузнецовой. – Саратов: «КУ-БиК», 2012. – 150 с.

Лубяный И.Д. Эволюция подходов к анализу категории «качество жизни» // Управление экономическими системами. – 2015. – № 2. Режим доступа: <http://uecs.ru/uecs-74-742015/item/3382--1-г> (дата обращения: 04.05.2016).

Майорова-Щеглова С.Н. Детство в начале XXI века: парадоксы развития и функционирования. – С. 191–201. Режим доступа: <file:///C:/Users/Acer/Downloads/detstvo-v-nachale-hhi-veka-paradoksy-razvitiya-i-funktsionirovaniya.pdf> (дата обращения 30.04.2016).

Нагимова А.М. Социологический анализ качества жизни населения: региональный аспект. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – 306 с.

Ноль Хайнц-Герберт. Исследование социальных показателей и мониторинг: методы измерения и анали-

за качества жизни // Социальное неравенство. – С. 58–83. Режим доступа: http://www.cisr.ru/files/publ/soc_ner/7_soc_neravenstvo.pdf (дата обращения: 04.05.2016).

Петрушина И.Ю. Субъективные индикаторы качества жизни в социологии США: обзор современных интерпретаций // Социс. – 1981. – № 1. – С. 111–114.

Попов С.И. Проблема качества жизни в современной идеологической борьбе. – М.: Политиздат, 1977. – 279 с.

Россошанский А.И. Оценка качества жизни населения: обзор методологических подходов // Молодой ученый. — 2013. — №11. – С. 440–445.

Субетто А.И. Управление качеством жизни и выживаемость человека // Стандарты и качество. – 1994. – № 1. – С. 13–21.

Трофимов А.М., Мальганова И.Г. Оценка качества жизни населения как форма изучения социально-географического пространства // Социально-экономическая география. – 2005. – С. 36–43. Режим доступа: [file:///C:/Users/Acer/Downloads/otsenka-kachestva-zhizni-naseleniya-kak-forma-izucheniya-sotsialno-geograficheskogo-prostranstva%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/Acer/Downloads/otsenka-kachestva-zhizni-naseleniya-kak-forma-izucheniya-sotsialno-geograficheskogo-prostranstva%20(1).pdf) (дата обращения: 04.05.2016).

Федотова Н.Д. О некоторых проблемах детства в Республике Саха (Якутия) // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 52. – С. 50–54.

Форрестер Дж. Мировая динамика. – М.: Наука, 1978. – 168 с.

Хэ Чуаньци. Часть первая: Цивилизация и модернизация: глобальные основы модернизации Китая // Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / гл. ред. Хэ Чуаньци; пер. с англ. под общ. ред. Н.И. Лапина. – М.: Изд-во «Весь мир», 2011. – 256 с.

Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия). Вып. 1. Сб. науч. статей. – Якутск, 2015. – 139 с.

N.D. Fedotova

Some methodological approaches to the study of the quality of children's life

Some methodological approaches to the study of life's quality are discussed in this article. The problems of assessing the quality of life are actualized. Identifies issues of studying the children's life quality. Discloses a technique of studying the quality of life of children through selected indicators, combined into the following components: social – social welfare; living conditions (including housing); cultural level; education, health care; recreation and leisure; opportunity for development; security; economic – the economic welfare of the family; consumption of goods and services; environmental – ecological condition.

Keywords: quality of life, evaluation of life quality, children, social indicators, methodological approaches.

Д.Г. Брагина

О социально-демографических факторах, определяющих состояние традиционной культуры якутов на рубеже XX–XXI вв.

В конце XX – начале XXI вв. явления традиционной культуры якутов, как и других народов России, переживают ренессанс. В данной статье раскрывается влияние социально-демографических факторов на изменения, происходящие в системе традиционных ценностей якутов на рубеже XX–XXI вв. Начавшееся в 90-е годы движение за возрождение традиционной культуры якутов сегодня набирает силу. К этому времени традиционные ценности и нормы, не утратив своего влияния, сохранялись в трансформированном виде. В условиях модернизирующегося общества в целях выживания коренных этносов всё более актуальными становятся идеи духовного возрождения их на основе сохранения и возрождения традиционных форм культуры. Важным становится выяснить, как якутский этнос сумел сохранить стержень традиционной культуры, одной из основ которой является мифологическая форма мировоззрения.

Ключевые слова: гражданское общество, традиционная культура, традиционные ценности, этническая идентичность, языковая ситуация, мировоззрение, толерантность.

Начиная с первых лет советской власти исследователи, коллективы научно-исследовательских институтов занимаются изучением явлений традиционной культуры. В XXI в. традиционная культура народов России, как известно, становится во многом базовым понятием для понимания этнических и этнокультурных процессов. В этой связи исследователями делаются попытки осмыслить понятие «традиционная культура в аспекте современной этнической картины мира». Одним из результатов процесса формирования теорий культурной самобытности, культурной традиции становится признание институционального разнообразия различных современных обществ. Исследователи также приходят к пониманию того, что традиционные культуры обладают огромной вариативностью адаптивных стратегий, позволяющих регулировать состояние культурного шока [Ионин, с. 20]. В этих условиях комплексное рассмотрение процессов, происходящих в сфере традиционных культур в конце XX – начале XXI в., всё более актуализируется. Как показывает практика, под влиянием различных социокультурных факторов традиционная культура подвергается динамическим изменениям, поэтому становится важным выяснить условия сохранения и функционирования элементов традиционной культуры в настоящее время, тем более в России, где существуют многочисленные

и разнообразные культурные модели, в том числе и якутская. Если исходить из тезиса, что традиционная культура лучше сохранилась там, где государство в неё не могло вмешиваться, то именно такая культура является почвой для формирования гражданского общества в условиях демократизации государства.

В советское время государственная политика интернационализации, направленная на нивелирование национальных культур, подвергла значительной трансформации традиционную культуру якутов. К 80-х гг. XX в. назревает кризис общественной системы, изменяется социальная структура, усиливается урбанизация, ослабевают морально-нравственные устои в обществе. И, тем не менее, в силу устойчивости этнического сознания традиционные ценности и нормы не утратили полностью своего влияния. У якутов данной ситуации во многом способствовало и то, что они являются в основном сельскими жителями – носителями традиционных начал и ценностей.

Территория Республики Саха (Якутия), как известно, расположена в зоне многолетней мерзлоты. Возможно, поэтому в генетической памяти народа саха сохранилась тоска о тёплой прародине. Так, в мифологии якутов, коренного населения данной территории, сохранилось описание южной прародины. А.И. Гоголев и А.А. Бурцев отмечают: «У южных предков якутов формирова-

ние героико-эпической тематики в фольклоре наметилось, по всей видимости, в конце этапа полуосёдлого пастушеского скотоводства и в эпоху перехода его к раннему кочевничеству в горно-степных районах северо-запада Центральной Азии (Южной Сибири) на рубеже II – I тыс. до н.э.». Исследователи обращают внимание на географическое размещение мест, воспеваемых в олонхо, «...места, где живут богатыри айыы, покрыты вечнозелёной травой, незамерзающими озёрами и разнообразной фауной» [Гоголев А.И., Бурцев А.А., 2012, С. 51.] Известно, что этническая история якутов сложна и неоднозначна. Г.А. Попов, один из первых профессиональных историков Якутии (1887–1942 гг), пишет: « Вся обстановка, пройденная в отдалённом прошлом якутским племенем, указывает на многие трудности и лишения, перенесённые этим народом. Эти то обстоятельства и закалили якута, выработали из него устойчивый тип в самых неблагоприятных условиях жизни» [Попов Г.А. 2013, с. 156–157]. Отметим, что окружающая природная среда во многом способствовала формированию особенного северного менталитета современного якута.

Якутия – это территория рек и озёр, а главной рекой является Лена. Указом Президента РС(Я) от 2 июля 2013 г. был учреждён День реки Лены. Как справедливо отмечает А.И. Гоголев, якутская традиционная культура, как речная культура, была неразрывно связана с землёй, скотоводством, а р. Лена « являлась психологическим и эмоциональным символом для якутского народа. В его сознании р. Лена выступает в образе почтенной госпожи-бабушки, хотун Эбэ. Старинное якутское название р. Лены – Сахсара, священная река (сах – «божество», сара-сари – «священная») [Гоголев, 2010, с. 7–8]. Сенокосение являлось основой сенокосно-пастбищного скотоводства якутов. Как известно, термин «алас» происходит от тюркского «алаас», «алаша», что означает низкий. Якуты до сих пор традиционно предпочитают селиться по аласам, которые воспеваются в народном творчестве, к ним сохраняется почтительное отношение. В целом, таежно-аласный ландшафт также имел большое значение для формирования особенностей менталитета якутов.

Другая особенность – Якутия богата полезными ископаемыми. Это и явилось, начиная с советских времён причиной формирования на её территории крупнейших территориально-производ-

ственных комплексов, развития горно-добывающей и обрабатывающей промышленности. Наступление индустриальной цивилизации обернулось, как известно, опасностью необратимого кризиса экосистемы северной территории. Поэтому в современных условиях особо ценным становится опыт циркумполярной цивилизации, созданной коренными северными этносами, в том числе и якутским. Так, устойчивому функционированию экосистем во многом способствует традиционное мировоззрение якутов о духовном единстве человека и природы.

Представляется, что компактность этнической среды проживания является важным фактором для оптимальной культурной и социальной самореализации якутского этноса. Такая особенность расселения подтверждает необходимость сохранения ресурсной базы развития этноса, традиционной системы его жизнеобеспечения. В постсоветский период одним из возрожденческих направлений становится интерес якутского населения к так называемой традиции «ытык сирдэр» (священные земли), поддерживающей создание системы резервных территорий с гибким режимом природопользования и охраны. В эти годы она поддерживается в ранге государственной экологической политики. В систему природных территорий «Ытык Кэрэ Сирдэр» входят природные заповедники, национальные природные парки, ресурсные резерваты, уникальные озера, ландшафт и т.д. Идеология Ытык Кэрэ Сирдэр для народа саха как коренного этноса может обеспечить рациональное использование окружающей природной среды. Традиционная ценностная система жизнедеятельности якутов, как известно, основана на представлении о том, что «человек – земля – космос» – это единая система. Поэтому можно утверждать, что устойчивое развитие якутов во многом связано с проблемой экологии этнической культуры. П. Ойунский в своём исследовании об олонхо пишет: «В Верхнем мире хозяйство основано исключительно на конном скоте; в Нижнем мире – только на рогатом скоте, а в Среднем – на конном и рогатом. Поэтому злым началам Верхнего мира жители Среднего мира приносят в жертву только конный скот... Злым началам Нижнего мира Средний мир приносит в жертву только рогатый скот» [Ойунский, с. 101]. Проживание якутов преимущественно в сельской местности обуславливает занятость в сельскохозяйственной и традиционно-промысло-

вой сферах трудовой деятельности. Процессы структурной перестройки в конце XX в. привели к распространению такой ранее традиционной форме хозяйствования якутов, как хуторская (сайылычная). В это время для развития сельского хозяйства республики был взят курс на создание семейной экономики в форме базовых крестьянских (фермерских) хозяйств. Отметим, что этому виду семейной экономики не способствует современная демографическая ситуация. Так, в сёлах растёт число семей, состоящих из одиноких женщин с детьми. На деградационные тенденции в социально-трудовой сфере на селе справедливо указывает также и О.В. Попова. Сельское население отличается более низким уровнем предпринимательской активности, чем городское, а работники предприятий и организаций составляют около 80 % занятых в сельской местности. К тому же происходящая миграция приведёт к обезлюживанию сельской местности, утрате части национальной культуры, связанной с сельским образом жизни [Попова, 2013, с. 51–55].

В постсоветский период тенденция к возврату традиционности наблюдается в возвращении терминов «улус» и «наслег». Статистика отмечает, что основная часть сельских поселений немногочисленна, при этом наметилось усиление процесса урбанизации. Так, по сравнению с 2012 г. доля городского населения выросла с 64,6 % до 64,9, а сельского – снизилась с 35,4 до 35,1 % [Численность населения Республики Саха..., 2013 г., с. 5]. Активно урбанизация протекает среди якутов. По данным 2002 г., в г. Якутске якуты составляли 42,4, а по данным 2010 г. уже 47,4 % в общей численности населения [Город Якутск, 2012, с. 32]. Отметим, что сельские мигранты, сохраняя этнокультурную преемственность традиций народа, активно участвуют в общественной и культурной жизни города. Наблюдения показывают, что большинство реципиентов почти в любой аудитории общественно-культурного мероприятия составляют лица якутской национальности.

В Якутии в постсоветский период так же, как и в других регионах России, происходит рост национального самосознания, выражающийся в осознании себя в качестве полноправного, самостоятельного субъекта исторического развития. Социологические опросы, проведённые в 90-е годы XX в. в Якутии Институтом социологии РАН, показывают высокую степень проявления этнической идентичности, независимо от нацио-

нальной принадлежности респондентов [Брагина, 2005, с.60]. Для якутов, как и для русских, феномен роста национального самосознания в последнее десятилетие XX в. во многом был обусловлен в целом позитивными переменами, произошедшими в российском обществе. Важными факторами, стимулирующими национальное самосознание, послужили этническая легитимность государственности, компактность проживания, этническая мобилизация якутов в постсоветский период. Можно утверждать, что в настоящее время численность и расселение якутов способствуют стабильной устойчивости этнического самосознания. Отметим также, что позитивная этническая идентичность у якутов способствует росту толерантности этноса, установке на сохранение своей и других этнических культур.

В 90-е годы XX в., в условиях суверенизации республики, на основе демократического принципа разделения властей были созданы парламент в лице Государственного собрания – Ил Тумэн, административно-иерархическая система учреждений во главе с президентом, а также судебная система. В общественно-политическую сферу активно входит этническая атрибутика, символика, терминология, например, «Ил Тумэн» (Государственное собрание), «наслег», «улус» и т.д. Формируется многопартийная система и к настоящему времени политические партии играют решающую роль в избирательном процессе. С отменой института президента в республике 14 сентября 2014 г. всеобщим голосованием был избран Глава Республики – Ил Дархан. Проводимая в республике современная этнокультурная политика достаточно убедительно показана в коллективной монографии [«Якуты (Саха)», 2013]. В ней, в частности, утверждается, что в постсоветские годы «представителям власти и интеллигенции казалось, что через возврат к корням титульной этнической культуры можно добиться экономического процветания и гражданского согласия. Проводились различные кампании, разрабатывались законопроекты, создавались фонды» [Там же, с. 506–512]. Согласимся с авторами и с тем, что в настоящее время национальная политика ориентирована на идею сохранения и развития гражданской общности якутян. Здесь можно добавить, что идея развития якутского этноса через возрождение ценностей традиционной культуры обсуждается и находит реализацию в этно-

культурной сфере. Но отметим, что помпезное проведение в некоторых улусах праздничных мероприятий национального праздника Ысыах вряд ли будет способствовать их социально-экономическому процветанию.

В постсоветский период активно создаются различные общественные организации и общества, в результате деятельности которых формируется гражданское общество, начало которому было положено в двадцатые годы XX в. В те годы вокруг таких культурно-просветительских обществ, как «Саха аймах», «Манчары», «Саха омук», объединились такие беспартийные представители национальной интеллигенции, как писатели А.Е. Кулаковский, А.И. Софронов, Н.Д. Неустроев, ученый-лингвист С.А. Новгородов и др. В 90-е гг. XX в. общественно-политическая активность якутов проявляется через деятельность таких национально-культурных объединений, как «Конгресс народа саха», «Саха омук», «Саха аймах», «Саха кэскилэ» и др. Национальная якутская интеллигенция ставит проблемы развития национальной литературы, языка, культуры, научного осмысления истории народа саха. В этот период актуализируются и активно издаются как научные, так и популярные работы по проблемам традиционной культуры, например, А.М. Григорьевой, В.А. Кондакова и др. [Григорьева, 1992; Кондаков, 2011]. В настоящее время интеллигенция через СМИ и научные издания становится источником знаний о явлениях традиционной культуры и распространения их через лекции и мастер-классы среди сельского населения.

В 90-е годы в Якутии осуществляется реформа общеобразовательной и профессиональной школ, реализуется региональная концепция национальной школы. Национальное образование рассматривается как один из эффективных механизмов возрождения и развития национальной культуры, воспитания молодёжи на основе диалога культур. Предназначение национального образования педагогическая элита видит в передаче молодому поколению знания национального языка, традиций, духовно-нравственных ценностей на фоне толерантности, межнационального диалога и т.д. Традиционная культура рассматривается как основа образования, которое направлено на реализацию принципа: от знания своей традиционной культуры к пониманию и знанию культур других этнических групп. «Ренессанс» тра-

диционализма становится одной из альтернатив советской общественно-культурной модели.

Большее внимание стали уделять обучению родным языкам и этнокультурному содержанию образования. Данные процессы протекают на фоне распространения новых информационных технологий, благодаря которым происходит интеграция Якутии в международное сообщество. К началу XXI в. улусные управления образования и школы республики были подключены к ИНТЕРНЕТу. Можно утверждать, что современная информированность населения резко отличается от ситуации в середине XX в.

Одной из проблем, волнующих не только национальную интеллигенцию, но и значительную часть якутского населения, является языковая. Так, проводимая в советский период языковая политика приводит ко второй половине XX в. к постепенному сокращению социальных и коммуникативных функций якутского языка. В особенности этот процесс наблюдается в урбанизированной среде. И, тем не менее, статистические данные свидетельствуют также и о том, что смена родного языка, вызванная главным образом незнанием или недостаточной степенью владения якутским языком, не приводит, однако, к утрате этнической идентичности якутов. Вместе с тем необходимо отметить, что в республике на якутском языке активно развивается национальная художественная литература, издаётся переводная, функционирует музыкальная и театральная жизнь, периодическая печать, работают средства массовой информации. Значительные усилия для лингвистического обеспечения расширения функций якутского языка предпринимаются сектором якутской филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера, специалисты которого создают разговорники, словари якутского языка, ведут пропаганду якутского языка и двуязычия.

В постсоветский период к условиям, детерминирующим и формирующим современную языковую ситуацию в республике, необходимо отнести изменение статуса якутского языка, этнополитические, демографические и этнокультурные факторы, под воздействием которых протекают языковые процессы. В возрастании общественных функций якутского языка заинтересованность проявляет, прежде всего, национальная творческая интеллигенция, влияющая на деятельность национальных телевидения, радио,

кино, театра. В этом, как представляется, выражается одна из существенных современных особенностей выполнения языком этнокультурных функций. Активному функционированию якутского языка способствует и такой вид народного творчества, как художественная самодеятельность, способствующая возрождению и сохранению многих важных элементов традиционного слоя культуры, бытование которых содействует укреплению осознания якутами своей национальной самобытности и идентичности.

В начале 90-х гг. общественность вынуждена была признать, что якутский язык нуждается в государственном протекционизме. В октябре 1992 г. был принят «Закон об языках», придавший статус государственного наряду с русским, и якутскому языку. Признание одновременно двух языков государственными является мерой, направленной на восстановление и расширение сферы влияния якутского языка, гармонизацию языкового развития, в том числе и реального двуязычия. Это проявляется в настоящее время в повышении внимания к языковому воспитанию в семье, а также возрастающей роли дошкольных и школьных образовательных учреждений в формировании и развитии как национально-русского, так и русско-национального двуязычия, что позволит повысить интерес к якутскому языку, а через него и к культуре якутского этноса у русскоязычного населения республики. По данным отчёта Министерства образования РС(Я) за 2014/15 учебный год, в городах обучающиеся на русском и нерусском языками обучения составили 33,4%, на русском – 66,6%, в селах на русском языке обучения – 10,3%, а на нерусском языке обучения – 73,6, на русском и нерусском языках обучения – 16,1%. В столице республики Якутске на русском языке обучалось 48,2%, на русском и нерусском языках обучения – 51,8, а изучающие родной язык (якутский) как предмет составили 23,8%.

В республике ежегодно отмечается День родного языка и письменности, в столице существует Совет по развитию сети национальных образовательных учреждений города. Вместе с тем отметим, что несмотря на все предпринимаемые усилия говорить о реальном функционировании якутского языка как государственного пока не приходится. Как и прежде, русские в республике в подавляющем большинстве не владеют якутским языком, как и некоторая часть

горожан из числа якутов. Якутское население, особенно городское, продолжает активно использовать во многих сферах жизни русский язык. Тем не менее в настоящее время языковая ситуация в республике благоприятно способствует возрожденческим явлениям в традиционной культуре.

Таким образом, в постсоветский период демократизация общественной жизни республики, как и в других регионах России, повлекла возрождение явлений традиционализма. К этому времени рассмотренные выше социально-демографические факторы способствовали тому, что многие элементы традиционной культуры, преодолев известную её универсальность, становятся символами якутской национальной культуры в целом. Атмосфера национального возрождения, деятельность интеллигенции стимулируют активное функционирование, как профессиональных форм национальной культуры, так и её традиционного слоя. Отметим, что в настоящее время на представления, знания и определённые навыки традиционной культуры существенное влияние оказывают СМИ, научные и научно-популярные труды исследователей. Национальной интеллигенции нередко приходится осмысливать, возрождать и реконструировать обряды и традиции, символы и ритуалы, способствующие дальнейшему устойчивому этнокультурному развитию якутов. Можно утверждать, что к настоящему времени социально-демографические факторы во многом определили состояние и роль традиционной культуры в жизни якутского этноса, сумевшего сохранить внутренний стержень культуры, одной из основ которой является мифологическая форма мировоззрения. Проблемы традиционной культуры нуждаются в дальнейшем теоретическом и практическом осмыслении места и роли традиционной культуры в современном обществе, в разработке концепции культурной политики.

Литература

Брагина Д.Г. Этнические и этнокультурные процессы в Республике Саха (Якутия). – Новосибирск: Наука, 2005.

Гоголев А.И. Река Лена в контексте сакрального ландшафта. Сакральный ландшафт: Традиции и современные проблемы. Тезисы Межвузовской научно-практической конференции 9 апреля 2010 г., г.Якутск. – Якутск, 2010.

Гоголев А.И., Бурцев А.А. Якутское олонхо в контексте мифологии и эпической поэзии народов Евразии / ГУ «Акад.наук РС(Я). – Якутск: Сфера. 2012.

Город Якутск (по данным Всероссийских (Всесоюзных) переписей населения): Стат. сб./ Саха(Якутия) стат. – Якутск, 2012.

Григорьева А.М. Народная медицина якутов. – М., 1992.

Кондаков В.А. Религия Аар Айыы.: Основные сведения. – Якутск, 2011.

Ионин Л.Г. Социология культуры. – М.: Логос, 1998.

Ойунский П.А. Якутская сказка (олонхо), её сюжет и содержание // «Саха кэскилэ»: сб.тр. – Якутск, 1927. – Вып.1(4).

Попов Г.А. Сочинения. 2-е изд., доп. – Якутск: ИГИ и ПМНС СО РАН, 2013. – Т. 1.

Попова О.В. Проблемы занятости сельского населения Республики Саха (Якутия) в условиях инновационного развития АПК // Наука и образование Якутск. – 2013. – 3(71).

Численность населения Республики Саха (Якутия) на 1 января 2013 года: Стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). – Якутск, 2013.

Якуты (Саха). – М.: Наука, 2013.

D.G. Bragina

About social demographic factors defining a condition of traditional culture of Yakuts at a boundary of XX – XXI centuries

At the end of XX – beginning of XXI century the phenomena of the traditional culture of the Yakuts, as well as other peoples of Russia, are experiencing a renaissance. This article deals with the influence of socio-demographic factors on the changes occurring in the traditional system of Yakuts' values by the end of the XX century – beginning of XXI century. Which began in the 90-s years of the movement for the revival of the traditional Yakut culture is gaining momentum today. By this time, traditional values and norms, without losing their influence, were kept in a transformed form. In the context of a modernizing society, to the survival of indigenous ethnic groups are becoming more and more relevant ideas of their spiritual revival through conservation and revival of traditional forms of culture. The research of the influence of socio-demographic factors on the processes of ethno-cultural sphere, becomes important and allow to answer the question how the Yakut ethnos and in particular, the phenomenon of shamanism managed to keep their internal traditional culture and continues to be one of the pillars of mythological form of philosophy.

Keywords: civil society, traditional culture, traditional values, ethnic identity, language situation, world outlook, tolerance.

УДК 314.04 + 331.56(571.56)

П.М. Егоров

Молодежь Республики Саха (Якутия) как социально-демографическая группа

В статье представлены некоторые аспекты социально-демографической характеристики молодежи Республики Саха (Якутия). Рассмотрены различные подходы к определению возрастных границ понятия «молодежь»; так, например различные авторы дают свою периодизацию молодежному возрасту. В целом, большинство исследователей склоняется к возрастному промежутку в 14–30 лет. Одной из важных особенностей современного народонаселения Республики Саха (Якутия) является значительный удельный вес молодежи в общей численности ее населения. На рынке труда в Якутии за последние годы достаточно высоким остается уровень молодежной безработицы. В Республике Саха (Якутия) активно проводится молодежная политика, одной из главных

целей которой является создание условий для развития и реализации потенциала молодежи, повышения уровня ее конкурентоспособности во всех сферах общественно-политической и социально-экономической жизни.

Ключевые слова: молодежь, социально-демографическая характеристика, социальная структура, безработица, Республики Саха (Якутия).

Молодежь как особая социальная группа всегда находится в фокусе социологических исследований, так как именно она представляет собой не только чуткий индикатор происходящих в обществе перемен, но также определяет в целом потенциал его дальнейшего развития. Немецкий социолог К. Маннхейм [1994, с.693] считал, что молодежь ни прогрессивна, ни консервативна по своей природе, она – потенция, готовая к любому начинанию и является своего рода резервом, необходимым для приспособления к быстро меняющимся или качественно новым обстоятельствам. Динамичные общества рано или поздно должны активизировать и даже организовывать ее (ресурсы, которые в традиционном обществе не мобилизуются и не интегрируются, а часто подавляются)

Функция молодежи как оживляющего посредника социальной жизни, имеющая своим важным элементом неполную ее включенность в статус общества, универсальна и не ограничена ни местом, ни временем. Не случайно многие страны мира проводят целенаправленную работу в отношении подрастающего поколения, активно «вторгаясь» в жизнь детей и молодежи, интересы которых становятся важнейшей частью единой государственной политики.

В возрастной психологии молодежь характеризуется как индивид, у которого в этот период происходит формирование устойчивой системы ценностей, становление самосознания и формирование социального статуса личности. Сознание молодого человека обладает особой восприимчивостью, способностью перерабатывать и усваивать огромный поток информации. В этот период развиваются критичность мышления, стремление дать собственную оценку разным явлениям, поиск аргументации, оригинального мышления. Вместе с тем в этом возрасте еще сохраняются некоторые установки и стереотипы, свойственные предшествующему поколению. Это связано с тем, что период активной деятельности у молодого человека сталкивается с ограниченным характером практической, созидательной деятельности, неполной включенностью молодого человека в систему общественных отношений [Ильинский, 2003, с. 26].

В литературе, говоря о молодежи, чаще всего ориентируются на возрастной критерий, не всегда задумываясь о том, что понятие «молодежь» включает в себя не только хронологические и биологические, но и социально-психологические характеристики. Кроме того, даже при попытке определить возрастные рамки молодежи возникнут проблемы, так как границы молодежного возраста подвижны и зависят от социально-экономического развития общества, уровня благосостояния и культуры, условий жизни людей, менталитета и традиций того или иного общества. Развитие человечества и увеличение общей продолжительности жизни также внесли свои коррективы в возрастные границы понятия «молодежь» [Зеленин, 2008, №3, с.54].

Отметим, что различные авторы дают свои границы молодежному возрасту. По возрастной классификации, представленной В.В.Павловским [1999, с. 352], выделяются 4 группы: 14–16 лет – подростки, для этого возраста характерны максимальные диспропорции в уровне и темпах физиологического и психического развития; 17–19 лет – юношество, начинается процесс социализации, происходит приобретение почти всей полноты гражданских прав, а вместе с тем расширяется диапазон общественно-политических ролей и связанных с ними интересов и ответственности; 20–24 года – собственно молодежь, студенты и молодые люди, завершающие основную профессиональную подготовку, вступающие в производственную деятельность и создающие собственные семьи; 25–30 лет – старшая молодежь, нашедшая свой путь в жизни.

А.В. Мудрик [2004, с.30], рассматривая возрастную периодизацию в контексте процесса социализации, считает, что в молодежном возрасте можно выделить 3 группы: 15–17 лет – ранняя юность, 18–23 года – юность, 23–33 года – молодость, молодежный возраст по данной периодизации составляет от 15 до 33 лет.

Г.С. Абрамова [1999, с.557] с позиций возрастной психологии классифицирует молодежь следующим образом: подростковость – 13–17 лет, юность – 18–22 года, взросление – 23–30 лет. Очевидно, что при таком подходе молодежный

возраст будет находиться в промежутке между 13 и 30 годами.

В целом, большинство исследователей склоняется к возрастному промежутку в 14–30 лет, поэтому классификация В.В.Павловского представляется предпочтительной при проведении исследований в молодежной среде.

В соответствии с федеральным и республиканским законодательством когорту «молодежь» образуют представители возрастной группы от 14 до 30 лет включительно.

Одной из важных особенностей современного народонаселения Республики Саха (Якутия) является значительный удельный вес молодежи в общей численности ее населения. На 1 января 2015 г., по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по РС(Я), здесь проживает 220,5 тыс. чел. в возрасте от 14 до 30 лет, т.е. 25% общей численности населения Якутии [Распределение населения по возрастным группам в РС(Я), 2015, с. 30].

Вместе с тем, в последние годы наблюдается снижение числа молодых граждан и устойчивый тренд уменьшения их удельного веса в общем составе населения РС(Я). Как видно из рис. 1, в 2006–2015 г. численность молодежи республики уменьшилась на 49,8 тыс. чел. При этом соотношение городской (2006 г. – 66,1%, 2013 г. – 66%) и сельской (2006 г. – 33,9%, 2013 г. – 34%) молодежи сохранилось практически на одинаковом уровне.

Среди населения республики в возрасте 14–30 лет доля городских жителей, проживающих в гг. Якутск, Нерюнгри, Мирный и Алдан, составляет 65%. При этом фиксируется тенденция все

большей концентрации молодежи в г.Якутске, где она уже составляет 33,7% всех жителей столицы. В 9 центральных районах Якутии, 4 вилюйских, 2 южных районах и в 15 арктических и северных районах проживает 35% сельской молодежи от общей численности молодежи республики.

Среди молодежи наиболее многочисленна возрастная группа лиц 20–24 лет – 36%, численность лиц в возрасте 25–30 лет – 35,7%, 14–19 лет – 29%. Если в целом по республике наблюдается преобладание женского населения над мужским, то для молодежи характерно превышение численности мужчин (51%) над численностью женщин (49%).

Сопоставление данных об общей численности молодежи от 14 до 19 лет и численности лиц этого возраста, обучающихся в средних общеобразовательных школах, средних профессиональных учебных заведениях и ВУЗах Республики Саха, показывает, что категория «учащиеся» составляет 94% молодежи.

В целом, отмечая уменьшение доли молодежи в общей численности населения Якутии, следует отметить, что анализ существующих тенденций социально-демографического развития народонаселения РС(Я) позволяет предположить, что через 6–7 лет следует ожидать начала процесса постепенного увеличения удельного веса молодежи в составе населения.

На рынке труда в Якутии за последние годы достаточно высоким остается уровень молодежной безработицы. Общая численность безработных, состоящих на регистрационном учете за 2014 г., составляет 37309 чел., из которых численность

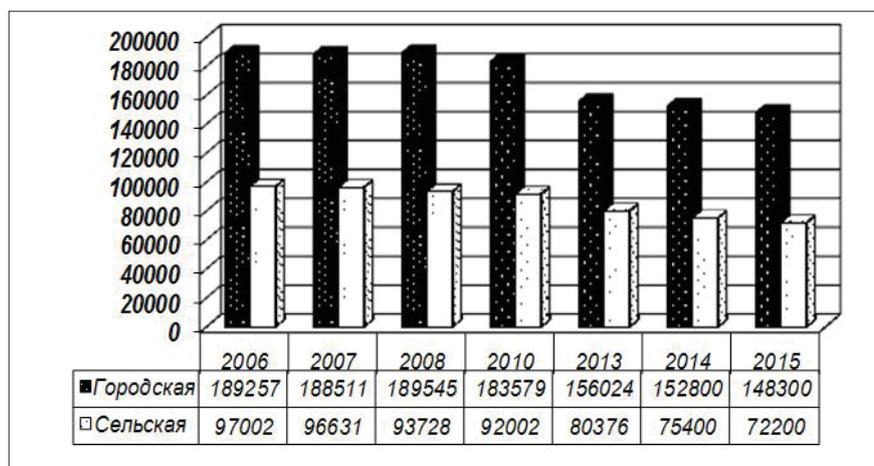

Рис. 1. Численность городской и сельской молодежи Республики Саха (Якутия) за 2006–2015 гг., чел.

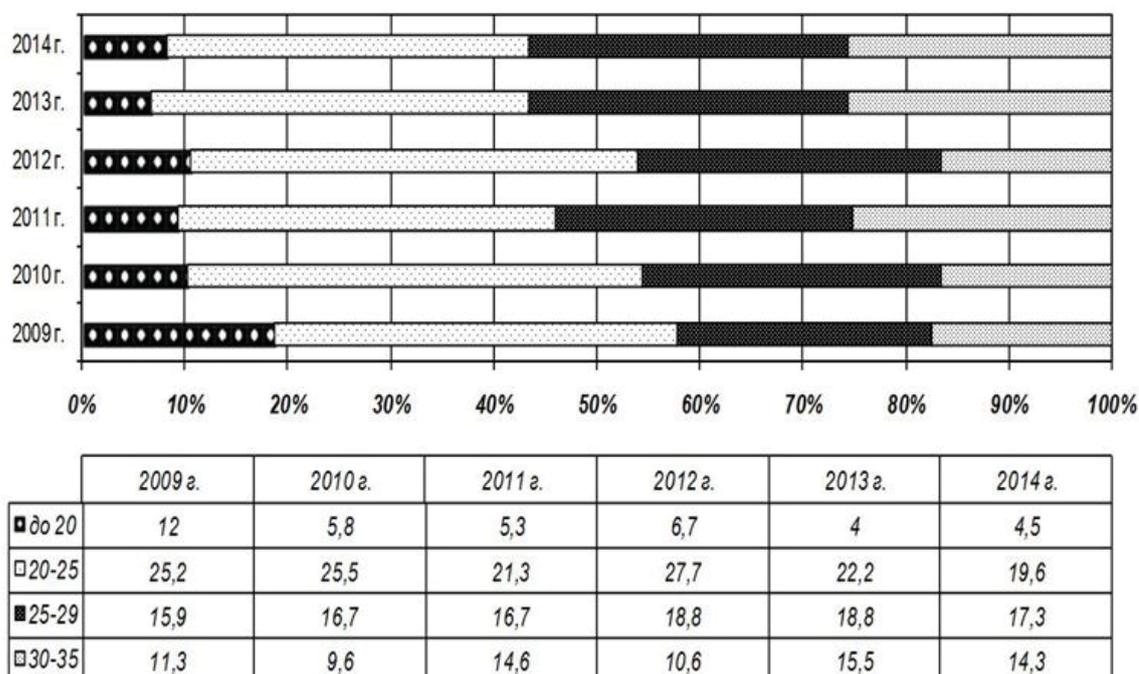

Рис. 2. Количество молодых безработных в Республике Саха (Якутия) по возрастным группам за 2009–2015 гг., в %.

молодых людей до 20 лет – 1672 чел., 20–24г. – 7300 чел., 25–29 л. – 6463 чел., 30–34 г. – 5327 чел. [Труд и занятость в РС(Я), 2015, с. 28].

Как видно из рис. 2, более высокий процент безработных наблюдается в возрастной группе 20 – 29 лет. Это можно объяснить тем, что в этом возрасте значительная часть молодежи продолжает получать образование, будь то среднее специальное или же высшее, или же только оканчивают учебные заведения и начинают поиск работы. Работодатели не заинтересованы в приеме на работу молодых людей в связи с отсутствием у них необходимого практического опыта и навыков. Очень часто работодатели предлагают им менее оплачиваемую работу, чем ожидают молодые. В этот период молодые люди становятся более или менее независимы в материальном положении от своих родителей, создают свои семьи, но, к сожалению, большинство молодых людей не имеют собственного жилья и реальных перспектив на его получение. Все это негативно сказывается на социальном самочувствии молодежи, и у нее наступает чувство фрустрации.

В Республике Саха (Якутия) активно проводится молодежная политика, одной из главных целей которой является создание условий для развития и реализации потенциала молодежи,

повышения уровня ее конкурентоспособности во всех сферах общественно-политической и социально-экономической жизни. Основные направления молодежной политики регулируются сегодня государственными целевыми программами «Реализация молодежной политики и развитие физической культуры и спорта в Республике Саха (Якутия) на 2012–2016 гг.» и «Патриотическое воспитание граждан Республики Саха (Якутия) на 2011–2015 гг.». Согласно указанным документам строится работа правительства РС(Я) и всех общественных институтов, прежде всего, это поддержка деятельности молодежных общественных объединений, содействие культурному, духовному и физическому развитию молодежи, популяризация здорового и трезвого образа жизни.

Свою лепту в формирование молодежной политики в Якутии вносят 170 молодежных общественных объединений республики, молодежные правительство и парламент Республики Саха (Якутия), которые занимаются патриотическим и гражданским воспитанием молодых людей, повышением их политической грамотности и электоральной активности, волонтерской деятельностью и др. По итогам деловой игры «Министр», в которой ежегодно участвуют сотни выпускников

ВУЗов и молодых специалистов, составляется список резерва управленческих кадров Республики Саха (Якутия).

Развитию экономической инициативы и стимулов к созидательному труду молодежи в интересах инновационного развития Якутии способствуют многочисленные трудовые и студенческие отряды, которые вовлечены во все крупномасштабные проекты Республики Саха. В настоящее время созданы и успешно работают строительные, железнодорожные, сельскохозяйственные, сервисные, педагогические отряды молодежи.

Успешно функционирует «Центр социально-психологической поддержки молодежи РС(Я)», который проводит консультации и психологические тренинги для безработной молодежи, занимается профилактикой асоциальных явлений. Вместе с тем, существуют множество нерешенных проблем молодежи Якутии, это неполная занятость/безработица лиц трудоспособного возраста, необеспеченность жильем, распространение асоциальных явлений, преступность и др. Особую остроту они имеют в малых городах и сельских поселениях республики, которые теряют свою привлекательность по причине отсутствия работы, жилья, разнообразного досуга, низкой заработной платы и т.д., что стимулирует отток молодежи из малых населенных пунктов в крупные города Якутии. Продолжает ухудшаться возрастная структура населения Якутии – сокращается доля людей трудоспособного и репродуктивного возраста.

Подведем итог. В последние годы в среде молодежи, в молодежной политике государства и

республики, в частности, сложилось непростое положение. Очевидно, что в какой-то мере такая ситуация требует преодоления укоренившихся стереотипов, подходов в решении проблем молодежи. Молодежи в обществе принадлежало и принадлежит ключевое место. Это возрастная группа, которая со временем занимает ведущие позиции в экономике и политике, социальной и духовной сферах общества, а в XXI в. будет решать задачи, контуры которых сейчас трудно различимы.

Литература

Абрамова Г.С. Возрастная психология: Учеб. пособие для студ. вузов. – 4-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 1999. – 672 с.

Зеленин А. Определение возрастных рамок молодежи // Государственная служба. – 2008. – №3. – 125 с.

Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. Теория. История. – М.: Голос, 2003. – 277 с.

Манхейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. – М.: Юрист, 1994. – 693 с.

Мудрик А.В. Социализация человека. – М.: Издательский центр «Академия». 2004. – С.304

Павловский В.В. Социально-философские основания исследования молодежи: диссертация ... доктора философских наук. – Новосибирск, 1999. – 352 с.

Распределение населения по возрастным группам в Республике Саха (Якутия) / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по РС(Я). – Якутск, 2015. – 154 с.

Труд и занятость в Республике Саха (Якутия) / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по РС(Я). – Якутск, 2015. – 167 с.

P.M. Egorov

The youth of the Republic of Sakha (Yakutia) as a socio-demographic group

The article presents some aspects of the socio-demographic characteristics of young people of the Sakha Republic (Yakutia). Monitoring of the age and sex structure and Yakutia youth unemployment.

Keywords: the youth, socio-demographic characteristics, the social structure, unemployment, Republic of Sakha (Yakutia).

А.Н. Больницкая

Молодежь как объект социальной политики*

В статье на основе некоторых результатов социологического опроса молодежи Республики Саха (Якутия), проведенного в 2011–2012 гг., а также статистических данных представлены социальный портрет молодежи, а также характеристика социальной политики республики в отношении молодежи. Подчеркиваются влияние регулирующей роли политики государства на способы и результаты социализации молодых людей; необходимость учета новых условий, вариативности реализации жизненных проектов, а также применения новых способов и форм работы с разными группами молодежи, способствующих эффективной интеграции их в социальное пространство. Представлены тенденции изменения поведения молодежи в сфере образования и трудовых отношений, а также её ценностных приоритетов в условиях трансформации системы ценностей российского общества. Особенности социализации молодежи в республике описываются через призму территориальных факторов – этническая принадлежность и место проживания. Направления политики в свою очередь раскрываются через такие формы ее реализации, как социальная защита, социальная поддержка, социальная работа, развитие молодежных организаций и создание условий в сфере образования и труда.

Ключевые слова: молодежь, социальная политика, социальная защита, социальная поддержка, социальная работа, социализация, регион.

Основа жизни любого общества – это постоянный процесс его обновления и воспроизводства. Воплощением данного процесса в человеческом обществе выступает молодежь, главным достоинством собственно, как и недостатком которой является молодость. Молодость – это определенная фаза, этап жизненного цикла, имеющий биологически универсальный характер, конкретные возрастные рамки которого, а также градации в них связаны с социальным статусом и социально-психологическими особенностями, зависящими от культурных и социальных факторов. Молодежью принято называть «социально-демографическую группу, выделяемую на основе обусловленных возрастом особенностей социального положения молодых людей, их места и функции в социальной структуре общества, специфических интересов и ценностей» [Социологический словарь, 2014, с. 265]. Численность молодежи в составе населения влияет не только на структуру, но и на ценности общества, определяя его ориентиры, а также направление социальной политики. Главный критерий молодости или объективно установленное условие включения в группу молодежи – возрастная рамка, принятая в конкретной стране. С одной стороны, эта рамка

подвижна, под влиянием социально-демографических, экономических и социальных процессов общество часто пересматривает её границы, с другой стороны, нет жестких определений возрастных границ, и в конкретный момент времени существуют разные границы в зависимости от целей – статистический учет, предоставление тех или иных мер социальной поддержки. В статистических целях ООН в качестве возрастного критерия включения в группу молодежи использует возрастной период от 15 до 24 лет [Щербакова, 2012]. В России возрастные рамки молодежи официально определены от 14 до 30 лет [Стратегия..., 2014, с. 3]. Российская статистика формирует данные по возрастному периоду от 15 до 29 лет [Молодежь..., 2010, с. 8].

Молодежь РС (Я) – часть молодежи российского общества, а с другой стороны – отдельная социальная группа территориальной общности, имеющая свои характерные особенности, определяемые региональными, национальными, культурными и социальными факторами. Процесс превращения внешних реальных действий, свойств предметов, социальных форм общения в устойчивые внутренние качества молодежи региона проходит в рамках территориальной социа-

* В статье были использованы результаты социологического опроса молодежи, проведенного в 2011–2012 гг. в Республике Саха (Якутия). Опрос проводился методом анкетирования с применением многоступенчатой кво-тированной половозрастной выборки. Выборочная совокупность социологического исследования за 2 года составила 1896 респондентов.

лизации, т.е. усвоения индивидом норм, ценностей, установок, представлений, выработанных в конкретной территориальной общности. В условиях, когда критериями разделения молодежи на группы являются социально-демографические характеристики – возраст, место жительства, национальность, а также социальный статус – род занятий и уровень благополучия, молодежь республики можно разделить по четырем основным критериям: этнический, поселенческий (город, село), поколенческий (школьники, студенты, работающая молодежь), а также стратификационный (благополучные, неблагополучные). Эти характеристики влияют на особенности социализации молодежи – принятие и усвоение социокультурных норм. В период перехода от детства к взрослости происходит обретение молодежью самой себя, самоидентификация как человека, как личности, как члена группы и общества, с принятием и осознанием важных социальных статусов и ролей. Основами формирования идентичности становятся такие факторы, как физические данные, мышление, этнос, территория (регион), институт (учебное заведение, место работы), сообщество (субкультура, территориальное, профессиональное), принадлежность к определенной социальной страте и др.

В Республике Саха (Якутия) есть две, определяемые национальной принадлежностью, отчетливые колеи социализации – якутская и русская. В рамках этих двух путей, или социальных полей, и происходит принятие культурных норм, формирование мировоззрения и мировосприятия. Надо отметить, что принадлежность к этим группам определяется не всегда по этническому признаку, часто якутские семьи усваивают русские ценности, и реже русские – якутские (как правило, в сельской местности). Кроме того, здесь не редкость межэтнические союзы, возникающие при совпадении социальных структур людей, принадлежащих к разным социальным полям [Ильин, 2000, с. 137]. Кроме чисто культурных особенностей, выраженных в предпочтениях элементов культуры (литература, теле- и радиоэфир, артисты, круг общения, гастрономические предпочтения), вряд ли можно говорить о других национальных особенностях социализации. Процесс выбора и принятия основных социальных ролей (уровень и направленность образования, выбор профессии, сфера трудовой деятельности, брачное и репродуктивное поведение)

продиктован, как правило, универсальными социально-экономическими факторами. Главным национально-специфическим компонентом культуры, безусловно, является язык. Язык может быть как средством общения, так и средством разобщения людей, фактором, с одной стороны, интеграции, а с другой – основным этнодифференцирующим признаком этноса [Тер-Минасова, 2008, с. 15]. Коммуникативное пространство республики билингвальное для большинства якутов – русскоязычное и якутскоязычное. Данное обстоятельство, наряду с характерным заимствованием в современный якутский язык многих слов из русского языка, а также очень распространенной практикой разговаривать на двух языках одновременно, часто образует некий «винегрет» из двух языков, становясь кульминацией культурного гибрида. Это значимый фактор, поскольку язык – это компонент, выстраивающий картину мира – отражающий специфику восприятия окружающего мира, особенности мышления. В этом плане у молодежи, вступившей на путь социализации, обретения культурных норм, с одной стороны, национально-специфических, с другой – общегосударственных и универсальных, происходит культурное «раздвоение» личности в результате принятия разнохарактерных ценностей, норм, стандартов, заимствованных из различных социокультурных систем, предопределяя сложности процесса культурной самоидентификации. Картина мира получается эклектичной с элементами якутской, русской и собственно общемировой культуры. Амбивалентность приводит к культурной маргинальности, т.е. к особенностям жизнедеятельности групп, чьи установки, ценностные ориентации, модели поведения одновременно соотносены (реально и в интенциях) с различными культурными системами, но ни в одну из которых они не интегрированы полностью [Быховская, Горбачева, 1997, с. 258]. При этом, с одной стороны, принадлежность к культуре этнического меньшинства, не являющейся общепризнанной для культуры страны, порождает позицию неприятия, отторжения, неодобрительной снисходительности со стороны представителей доминирующей культуры, вызывая чувство ущербности, отсталости у представителей этнического меньшинства [Там же, с. 259], а с другой – представители доминирующей культуры в масштабе страны, живущие на территории этнической общности, испытывают

примерно те же чувства ущемленности интересов. Противоречивость социокультурного поля якутов (у метисов она выражена еще резче) способствует возникновению внутреннего дискомфорта и напряженности личности, часто выраженных в обидчивости и в уязвленном самолюбии без видимых на то оснований. Подобные психологические свойства наблюдаются и у представителей других этносов страны, например, у бурятов [Балханов, 2003, с. 55].

Еще один существенный критерий разделения молодежи – пространственный фактор (поселенческий). Внутри республики имеются территориальные различия, выраженные в диалектальной окраске речи, в образе, уровне, укладе жизни, национальном составе населения. В группе молодежи по территориальному признаку можно выделить молодежь арктических, центральных (сельскохозяйственных) и промышленных районов. Особенности социализации молодежи в данных районах определяются, прежде всего, её национальным составом (в промышленных районах основное население представлено русскими, в сельскохозяйственных – якутами, в арктических районах, кроме основных групп национальностей республики, локализованы представители коренных малочисленных народов Севера) и характером производственной деятельности районов, определяющим быт и профессиональную структуру территорий.

Многие социальные проблемы, связанные с молодежью – безработица, бедность, алкоголизм, коррелируют с проживанием в сельской местности [Бондаренко, 2005, с. 76–77]. И это вполне объяснимо: село находится в упадочном состоянии, вызванном развалом сельского хозяйства, как правило, средним, а нередко и откровенно плохим качеством школьного образования, социальной работы, организации досуга молодежи. Эти обстоятельства вкупе с новыми рыночными отношениями, требующими от молодых людей индивидуальной ответственности за качество своей жизни, готовность жить в условиях жесткой конкуренции, а также с неустойчивой психикой молодости, проявляющейся во внутренней неуверенности в себе, воспринимающей реальность фрагментарно, а иногда и «туннельно», приводят молодежь в состояние тревоги, растерянности, смятения. Одним из радикальных проявлений данного процесса выступает высокий уровень самоубийств в сельских поселениях ре-

спублики. В период с 2005 по 2013 г. уровень самоубийств в сельских поселениях был выше уровня самоубийств, регистрируемых в городских поселениях республики, в среднем на 1,8 раза, при этом общереспубликанский показатель устойчиво выше общероссийского примерно на столько же [Демографический ..., 2014, с. 170].

В процессе социализации особое значение приобретает проблема ценностных приоритетов молодежи. Изучение ценностной структуры важно для понимания процессов, происходящих в обществе. Принятие и готовность молодежи руководствоваться ценностными убеждениями, вписывающимися в новые социальные условия, ориентиры и пути развития общества, говорят о её консолидации и единении. Исследование показало, что на первом месте в системе ценностей молодежи стоят ценности, не имеющие строгой привязки к пространству и времени: «счастливая семейная жизнь» (81,9%), «уверенность в себе» (78,7%) и «здоровье» (77%). Что касается собственно социально-трудовых ценностей, имеющих большое значение для экономического развития общества в целом, то результаты исследования показали, что молодежь республики ориентирована на высокий уровень образования и квалификации. При этом основанием для выбора определенной профессии были либо социально-экономические факторы – доля молодых людей, выбравших будущую профессию под влиянием этих факторов, в опросе составила 23,7%, либо личные предпочтения – их доля составила 30,8%, велика доля и тех, кто выбирал профессию под влиянием случайных факторов, – 30,9%. Показательным результатом исследования стала величина доли молодых людей, рассчитывающих при решении своих проблем, прежде всего, на свои силы (59%), а не на близких (40,4%) и не на государство (7,3%). Можно утверждать, что такая стратегия является показателем формирования у молодых людей новой трудовой этики, подразумевающей привитие таких качеств, как ответственность, целеустремленность, предприимчивость. Будучи продуктом своего времени, умы и ориентиры поведения молодых людей формируются под влиянием новых веяний, достижений и проблем общественного развития – с одной стороны, новых технологий, ценностей, образа жизни и интересов, с другой стороны – новых рисков. Мировосприятие молодых людей, принятие традиционных ценностных ориентиров происходит под новым углом, по-

другому (курсив наш. – А.Б.). Как следствие, основы мировоззрения молодых порождают новые социальные процессы – индивидуализацию, вариативность жизненных проектов, трансформацию института семьи и интимности, трудовых отношений, взаимоотношений с людьми.

В свете новых общественных отношений молодежные политики мировых государств определяют основные приоритеты развития. К примеру, молодежную политику в Европе до 2020 г. будут определять следующие три ключевых приоритета: соблюдение прав человека и развитие демократии; межкультурный диалог и социокультурное разнообразие; социальная интеграция молодых людей [Перфильева, 2008, с. 5]. На региональном уровне молодежная политика в конкретных действиях следует, прежде всего, своим специфическим условиям жизни, особенностям социализации и культуры населения конкретной территории. Специфические условия развития Якутии вызваны, прежде всего, географическим фактором, обусловленным принадлежностью к особой территории, относящейся к району Крайнего Севера, что предопределяет необходимость сглаживания и компенсации объективных издержек социализации на данной территории, т.е. некоторого ущемления прав, вызванного проявлениями регионального неравенства и выраженного в качестве жизни, в качестве и объеме социальных услуг, в узости, ограниченности и доступности сферы образовательных услуг, в узости и ограниченности рынка труда. Можно выделить следующие формы реализации региональной политики в отношении молодежи: социальная защита (в широком смысле права и свободы молодых – детей и молодежи); меры социальной поддержки для отдельных категорий молодых людей; социальная работа с молодежью; развитие молодежных организаций, а также участие в политической жизни; создание условий для эффективной реализации молодежи в образовательной и трудовой деятельности. Политика республики в представленных формах осуществляется различными республиканскими и федеральными учреждениями и ведомствами. В той или иной степени проблемами молодежи, кроме Министерства по делам молодежи и семейной политике РС (Я), занимаются такие организации, как министерства образования, здравоохранения, труда и социального развития, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы опе-

ки и попечительства при муниципалитетах, учреждения социального обслуживания населения, различные общественные организации. Каждая из этих организаций акцентирует свою работу на конкретных аспектах жизнедеятельности молодого человека – здоровье, образовании, занятости, материальном благосостоянии, благополучии (условия жизни), поведении, семейном состоянии и т.д. На основе этих составляющих выделяются категории молодежи, в отношении которых осуществляется конкретная политика в республике: инвалиды, в том числе дети-инвалиды; студенты; работающая молодежь; безработные; малоимущие; сироты; молодые люди, находящиеся в трудной жизненной ситуации, в том числе несовершеннолетние; дети и молодые женщины, подвергшиеся насилию и агрессии со стороны близких; преступники, в том числе несовершеннолетние; сельская молодежь; молодые семьи и др.

Деятельность различных государственных и общественных организаций направлена не только на регулирование процесса становления молодежи, достижения зрелости в рамках представлений о должном, принятом в обществе, но и на соблюдение норм и гарантий в отношении молодежи. Основными институтами обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод детей и молодежи, их соблюдения и уважения обществом и властью являются институты уполномоченных представителей по правам ребенка и человека. Сфера защиты прав молодых людей сталкивается сегодня с недостаточной эффективностью имеющихся механизмов обеспечения и защиты прав и интересов – высоким риском бедности, распространенностью семейного неблагополучия (насилие в семье), социальной исключенностью уязвимых категорий детей. По информации Прокуратуры РС (Я), городскими и районными прокурорами ежегодно выявляется около 11–12 тысяч нарушений в различных сферах жизни детей. В целях их устранения принимается более 7 тысяч актов реагирования. Как правило, это нарушения в сфере социальной поддержки отдельных категорий молодых людей, в условиях содержания детей в специальных учреждениях, в области имущественных прав несовершеннолетних. Каждое пятое обращение граждан к Уполномоченному содержит просьбу о содействии в решении жилищного вопроса; около 2/3 заявителей – семьи с несовершеннолетними детьми, находящиеся в трудной жизненной ситу-

ации (многодетные семьи, неполные семьи, порельцы, мигранты и др.) [Доклад..., 2012].

Важнейшими формами социальной защиты молодежи являются социальная поддержка и социальная работа с молодежью. Социальная поддержка молодых людей – это часть мер социальной поддержки граждан РФ, реализация которых – сфера ответственности регионов. Последние в свою очередь устанавливают конкретные виды поддержки, определяют категории молодых людей, имеющих право на них, а также их объем. Эти меры реализуют механизм некоторой компенсации лишений, уравнивания шансов молодых людей, имеющих разные возможности в силу некоторых объективных обстоятельств. Социальная работа нацелена на оказание помощи для молодежи, сталкивающейся с социальными, психологическими, поведенческими проблемами, а также находящейся в трудной жизненной ситуации. В рамках этой работы молодежь имеет право на получение консультационных, социально-педагогических, социально-реабилитационных, психологических услуг, а также срочной социальной помощи. Помощь осуществляется через сеть специально сформированных региональных и муниципальных учреждений – это центры социального обслуживания, центр социально-психологической поддержки семей и молодежи, центры социальной помощи семье и детям и социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних. Предмет и объект работы данных учреждений:

- социальная дезадаптация несовершеннолетних;
- семьи, в которых родители либо дети злоупотребляют алкогольными напитками, либо употребляют наркотические средства;
- малоимущие семьи;
- насилие в семье;
- семейные и личностные проблемы молодых.

Еще одно важнейшее направление политики – социализация молодежи, развитие молодежных организаций, обеспечение участия молодежи в политической жизни, особенно в свете появления новых социальных рисков – экстремизма и терроризма. К сожалению, в современном мире молодежь может организовываться в субкультуры, имеющие противоправную ориентацию, либо становится инструментом политических игр различных неформальных организаций. В свете этих тенденций в центре внимания исследователей сегодня стоят такие вопросы, как социальная

направленность молодежного активизма, социально-культурные характеристики поведения молодежи, представляющие различные субкультуры. В рамках этого направления в республике, кроме традиционных форм (организация единого детского движения, проводящего ежегодные мероприятия республиканского масштаба – фестивали, игры, конкурсы, форумы, слеты, конференции; развитие сети добровольческих организаций; вовлечение молодежи в общественно полезную социальную деятельность), осуществляется грантовая поддержка и субсидирование творческих и предпринимательских инициатив. Гранты выдаются на поддержку молодежных социально значимых проектов в сфере сельскохозяйственного производства, благоустройства населенных пунктов, организации бытовых услуг, транспорта и связи. Сумма гранта составляет порядка от 600 тысяч до 1,5 млн. руб. [Материалы..., 2014].

Реализация молодых людей в образовательной и трудовой сферах жизнедеятельности – основные направления социальной политики государства. В различных звеньях системы профессионального образования Республики Саха (Якутия) в 2013/14 учебном году был занят каждый четвертый молодой человек, из них 68,2% учились в высших учебных заведениях, 21,1% – в учреждениях среднего профессионального образования и 10,7% – в учреждениях начального профессионального образования. Кроме того, ежегодно заключаются договора на обучение молодых людей в ведущих вузах страны. В 2012/13 учебном году в высших учебных заведениях страны, локализованных в центральной части России, в Сибири и на Дальнем Востоке, по линии республиканской целевой программы обучалось более трех с половиной тысяч человек [Там же]. Главная проблема данной формы обучения для республики – возвращение новых кадров в родные пенаты, это касается молодых людей, уехавших учиться не только по целевой программе, но и самостоятельно поступивших в высшие учебные заведения страны. Это обстоятельство является одной из причин убывания численности населения республики, которая при сохранении естественного прироста складывается в результате превышения числа выбывшего населения над числом прибывших. В целом миграционная убыль республики в период с 2000 по 2013 г. для возрастной группы от 14 до 29 лет достигла чуть более 54 тысяч человек, это 38% всех выбывших

граждан республики. Много вопросов у студентов есть к качеству обучения в республиканских высших и средних специальных учебных заведениях. Как показал опрос, обучение в них устраивает не всех. На вопрос «Достаточно ли те знания, которые вы получаете в вузе, ссузе?», 47,8% студентов ответили, что они получают именно те знания, которые пригодятся им в будущей трудовой жизни. Однако другая половина опрошенных студентов сомневалась в этом, 35,6% утверждали, что их заставляют усваивать слишком много ненужной информации, а 14,7% заявили, что вуз (ссуз) не дает им достаточных знаний для того, чтобы потом они могли без проблем работать по своей специальности. В целом можно согласиться с этими цифрами. Система образования республики сталкивается с такой проблемой, затронувшей всю систему российского образования, как снижение качества профессионального образования, кроме того ей присуща такая специфическая региональная издержка, как низкий уровень базовых знаний студентов. Проблема вовлечения молодежи в сферу труда в некотором смысле решается действием в регионе целевой контрактной подготовки специалистов, позволяющей студентам государственных вузов сразу после обучения идти работать. Однако, учитывая, что доля выпускников, прошедших обучение в рамках целевой подготовки специалистов, составляла в 2013 г. не более 8% от всего выпуска профессиональных образовательных организаций республики, распределение исключительно этого контингента выпускников в целом не решает проблему трудоустройства выпускников, а также проблему обеспечения республики квалифицированными кадрами [Материалы..., 2014]. Для решения этих вопросов в республике действует положение «О порядке трудоустройства выпускников образовательных организаций среднего, профессионального и высшего образования в Республике Саха (Якутия)». По данным службы государственной статистики республики, в 2013 г. направление на работу получили 64% выпускников очных отделений государственных вузов.

Любая территориальная общность воспроизводит себя с учетом имеющихся качеств. К сожалению, воспроизводство часто происходит с учетом всех недостатков и проблем территории. В этих условиях качественное развитие региона зависит от того, насколько оно в состоянии изменить себя, выйти из этой колеи. Большие надеж-

ды на изменение ситуации традиционно возлагаются на новые поколения, т.е. на молодежь. Между тем только структурные изменения, а также степень сформированности пространства равных шансов и возможностей через постепенный процесс изменения габитуса молодежных групп, особенностей реализации жизненного плана могут привести к качественному развитию определенных территориальных общностей, а также социальной системы в целом.

Литература

Балханов И.Г. Социализация и этничность бурят в городских условиях // Социологические исследования. – 2003. – № 2. – С. 55–59.

Бондаренко Л.В. Сельская Россия в начале XXI века (социальный аспект) // Там же. – 2005. – №11. – С. 69–77.

Быховская И.М., Горбачева В.В. Маргинальность культурная // Культурология. XX век: словарь. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 258–260.

Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): стат. сб. – Якутск, 2014. – 255 с.

Доклад о деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Республике Саха (Якутия) в 2012 году. [Электронный ресурс]. URL: www.sakha.gov.ru/node/129091 (дата обращения: 17.07.2015).

Ильин В.И. Социальное неравенство. – М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 2000. – 280 с.

Материалы Министерства по делам молодежи и семейной политике Республики Саха (Якутия). 2014. [Электронный ресурс]. URL: www.sakha.gov.ru/node/149550 (дата обращения: 17.07.2015).

Молодежь России 2010: стат. сб. / ЮНИСЕФ, Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика», – 2010. – 166 с.

Омельченко Е. (2010). АНТИФА против ФА. [Электронный ресурс]. URL: www.polit.ru/article/2010/05/24/antifa/ (дата обращения: 17.07.2015).

Перфильева О.В. Ключевые приоритеты будущей европейской молодежной политики и механизмы ее реализации: повестка 2020 // Вестник международных организаций. – 2008. – № 6. – С. 4–8.

Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. – М.: НОРМА, 2014. – 608 с.

Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. N 2403-р. [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru. (дата обращения: 17.07.2015).

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово/Slovo, – 2008. 264 с.

Щербакова Е. Возрастные границы отрочества и юности не жестки. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0509/barom01.php> (дата обращения: 17.07.2015).

A.N. Bolnitskaya

Young people as an object of social policy

The article based on some results of a sociological survey of the young people of the Republic of Sakha (Yakutia), conducted in 2011-2012, as well as statistics data provided to the social portrait of the youth, as well as the characteristics of the social policy of the Republic in relation to young people. Highlights the influence of the regulatory role of the state policy on the methods and results of the socialization of young people; the need to take into account new conditions, the variability of realization of life projects, as well as the application of new methods and forms of work with different groups of young people, contribute to their effective integration into the social space. Presents trends in the behavior of young people in education and labor relations, as well as its value priorities in the transformation of the system of values of Russian society. Features of socialization of young people in the country are described through the prism of territorial factors – ethnicity and place of residence. Policies, in turn, revealed through such forms of its realization, as social protection, social support, social work, the development of youth organizations and the creation of conditions in the field of education and labor.

Keywords: the youth, social policy, social protection, social support, social work, socialization, region.

В.Н. Асмондьяров, З.Ф. Шайхисламова, А.Г. Шайхулов

Диалектная лексика тюркских языков в когнитивно-идеографическом аспекте (на материале диалектологических атласов)

В статье на основе анализа материала говоров якутского языка в сравнении с данными диалектов ряда тюркских языков утверждается мысль о том, что особенности познания реального мира и культуры народов отражаются при рассмотрении через призму когнитивных сфер «Природа», «Человек», «Общество», «Познание». Эти особенности отражают последовательное развитие различных родоплеменных объединений, из которых наибольшее влияние на формирование современных тюркских языков и диалектов оказали болгарский, огузский, кыпчакский, карлукский и уйгурский племенные союзы. Но якутский язык исследователи относят к языкам, не сохранившим следы единого родоплеменного объединения. Тем не менее, материал говоров современного якутского языка в сравнении с другими тюркскими языками демонстрирует лексико-семантические соответствия во всех названных когнитивных сферах.

Ключевые слова: тюркские языки, якутский язык, диалект, говор, атлас, когнитивная сфера, идеография, лексика, семантика.

Предлагаемая когнитивно-идеографическая система, созданная для классификации и описания лексических данных, состоит из следующих четырех разделов: **I. «Природа** (неживая и живая)»; **II. «Человек** (как живое существо)»; **III. «Общество** (человек как общественное существо)»; **IV. «Познание** (априори)». Система разработана на базе Межвузовского НИЦ изучения языков и культур тюркских, монгольских, финно-угорских и индоевропейских (славянских) народов Волго-Камско-Уральского этнолингвистического региона при Башкирском государственном университете. Лексический материал для создания данной системы собран в ходе диалектологических экспедиций, организуемых кафедрой башкирского языкознания и этнокультурного образования БГУ. Несмотря на то, что пред-

лагаемая когнитивно-идеографическая система в известной мере сопрягается с семантическим осмыслением лексики, предложенным в свое время Ю.Н. Карауловым, Н.Ю. Шведовой, В.В. Морковкиным и другими, она в большей мере ориентирована на выявление особенностей существования и интерпретацию аспектов становления и развития этнических групп, которые говорят на сравниваемых языках. В методологическом плане представленный анализ опирается на результаты применения указанной когнитивной классификации к лексико-семантическим данным диалектов тюркских языков. Представляется, что такой подход позволит поставить во главу угла не только лексико-семантические соотношения родственных языков, но и особенности познания реального мира и культуры народов.

© В.Н. Асмондьяров, З.Ф. Шайхисламова, А.Г. Шайхулов, 2016

Предложенная идея реализуется, в частности, на опыте создания «Лингвистического атласа Европы», изданного во Франции в 1975–2002 гг. Подобные атласы, отражающие особенности диалектов и говоров, были задуманы и в России. Так, на IX региональной конференции по тюркской диалектологии в г. Уфе, проходившей под эгидой Советского комитета тюркологов, был «очень серьезно поставлен вопрос о координации региональных исследований в области тюркской диалектологии. В результате были разработаны окончательные варианты двух крупных академических проектов для тюркологов Советского Союза: “Диалектологический атлас тюркских языков СССР” и “Диалектологический атлас тюркских языков Сибири”» [Хисамитдинова, Псянчик, 2012, с. 4]. Был собран значительный материал по региональным диалектам и подготовлен макет атласа, но работа не была завершена.

Создание лингвистического атласа диалектов и языков отдельного региона или более крупного ареала возможно при наличии соответствующего объема эмпирического лингвистического материала с подробной монографической проработкой. При этом непосредственно составлению атласа должна предшествовать определенная подготовительная деятельность: очерчивание картографируемой территории; выбор сетки населенных пунктов на местности; составление опросников; сбор материалов в ходе полевых работ и т.д. В результате целенаправленных работ к настоящему времени созданы атласы диалектов татарского языка, распространенных на Среднем Поволжье и в Приуралье, диалектологические атласы башкирского и якутского языков.

История формирования диалектных систем тюркских языков связана с последовательным развитием различных родоплеменных объединений, из которых, по мнению исследователей, наибольшее влияние на формирование современных тюркских языков и диалектов оказали болгарский, огузский, кыпчакский, карлукский и уйгурский племенные союзы [Баскаков, 1982, с. 3–40]. Каждый из них, обладая характерными специфическими языковыми чертами, мог локализоваться в отдельном географическом ареале и послужить основой для образования отдельного диалекта. Но якутский язык относится к типу «языков тюркских народов, полностью утративших следы родоплеменного членения и

родоплеменные названия... Диалекты же этих языков дифференцируются уже только по территориальным признакам» [цит. по: Воронкин, 1999, с. 160]. Эту мысль подтверждают и исследователи якутского языка: «...общеплеменной язык расчленился на два диалекта – акающий и окающий, причем эти диалекты мыслятся не иначе как территориальные единицы» [Там же, с. 21]. Как известно, «аканье распространилось в северной части ареала заселения якутов, где территории намцев и борогонцев рассматриваются как первоначальный очаг зарождения этого явления, а оканье – в южной части, с очагом зарождения на территориях кангаласцев и мегинцев» [Там же, с. 20].

В настоящее время якутские говоры распространены на достаточно большом географическом пространстве (Республика Саха (Якутия), Красноярский край, Хабаровский край, Магаданская область, Амурская область, Иркутская область, Забайкальский край). Диалектное членение языка *саха* представлено в нескольких классификациях. В частности, первые исследователи выделяли в якутском языке три группы говоров: группу акающих говоров намско-усть-алданского типа; группу окающих говоров кангаласско-виллюйского типа и группу окающих говоров мегино-таттинского типа [Там же, с. 153]. В свою очередь в статье «Якутский язык» профессора Е.И. Убрятовой, опубликованной в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», приведена классификация якутской диалектной системы, в которой выделены четыре группы говоров: *центральная; виллюйская; северо-западная и таймырская*. Разделение на так называемые «акающие» (центральные, северо-восточные) и «окающие» (виллюйские, северо-западные) группы говоров, представленное М.С. Воронкиным, предполагает также выделение отдельного долганского диалекта и есейского говора в составе северо-западной группы говоров [Там же, с. 154–155]. Такая группировка говоров якутского языка, согласно практике классификации говоров и в других тюркских языках, основана на территориально-лингвистическом принципе.

Рассмотрим наиболее характерные в семантическом отношении примеры из лексики диалектов якутского, башкирского, казахского, татарского и чувашского языков в рамках указанных выше четырех когнитивных сфер.

I. Природа

1.1. Неживая природа:

1.1.1. Земля, виды земного рельефа: **арал** (як. Булунский р-н) – 'долина реки' [ДСЯЯ, с. 49]. Количество лексических соответствий данной диалектной единице достаточно велико, рассмотрим наиболее показательные: **ARAL** 'остров', **ARALA** 'между, среди' [ДТС, с. 50]; **арал** (башк. вост. диалект) 'междуречье'; **аралык** (башк. средний и среднеуральск. говоры) 'междуречье'; **кулара** (башк. гайнинский говор) 'долина между горами'; **аралы** (тат. тоболо-иртышский диалект) 'на расстоянии друг от друга'; **арацы** (тат. тоболо-иртышский диалект) 'посредник'; **арал** (каз.) 'остров';

1.2. Живая природа:

1.2.2.1. Животные, звери: **адьырба** (як. Амгинский, Виллойский, Ленский, Сунтарский р-ны) 'старый самец медведя' [ДСЯЯ, с. 41]. В древнетюркском словаре зафиксирована лексема **ady** в общем значении 'медведь' [ДТС, с. 10]. В башкирском, татарском и казахском языках сходное значение передают **айыу** (башк. лит.) и **аю** (тат. лит.), **аю** (каз.); **уна** (чув.).

II. Человек

2.1. Человек как физико-биологическое существо

2.1.4. Физиология и потребности: **силэгэй** (як. Среднеколымский р-н) 'слюна' [ДСЯЯ, с. 206]. В этимологическом словаре алтайских языков представлены следующие тюркские, монгольские и тунгусские соответствия: **sil-** (PTurk) 'слюна', 'слизь' [ЭСАЯ, р. 1248]; **sil-** (PMong) 'слюна', 'слизь' [ЭСАЯ, с. 1248]; **tumin** 'плевок', 'слюна' [ЭСАЯ, 1248). В башкирском, казахском, чувашском и татарском языках также в обиходе лексемы **һеләгәй**, **селәгәй** в значении 'слюна'; **сілекей** (каз.) 'слюна'; **сёлеке** (чув.) 'слюна';

2.2. Человек как чувствующее, желающее, мыслящее и говорящее существо:

2.2.5. Особенности характера человека: **албын** (як., Верхоянский р-н) 'лгун, враль' [ДСЯЯ, с. 43]. Среди древнетюркских соответствий авторы отмечают следующие лексические единицы: **AL** 'обман, уловка' [ДТС, с. 31]; **ALDA** 'обманывать' [Там же, с. 34]; **ALCİ** 'обманчивый, хитрый' [Там же]. В литературном и разговорном стилях башкирского и татарского языков отмечаются такие параллели, как: **алдаксы** (башк. лит.) 'обманщик, лгун', **алдалау** (башк. гайнинский говор)

'обманывать', **алдар** (башк. сакмарский говор) 'обманщик', **алдакчы** (тат. лит.) 'обманщик', **йалганчы** (тат. средн. диалект); **алдамшы** (казахск.) 'обманчивый'; **ултав** (чув.) 'обман'; **ултала** (чув.) 'обмануть'.

III. Общество

(человек как общественное существо)

3.7.9. Инфраструктура сельской жизни: **алаһа** (як. Колымский район) «дом, домашний очаг» [ДСЯЯ, с. 43]. В диалектологическом словаре якутского языка также оно упоминается в значении «берлога». В башкирском и татарском языках наблюдаются следующие параллели: **аласык** (башк. южный диалект) 'летняя кухня'; **алачык** (башк. гайнинский говор) 'летняя кухня'; **алачык** (параньгинский, заказанский говор) 'предбанник'; **алачык** (хвалынский, мензелинский говоры) 'дворовая постройка', 'летняя кухня, в которой зимой живет молодняк'; **алышык** (каз. Оренбургская область) 'летний домик'.

IV. Познание (априори)

Кут (як. Саккырырский р-н) 'внутреннее чувство, душа' [ДСЯЯ, с. 128]. Слово обозначает в целом одно из ключевых понятий тюркской мифологии и тенгрианства – 'вера в жизненную силу'. Имеет массу соответствий и семантических модификаций: **kut** «the favor of heaven, fortune» 'удача, успех' [EDT, р. 594]; **кот** (башк. лит) 'душа', 'изобилие', 'удача'; **кот** (башк. среднеур., сакмарский говоры) 'символ счастья и благополучия'; **кот йырау** (башк. сальзигутский говор) 'перепугать' – ср.: **котом китте** 'испугался' (букв. 'душа улетела'); **кот** (тат. лит) 'душа', 'счастье', 'благодать'; **құт** (каз.) 'богатство', 'достояние', 'благо', 'благодать'.

Представленный материал подтверждает мысль о том, что восприятие окружающей действительности и мироощущение у разных народов имеют свои характерные особенности, которые отражаются в диалектных лексико-семантических системах. Кроме того, анализ служит подтверждением методологической концепции, утверждающей, что абсолют единой «картины мира» существует в рамках следующих когнитивных сфер: I. «Природа (неживая и живая)»; II. «Человек (как живое существо)»; III. «Общество (человек как общественное существо)»; IV. «Познание (априори)». Косвенной поддержкой этой точки зрения может служить также «идея

региональной онтологии», выдвинутая в свое время Э. Гуссерелем, позволяющая «дробно описывать структуру бытия».

Сокращения

ДСЯЯ – Диалектологический словарь якутского языка / сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. – М.: Наука, 1976. – 392 с.

ДТС – Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 678 с.

ЭСАЯ – An Etymological dictionary of the Altaic languages / Старостин совм. с А.В. Дыбо и О.А. Мудраком. – Leiden, 2003. – Vol. 1–3. – 2096 p.

EDT – An Etymological Dictionary of pre-thirteenth-century Turkish. – Oxford: Clarendon Press, 1972.

башк. – башкирский

вост. – восточный

каз. – казахский

лит. – литературное

письм.-монг. – письменно-монгольский

р-ны – районы

тат. – татарский

чув. – чувашский

PTurk – прототюркское

PMong – протомонгольское

як. – якутский

Литература

Баскаков Н.А. Задачи составления тюркских ареальных исторических диалектологических атласов // Сов. тюркология. – 1982. – Вып. 3. – С. 3–9.

Воронкин М.С. Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. – Новосибирск: Наука. 1999. – 197 с.

Убрятова Е.И. Якутский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. — М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 623–624.

Хисамитдинова Ф.Г., Псянчин Ю.В. IX региональная конференция по диалектологии тюркских языков (Уфа, 1983): большой шаг в XXI век // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: матер. XII регион. конф. (Уфа, 27–28 ноября 2012 г.). – Уфа, 2012. – С. 4–5.

V.N. Asmandiyarov, Z.F. Shaikhislamova, A.G. Shaikhulov

Dialect words of Turkic languages in the cognitive – ideographic aspect (on the material of dialectological atlases)

In article on the basis of the analysis of dialects of the Yakut language in comparison with the dialects of a number of Turkic languages, and affirms the idea that the features of cognition of the real world and culture of the people reflected when viewed through the prism of the cognitive spheres of "Nature", "Man", "Society", "Knowledge". These features reflect the sequential development of various tribal associations, of which the greatest influence on the formation of the modern Turkic languages and dialects had Bulgar, Oghuz, Kipchak, Karluk and Uighur tribes. But the Yakut language researchers refer to languages, not a single retained traces of tribal enterprises. Nevertheless, the modern dialects of the Yakut language in comparison with other Turkic languages shows the lexical-semantic matching in all these cognitive areas.

Keywords: Turkic languages, Yakut language, dialect, Atlas, the cognitive area, ideograph, vocabulary, semantics.

УДК 811.512.167'28

С.А. Иванов

Названия атмосферных явлений в якутском языке и его говорах

Рассматриваются якутские названия некоторых атмосферных явлений, предпринимается попытка показать, когда, где и каким образом они создавались и как сегодня употребляются. Как известно, для скотоводческой, промыслово-охотничьей и другой хозяйственной деятельности якутов исключительно важное значение имеют благоприятные природно-климатические условия. Поэтому саха круглый год следили за состоянием земной атмосферы и происходящими в ней природными процессами и явлениями. В результате многовековых наблю-

© С.А. Иванов, 2016

дений были созданы многочисленные наименования ветра, облаков и туч, дождя и снега, холода и тепла, которые во многих случаях носят терминологический характер употребления, а иногда приобретают дифференциальные признаки территориальных диалектов.

Старинные названия атмосферных явлений, получившие широкое географическое распространение в тюркских языках, созданы, по всей вероятности, на первоначальной родине древних предков якутов, но основная масса их постепенно появлялась в Ленском крае в результате метафорического переноса номинативного значения слов, лексикализации атрибутивных конструкций и изафетных словосочетаний, а также лексических заимствований и обычного калькирования.

Ключевые слова: адъективация, атмосферное явление, атрибутивные словосочетания, диалектные эквиваленты, заимствование, калькирование, исконно тюркские слова, лексикализация, метафоризация, субстантивация, эвфемизмы.

Во всех якутских наименованиях атмосферных явлений отразились многовековая мудрость, острая наблюдательность саха. Эти качества у него вырабатывались веками, в течение длительного проживания в более благоприятных южных широтах и в резко континентальных климатических условиях Ленского края.

Былыт – общеякутское словесное обозначение облаков и туч тюркского происхождения [Бётлингк, 1989, с. 597; Пек., стб. 614; ЭСТЯ, 1978, с. 262–263; СИГТЯ, 2001, с. 24] употребляется в значении: 1) 'облако', что в русской лексикографической практике объясняется таким образом: «скопление взвешенных в атмосфере мелких капель воды и ледяных кристаллов» [СРЯ, II, 1982, с. 537]; 2) 'туча' «большое, обычно темное облако, несущее дождь, град, снег» [СРЯ, IV, 1984, с. 430], что якутами воспринимается как *хаар-самыыр былыта* (букв. 'туча снега и дождя').

Хотя слово *былыт* не имеет диалектного эквивалента, существуют следующие названия разновидностей туч и облаков узкорегionalного характера:

*аас былыта** (инд.) *үрүн логлорхой былыт* 'белое кучевое облако', ср.: *хонурах былыт* [ДСЯЯ, II, с. 34]; *аас* – архаизм неясного происхождения, но сравнивается с тюрк. *ап аҕаиш* 'совершенно белый' [Пек., стб. 166]; отсюда появилась версия: *аҕас* > *аас* 'белый, сивый, желто-белый (о лошади)' [Попов, 2003, с. 55];

ардах былыта 'тучи дождевые', ср.: *уулаах былыт, хара былыт*;

босхо былыт (верх.) 'скорое, отдельное свободное облако' [Пек., стб. 609]; *босхо* 'свободный; бесплатный' [ЯкутРС, с. 77];

бөрөн 'мелкое дымчатого цвета облако на горизонте'; *бөрөннөн* 'покрываться отдельными мелкими облаками (о небе)'; *бөрөннөөх* 'покрытый отдельными мелкими облаками' [Пек., стб. 525];

дьабыл былыт, значение слова не выяснено, оно зарегистрировано в заречном подговоре вилюйского говора [ДСЯЯ, II, с. 68], но в «Словаре» Э.К. Пекарского мы находим *эбир дьабыл былыт* 'узорчатое (крапчатое) облако' [Пек., стб. 770];

дьэбир былыт (вил.) *уута суох былыт* (вил.) '«безводные» облака, облака верхнего яруса', ср.: *күүркэх былыт* [ДСЯЯ, II, с. 74];

дьэһээт (коб.) *тыал былыта* 'кучевые облака' [ДСЯЯ, I, с. 103];

итир былыт 'перистое облако', 'тонкое белое облако' [Пек., стб. 985];

көччөх былыт (кол.) – см.: *сөрүүн былыта* [ДСЯЯ, II, с. 89];

күөх былыт (инд.) *кыра ардахтаах, сиппэрэнгээх былыт* 'облака, несущие продолжительный мелкий дождь', ср.: *сиибэр былыт* [ДСЯЯ, II, с. 99];

күүркэх былыт (лен.) *халын эрэри, ардаҕа суох былыт, тыал былыта* 'слоисто-кучевые облака', ср.: *дьэбир былыт* [ДСЯЯ, II, с. 100];

кытарах былыт 'облако, не насыщенное парами' [Пек., стб. 1343], ср.: *тон былыт*;

лаабы самыыр былыта (нюрб.) *халлааны бүрүүйэр былыт, халын былыт* 'сплошные дождевые облака' [ДСЯЯ, II, с. 113];

лоһороот былыт (инд.) *босхо былыт* 'отдельные кучевые облака', ср.: *үүт эбириэн былыт* [Там же, с. 115];

луукку былыт (в.-кол.) *сис былыт, ааспакка уһуннук турар былыт* 'продолжительная сплошная облачность'; *луукку* – от эвенк. *лунгур* 'вечер'; 'ночь' [ДСЯЯ, I, с. 152];

* К сожалению, лексическое значение многих слов в составе местных названий атмосферных явлений не выяснено и не все названия удалось зафиксировать в условиях кратковременных полевых обследований, проведенных участниками диалектологических экспедиций во II половине XX в.

молторохо былыта – см.: *саанпас былыт* [ДСЯЯ, II, с.123];

өгөрөм былыта (бод.) *этингнээх ардах былыта* `грозовые тучи` [ДСЯЯ, II, с.148] – от *өгөрөм* (лен., олекм., сунт.) 1. *толонноох самыыр* `дождь и град`; 2. *быстах дохсун самыыр* `непродолжительный ливень`; 3. *балаһа тыал, дохсун тыал* `шквальный ветер` [ДСЯЯ, I, с.191];

саантас былыт (инд.) – см.: *саанпас былыт* [ДСЯЯ, II, с.154]; *саанпас* или *саанпас былыт* (кол.) *уулаах былыт* `дождевые облака` – от рус. диал. *запад* `ветер с запада` [ДСЯЯ, I, с.199];

саар былыт `кучевое облако` [Пек., стб. 2093];

сатыы былыт `пешее облако, т.е. ходящее ниже высоких гор` [Пек., стб. 2131];

саха былыта (ср.-кол.) *тыала суох итии былыт* `облачность без ветра, сопровождающаяся потеплением` [ДСЯЯ, I, с. 204];

сиибэр былыт (инд.) `облачная погода с туманом`; *сиибэр былыкка кыыл кэлэр* `в облачную погоду с туманом появляются дикие олени`, ср.: *күөх былыт* [ДСЯЯ, II, с.160]; *сиибэр* – от рус. диал. *сивер* `северный ветер` [Фасмер, III, 1996, с. 616];

сис былыт `облака в середине зимы, с появлением которых прекращаются сильные морозы` [Пек., стб. 614–615];

сөнг былыт `тяжелые облака` – от *сөнг* `густой; плотный`, омонимичного с глаголом *сөнг-* `сгущаться` [ЯкутРС, с. 336];

сөрүүн былыта (эйик.) *түргэнник кэтөр, тонг, өрөһөлөммүт былыттар* `мощные кучевые облака (?)` [ДСЯЯ, II, с. 165];

тонг былыт `облако, не несущее дождя` – от *тонг* `мерзлый; холодный`, составляющего глагольно-именную омонимию с глаголом *тонг-* `замерзать, застывать`; `мерзнуть, зябнуть`;

тунах былыт (вил.) *туман курдук сайынны кураан былыта* `тумановидное облако, наблюдающееся в летнее сухое время` [ДСЯЯ, I, 247]; *тунах* `пир, пиршество; изобилие` [Пек., стб. 2815] – редко употребляемое;

тыал былыта (вил.) – см.: *дьэһээт*;

тымныы муора күдэнэ (кол.) *кыһынны былыт арааһа* `разновидность зимних облаков` [ДСЯЯ, II, с.198];

уулаах былыт `туча дождевая`, ср.: *хара былыт*;

үүт эбириэн былыт (кол.) *кыракый лоскуй былыттар* `перисто-кучевые облака`, ср.: *лоһороот былыт* [ДСЯЯ, II, с.211];

хара былыт `дождевые или грозовые тучи` [Пек., стб. 615], ср.: *уулаах былыт*;

хонурах былыт (сунт.) *сайын кураанга кэтөр былыт* `облако, наблюдающееся в летнее сухое время`, ср.: *аас былыта* [ДСЯЯ, II, с. 226] `облако, напоминающее снежные сугробы`;

хоро былыт (кол.) *халбаһа былыт* `кучевые облака` [ДСЯЯ, I, с. 292];

чалах былыт (?) чараас былыт `слоистые облака` [ДСЯЯ, II, с. 230];

чуо былыт `одинокое облако` [Пек., стб.615]; к нему близки по значению *арыы былыт, босхо былыт, ойдом былыт*; *чуо* `отдельный // отдельно` [Пек., стб. 3687];

эрэнэ былыт (вил.) `разновидность облаков` [ДСЯЯ, II, с. 251] – от рус. *решето*; ср.: *итир былыт (?)*;

эмэгэт былыт `маленькие облака, готовые дать дождь` [Пек., стб. 252]; ср.: *арыы былыт*; наблюдается метафоризация прямого значения шаманского духа покровителя *эмэгэт-а* [Там же, стб. 251];

этэр былыт `громовая туча`, *этингнээх былыт* `громовое облако` [Пек., стб. 614], ср.: др.-тюрк. *esin* `ветер`: *esin esdi* `дул ветер` [ДТС, с. 183];

ыр былыт `клочковатое облако` [Пек., стб. 615].

Как видно, якуты называют облака и тучи, употребляя атрибутивные словосочетания, в которых в качестве определяющего слова выступают существительные, поставленные в основном падеже. Очень редко встречаются изафетные словосочетания типа: *аас былыта, лаабы самыыр былыта, молторохо* (значение не выяснено) *былыта, өгөрөм былыта, саха былыта, сөрүүн былыта* и некоторые другие; применяется иногда прием метафорического переноса.

Облака и тучи названы пытливыми якутами:

- по конфигурации форм облаков и туч – *аас былыта, лоһороот былыт, сөрүүн былыта; үүт эбириэн былыт, хонурах былыт, халбаһа былыт*;

- по насыщенности или ненасыщенности влагой – *дьэбир былыт, күүркэх былыт, кытарак былыт, өгөрөм былыт, уулаах былыт*;

- по сгущенности или несгущенности образования облаков – *бөрөнг былыт, итир былыт, сөнг былыт, халын былыт, хара* или *харанга былыт*;

- по занимаемой величине в воздушном пространстве – *лаабы самыыр былыта, халын бы-*

лыт, лоһороот быллыт, босхо быллыт, үүт эбириэн быллыт, чалах быллыт, эмэгэт быллыт;

- по продолжительности покрытия небесного свода – *күөх быллыт, лаабы самыыр быллыта, лууку быллыт, тунах быллыт, чуо быллыт, эмэгэт быллыт.*

Кроме того, по цвету облака различаются: *элэмэс быллыт* `пеганое облако` [Пек., стб. 242]; *күөх быллыт* `голубое облако` [стб. 1323]; *кыһыл быллыт* `красное облако` [стб. 1437]; *манган быллыт* `белое облако` [стб. 1523]; *соһо быллыт* `красное, охряное облако` [стб. 2290]; *тордуу быллыт* `дымчатое облако` [стб. 2739]; *тураҕас быллыт* `саврасое (светло-гнедое) облако` [стб. 2839]; *үрүҥ быллыт* `белое облако` [стб. 3178]; *хара быллыт* `темное облако` [стб. 3330]; *харана быллыт* `черное облако` [стб. 3340].

В данном случае облака или тучи наименованы по первому впечатлению от визуального наблюдения. Они названы атрибутивными словосочетаниями, в которых в роли атрибута выступает имя прилагательное, обозначающее различные спектры и тоны цвета.

Тем не менее во многих случаях при наименовании облаков и туч используется прием метафоризации определительного компонента атрибутивных словосочетаний, как, например, в названиях *итир быллыт*, где *итир* имеет вещественное значение `тонкий слой жира на брюхе (рогатого скота)` [ЯкутРС, с. 157]; *кытарах быллыт*, где *кытарах* имеет прямое значение `яловая`: *кытарах биэ* `яловая кобыла` [Там же, с. 213]; *сатыы быллыт* – от *сатыы* `пеший // пешком`; *сатыы халлаан* фолькл. `нижнее небо` [Там же, с. 319]; *сис быллыт* – от *сис* `позвоночник`; `поясница` [Там же, с. 327]; *хонурах быллыт* – от более литературного *хомурах* `сугроб, снежный занос` [Там же, с. 496]; *хоро быллыт* – от *хоро* `труба`: *оһох хорото* `печная труба` [Там же, с. 501]; *эмэгэт быллыт* – от *эмэгэт* `дух-покровитель шамана`; `деревянное или берестяное изображение злого духа` [Там же, с. 541], восходящего к п.-монг. *emegeḍ* мн. числа от *emegeḥ* `старуха` [Kaluzynski, 1961, 117].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в якутском языке и его диалектах насчитывается свыше 50 наименований облаков и туч, большинство которых имеют узкорегionalное распространение. Якуты испокон веков являются тонкими наблюдателями-натуралистами, не упускающими из виду ни одного малейшего изменения, происходящего в окружающей их природе.

Это подтверждается наличием многочисленных названий разновидностей ветра, дождя и снега, холода и жары, полевых трав и цветов, зверей и птиц, рыб, насекомых и многих других.

Тыал употребляется в значении `ветер`, что толкуется в практике русской лексикографии как «движение потока воздуха в горизонтальном направлении» [СРЯ, I, 1981, с. 158]. Якут. *тыал* `ветер` имеет тюркские параллели [Бётлингк, 1989, с. 554; Пек., стб. 2929; СИГТЯ, 2001, с. 46–47], которые, однако, употребляются в значении а) `буря`; б) `ураган`; в) `вьюга`; г) `сильный град`; д) `волна`; е) `паника` [СИГТЯ, 2001, с. 40–47]. В якутском языке также употребляются *буурба*: 1) `сильный ветер (обычно летом)`; 2) `метель, вьюга, пурга` [ЯкутРС, с. 87]; *силлиэ* `буря` [Там же, с. 323]; *халарык ~ холорук* `вихрь` [Там же, с. 494].

Имя *тыал* – общераспространенное слово, не имеющее диалектного эквивалента. В то же время различные наименования разновидностей ветра иногда показывают диалектальный характер употребления.

В якутских диалектах замечены 2–3 слова, которые могут быть диалектным эквивалентом лексемы *тыал*, но имеют эвфемистический характер употребления:

дьалыа (кол.) `ветер` [ДСЯЯ, I, с. 94], однако первичное номинативное значение слова нам неизвестно. Можно только допустить, что слово *дьалыа* восходит к образному глаголу;

ханкытар эвф. (кол.) *тыал* `ветер` [ДСЯЯ, I, с. 279] – акающий вариант окающего *хонкутар* от *ханкый-* ~ *хонкуй-* `склонить голову, поникнуть головой`;

чыкыс (бул.) *кыйыс тыал*, *тымныы тыал* `резкий зимний ветер` [ДСЯЯ, I, с. 304] – *кыйыс* `резкий зимний ветер` – от рус. диал. *хиуз* [Там же, с. 135].

Кроме вышеприведенных, зарегистрированы другие наименования разновидностей ветра:

абырым (вил.) `первые осенние холода, когда еще не выпал снег, холодный ветер` [ДСЯЯ, II, с. 35];

айан тыала (инд.) `юго-восточный ветер`, ср.: *итии устуок* [Там же, с. 37];

архаан (бул., канг.) `боковой ветер`, ср.: *арбаан-үргүөн* (олекм.) `ветренный, непогожий, холодный` [Там же, с. 42];

буус булгуй `ветер, дующий с запада` [Пек., стб. 573];

былыт тыала (жиг.) `сильный ветер, ветер при грозе` [ДСЯЯ, II, с. 58], ср.: *этин халарыга ~ холоруга*;

дьүүрүс (в.-кол.) *тыал балаһата* `порыв ветра` [ДСЯЯ, I, с.101];

итии устуок (бул.) `ветер с юго-востока: этот ветер приносит оттепель`; *устуок* от рус. *восток* [ДСЯЯ, II, с. 81]; вернее: от исконно русского *восток, сток* `восток, восточный ветер` [Фасмер, I, 1996, с. 357];

күрэттэ сахсаанай `ветер, дующий с юга` [Пек., стб. 1328];

кулаар тыала (у.-янк.) `сильный пронзительный` – о ветре в погожий день [ДСЯЯ, II, с. 90]; *Кулаар* – географическое название;

кэмсиин (вил.) или *кээнсээр* `прохладный ветер зимою` [ДСЯЯ, I, с.147]; *кэмсиин* `прохладный, холодный` [ЯкутРС, с. 251];

муора тыала (анаб.) `сильный ветер с Северного Ледовитого океана` [ДСЯЯ, II, с.166];

налы тыал (садын.) *симик саты тыал* `низовой слабый ветер` [Там же, с. 133]; в данном случае *налы* – в значении `тихий, слабый`;

обуруос (мом.) *силлиэ* `буря` [ДСЯЯ, I, с. 183];

өгөрөм (лен., олекм., сунт.): 1) `дождь и град`; 2) `непродолжительный ливень`; 3. `шквальный ветер` [Там же, с. 191];

сааннас: 1) (алл., бул., кол., мом.) `западный ветер`; 2) (бул.) `северный ветер` [Там же, с. 199];

салгын `ветерок` [ЯкутРС, с. 311] – монголизм;

сата тыала (инд.) `ветер с юга, южный ветер`, ср.: *таас тыала* [ДСЯЯ, II, с.158]; якут. *сата* `камень из желудка или печени некоторых животных и птиц, якобы имеющий магическую силу вызывать изменение погоды` [ЯкутРС, с. 318], соответствует п.-монг. *žada* `изменение погоды, дождливая или штормовая погода` [Бётлингк, 1989, с. 618; Пек., стб. 2122], что восходит к др.-тюрк. *jat* `колдовство, волшебство, связанное с вызыванием дождя и ветра` [ДТС, с. 247]; разбираемое слово в тюркологии считается арабо-иранским заимствованием [Щербак, 1997, с. 168–169], которое сначала через древнетюркский, а потом через письменно-монгольский языки попало в якутский язык: ... > др.-тюрк. *jat* > п.-монг. *žada* > якут. *сата*;

сиибэртэн тыал (кол.) `холодный ветер с севера` – *сиибэр* от рус. *север* [ДСЯЯ, II, с. 160]; вернее: от рус. диал. *сивер* `северный ветер` [Фасмер, III, 1996, с. 616];

таас хаапата см.: *таастан тыал* [ДСЯЯ, II, с.179]; *хаапата* – от рус. *запад* `ветер с запада` [Даль, I, 2003, с. 548];

таастан тыал (анаб.) `слабый ветер со стороны Попигая` [ДСЯЯ, II, с.179];

таас тыала 1. (инд.) см.: *сата тыала*; 2. (жиг.) `кратковременный ветер возле горы`, ср.: *таастан тыал* [Там же, с. 179–180];

таас чыскаана (кол.) `ветер с противоположного берега Колымы` [Там же, с. 180];

табык холорук (вил.) `сильный вихрь, сильный ветер` [Там же], шумы которого напоминают звуки, издаваемые старинным якутским ударным музыкальным инструментом *табык* `бубен`;

тымны устуок (бул.) `весенний продолжительный холодный ветер с северо-востока; ветер в период весенних похолоданий` [Там же, с. 198]; противоположное – *итии устуок*;

хонор тыал (бул.) `ветер, утихающий к вечеру и перестояющий [дуть] ночью` [Там же, с. 225] – досл. `ночующий ветер`;

ыстай тыала (анаб.) `восточный ветер в тундре` [ДСЯЯ, I, с. 315];

эбэдьэһин тыал (вил.) `слабый ветер` – от эвенк. *эвэдекин* `едва-едва` [ДСЯЯ, II, с. 246];

эбэрэһэ (анаб.) – см.: *эбэдьэһин тыал*: *бүгүн эбэрэһэрбит* `сегодня дует слабый ветер` [Там же, с. 246].

Как видно, все названия разновидностей ветра возникли в результате лексикализации различных определительных словосочетаний, в которых в роли атрибута выступают преимущественно имена существительные. Очень редко встречаются имена прилагательные или причастия в качестве определительного слова. Имеются также названия, образованные в результате изафетного словосочетания.

Ветры в основном названы по их силе или слабости: *кыйыс тыал*, *былыт тыала*, *саты тыал*, *табык холорук*, *эбэдьэһин тыал*; по направлению: *айан тыала*, *итии устуок*, *сиибэртэн тыал*, *таастан тыал*, *тымны устуок*.

Э.К. Пекарский зафиксировал также *муус устуута тыал* `ветер вскрытия реки, сильный низовой ветер`; *собуруунну тыал* `верховой ветер`, *хотугу тыал* `низовой ветер` [Пек., стб. 2929]. В «Словаре» Э.К.Пекарского в качестве иллюстративного материала были использованы сведения из книги «Якуты» В.Л. Серошевского, где очень уверенно сказано, что «якуты отличают следующие периодические весенние и летние ве-

тры: 1) в начале февраля: *көмнөбү түһэрэр тыал* `ветер, сдувающий с деревьев снег`, 2) в начале марта: *холлобос көтүтэр тыал* `ветер, уносящий берестовые ушаты из-под тара, что означает окончание зимних припасов`, 3) *сыыр хастыыр тыал* `ветер (в середине марта), сдувающий с рёлок снег`, 4) в конце марта: *суол томтотор тыал* `ветер, набивающий бугром дорогу`, 5) в начале апреля: *күнү көтөбөр тыал* `ветер, подымающий солнце`, 6) в середине апреля: *хаары сахсатар тыал* `ветер, разрыхляющий снег`, 7) в конце апреля: *хаар хараардар тыал* `ветер, снег сгоняющий`, 8) в начале мая: *мууһу сахсатар тыал* `ветер, разрыхляющий лед`, 9) в середине мая: *сири куурдар тыал* `ветер, иссушающий землю`, 10) в конце июня: *мас сыырап тыал* `ветер, от которого хвоя и листья на деревьях блекнут`, 11) в конце июля: *от сыырап тыал*, 12) в конце августа: *оту-маһы орохсутар тыал* `ветер, иссушающий растительность`» [Пек., стб. 2929–2930].

Приведенные названия ветра возникли в результате лексикализации свободных словосочетаний, в которых в качестве атрибута выступает причастие настоящего времени с управляемым словом. Таким способом может пополняться количество названий ветров, к примеру: *сииги көтүтэр тыал* `ветер, иссушающий влажность (почвы, сена), *сирэй үлүтэр тыал* `ветер, обмораживающий щеки, лица и носик`, *киһини курдары охсор тыал* `ветер, пронизывающий тело человека` и т.д.

Таким образом, в якутском языке и его диалектах насчитываются свыше 40 наименований разновидностей ветра, за исключением якут. *бураан* (вил.) – от рус. *буран* `ураганный ветер, с метелью`, что, однако, считается тюркизмом [Фасмер, I, 1996, с. 243–244]; *силлиэ*, соответствующего др.-тюрк. *jeelig tilgän* `вихрь, порывы ветра` [ДТС, с. 254], *буурба* `пурга, вьюга, метель`, *халарык* ~ *холорук* `вихрь` (последнее, очень похоже, – слово тунгусского происхождения: эвенк. *калу* (суеверн.) `дух-хозяин гор` [Мыр., ЭРС, с. 269] + *-рук* «суффикс, обозначающий название хранилища, помещения, чехла, коробки» [Вас., ЭРС, с. 787]. По якутскому народному поверью, вихрь обладает (злым) духом и недаром его появление у стариков вызывает страх.

Самыыр `дождь` – общеякутское, широко распространенное в тюркских языках слово, мотиви-

рованное глаголом *йаҕ-* `идти, падать` (об атмосферных осадках) [Бётлингк, 1989, с. 621; Пек., стб. 2066; ЭСТЯ, 1989, с. 57; СИГТЯ, 2001, с. 25], но весьма созвучно с чув. *сиомыр*, что замечено еще О.Н. Бётлингком [Бётлингк, 1989, с. 621].

Якут. *самыыр* синонимично со словом *ардах* `непогода; ненастье; дождь`: *ардах түһэр* `дождь идет` [ЯкутРС, с. 46], но в колымских говорах `снег идет` вм. литературного *хаар түһэр, хаардыыр* – букв. `снег падает`, `снежит`.

Сегодня под влиянием русского языка все более активное, почти постоянное употребление приобретает слово *сөнүү* в значении `осадки` – от глагола *сөн-* `сгущаться`, `отстаиваться`: *бүгүн сөнүү түһэр* `сегодня ожидаются осадки (в виде дождя или мокрого снега)`.

Ардах в какой-то мере напоминает др.-тюрк. *arta-* `портиться; ухудшаться, разрушаться` [ДТС, с. 56].

В говорах разновидности дождя названы:

буор һамыыр (нюрб.) см.: *туман самыыр* [ДСЯЯ, II, с. 54];

шибэр-шибэр самыыр `дождь понемногу, с перерывами` [ЯкутРС, с. 142];

иһирик ардах, см.: *нөдүө самыыр* [ДСЯЯ, II, с. 81];

итиик ардах (вил.) `теплый, едва морозящий дождь`; ср.: *нөдүө самыыр, өһүөн самыыр, туман самыыр* [Там же, с. 81];

лаабы ардах (вил., нюрб.) см.: *өһүөн самыыр* [Там же, с. 113];

нөдүө самыыр (кол.) `мелкий дождь` [Там же, с. 134];

ньидиэ самыыр, см. *нөдүө самыыр* [Там же, с. 137];

өгөрөм, өгөрөҥ (лен., олекм., сунт.) 1. *толонноох самыыр* `дождь и град`; 2. *быстах дохсун самыыр* `непродолжительный дождь`; 3. *балаһа тыал, дохсун тыал* `шквальный ветер` [ДСЯЯ, I, с. 191] – слово более близкое к монг. *өгөөмөр* `обильный, щедрый: *өгөөмөр жил* `обильный, урожайный год`; *өгөөмөр бороо* `своевременный дождь` [МонгОТ, с. 315];

өксүөн `осенний дождь вперемешку со снегом`: *Сайыны самыырынан, күһүнү өксүөнүнэн билэн истэ* `Ехал он (богатырь), узнавая лето по дождю, осень – по ненастью (т.е. долго и безостановочно)` [ЯкутРС, с. 285];

өһөөн самыыр (бод.) – см.: *өһүөн самыыр*;

өһүөн самыыр (бод., вил.) `продолжительный дождь`; ср.: *өһөөн самыыр, үһүөн самыыр, лаабы ардах, итиик ардах, нөдүө самыыр, туман самы-*

ыр; ср.: бур. *үһээ хура* `продолжительный дождь` [ДСЯЯ, II, с.150];

силбирээн `морось – очень мелкий дождь, идущий медленно, напоминающий росу` [Там же, с. 160];

һанпарах самыыр (сунт) см.: *туман самыыр* [Там же, с. 174];

туман самыыр (вил.) `морось` = *буор самыыр, иибэр-сиибэр, силбик, һанпарах самыыр*; ср.: *итиик ардах, нөдүө самыыр, өһүөн самыыр* [Там же, с. 194]; *туман*, возможно, исконно якутское слово, так как оно встречается во многих тюркских языках, начиная с древнетюркских [ЭСТЯ, 1980, с. 295–296], и в русском языке *туман* – тюркизм [см. Фасмер, IV, 1996, с. 119];

уулаах ардах (анаб.) `обильный дождь` [ДСЯЯ, II, с. 207];

чүүчэ (?) (анаб.) *ааһан хаалар самыыр* `непродолжительный дождь` – от рус. диал. *чира* `мелкий дождь` [ДСЯЯ, II, с. 237; Даль, IV, 2003, с. 401];

этинг саахтаах самыыр (бул.) `гроза` [ДСЯЯ, II, с. 253];

Кроме того, в «Словаре» Э.К. Пекарского зафиксированы: *быһы самыыр* `мельчайший, как туман, дождь`; *дабдыр самыыр* `крупный дождь`; *ибир самыыр* `мелкий дождь`; *буустаах, муустаах самыыр* `дождь со льдом, град ивернями (не круглый, как бы с осколками)`; *хаар быыстаах самыыр* `дождь со снегом`; *толон-самыыр* `дождь и град` [Пек., стб. 2066]; *толон* `град` иногда называют *тобурах* – словом, хорошо известным тюркским и монгольским языкам, в значении `земля, пыль, прах` [Пек., стб. 2696; ДТС, с. 575]; древнее значение `пыль` сохранилось только в якутских диалектах [ЯкутРС, с. 387].

Приведенные терминологического характера названия дождя возникли в результате лексикализации атрибутивных словосочетаний, где в качестве атрибута выступают имена или другие субстантивированные и адъективированные слова. Названия давались также по степени его интенсивности, дождливости, по визуально замеченным составляющим элементам и другим свойствам.

Иногда название дождю давалось по его приуроченности к определенному сезону: *сааскы самыыр* `весенний дождь`, *сайынны самыыр* `летний дождь`, *күһүнгү самыыр* `осенний дождь` и даже *кыһынны самыыр* `зимний дождь` (иногда гроза – аномальное явление в октябре или апреле).

Хаар `снег` – возможно, общетюркское слово, которое в якутском языке не имеет соответствующего диалектного эквивалента, кроме эфемистического характера слова *кырыа*, употребляемого в колымских говорах северо-восточной диалектной зоны и в сунтарском говоре олекмо-виллойской диалектной зоны в значении `снег`, хотя их носители прекрасно знают, что существует общеякутское (общетюркское) слово *кырыа* с номинативным значением `иней`.

Встречаются свыше 20 названий разновидностей снега, зафиксированных в ДСЯЯ как лексические диалектизмы:

кириэстээх хаар (нюрб.) – см.: *көбүөрүннүк хаар* [ДСЯЯ, II, с. 85];

көбүөрүннүк хаар (кол.) `мягкий пушистый снег` [Там же, с. 87];

кырамай хаар (верх., м.-канг.) или *кырпай хаар* `первый мелкий снег` [ДСЯЯ, I, с. 137];

көмнүө хаар (олекм.) `первый санный снег` [ДСЯЯ, II, с. 88];

куобах быһаҕа см.: *көбүөрүннүк хаар* [Там же, с. 92];

куобах түүтэ хаар (бод., лен., сунт.) `мягкий пушистый снег` [Там же, с. 92];

мочуо (бод.) *сымнаҕас халын хаар* `мягкий глубокий снег, первая пороша` [Там же, с. 125];

обуой (абый., кол., мом.) `затвердевший снежный сугроб` // *собуой хаар, hobуой, угуой* – от рус. диал. *сувой* `сугроб, образованный вихревым движением снега` [ДСЯЯ, I, с.182–183];

олуу хаар (в.-вил.) `глубокий целинный снег` [Там же, с. 186] – ср.: *тонгуу хаар*;

өлүг (олен.) *тонгуу хаар* `нетронутый, целинный снег` – от эвенк. *элуң*, эвен. *элэн* `снежная целина` [ДСЯЯ, I, с.194];

симшин хаар (кол.) `снежные кристаллы, раздробленные при сильных ветрах` [ДСЯЯ, II, с.161], иное название – *буор хаар*;

собуой хаар (анаб.); *hобуой* (долг., есей.), ср.: *обуой* [ДСЯЯ, I, с. 210, 227];

сойуо хаар см.: *мочуо* `глубокий мягкий снег` [Пек., стб. 2264; ДСЯЯ, II, с. 175];

сомунах (у.-янк.) `пушистый снег, покрывший землю`; ср.: *экириэнник хаар* [ДСЯЯ, II, с. 164];

сөгүрүөп хаар (ср.-кол.) *чөмөх хаар* `куча снега` – от рус. *сугроб* [ДСЯЯ, I, с. 212];

экириэнник хаар (кол.) `мягкий, выпадающий крупными хлопьями снег` [ДСЯЯ, II, с. 172], ср.: *сомунах*.

Существуют также названия снега терминологического характера, к примеру: *көмүрүө хаар* `крупнозернистый снег`, *көмүк хаар* `глубокий снег (покрывающий землю на всю зиму)` [ЯкутРС, с.177], *кыс хаар* `осенний снег, лежащий до весны`, *сыа хаар* `верхний мягкий слой снега`, *тоннуу хаар* `глубокий нетронутый снег` и некоторые другие.

Вышеуказанные названия снега образованы преимущественно лексико-синтаксическим способом словообразования, в результате лексикализации атрибутивных словосочетаний. Встречаются также, хотя редко, как бы строго специализированные словесные обозначения разновидностей снега типа *үөк* `первый выпавший снег для санного пути`, *мочуо* `мягкий глубокий снег`, *сомунах* `пушистый снег, покрывший землю`, *көмүк* `глубокий снег, покрывающий землю на всю зиму`.

Смежные атмосферные явления. С выше-названными атмосферными явлениями напрямую связаны погодно-климатические изменения на Земле: потепление и похолодание воздуха и, может быть, изменения климата земного шара с катастрофическими последствиями. Атмосферные изменения, в свою очередь, в конечном счете восходят к астрономическим факторам, что в какой-то мере было известно древним якутам: недаром существуют изречения *күнтэн көнтөстөөх, ыйтан ыйахтаах буоллахпыт*, – аллитерационный стиль, букв. `мы имеем поводья от солнца, указания от луны`, т.е. мы все зависимы от солнца и луны; *күнтэн-ыйтан төрүттээх* `происходящий от солнца и месяца (юноша)` [Пек., стб. 1296].

Различные погодные перемены, вызванные повышением и понижением температуры воздуха, получили словесное обозначение в виде *итии*, *сылаас*, *сөрүүн*, *тымныы*, а их последствия – *кужаас*, *дьыбар*, *хаһын*, *тонгоруу*, *тонгот*, которые почти не имеют диалектного эквивалента.

В разговорной речи в крайне редких случаях, преимущественно в литературном языке, может быть отмечена территориальная приуроченность названий природных явлений типа *Саха сирин тымныыта* `холод Якутии`, *тропик куйааһа* `жара тропика`, *муора сөрүүнэ* `прохлада моря` и т.д.:

Итии `жара // жаркий // жарко`; `тепло // теплый` является общеякутским словом, широко распространенным в тюркских языках с различ-

ными фонетическими модификациями [Бётлингк, 1989, с. 467; Пек., стб. 981; ЭСТЯ, 1974, с. 668–671; СИГТЯ, 2001, с.19–20]. В определенных контекстах *итии* синонимизируется со словом *кужаас*, также широко известным в тюркских языках [Бётлингк, 1989, с. 514; Пек., стб. 1199; ЭСТЯ, 2000, с. 112–113; СИГТЯ, 2001, с. 20–21];

кужаас `жара // жаркий`; `зной // знойный`, как только что было сказано, – широко распространенное в якутском и в тюркских языках слово, восходящее к глагольной основе **quj-* ~ **quj-* ~ *qin'* `жечь, палить` [Бётлингк, 1989, с. 514; Пек., стб. 1199; ЭСТЯ, 2000, с.112–113; СИГТЯ, 2001, с. 20–21]. Очень часто употребляется *өнгүрүк кужаас* `палящий зной`, `нестерпимая жара`, которое имеет диалектный эквивалент *атар кужаас* (абый.) `сильная жара` [ДСЯЯ, I, с. 53], при которой некоторые животные и птицы находятся в положении с открытым ртом.

В «Словаре» Э.К. Пекарского также зафиксированы диалектального и терминологического характера наименования разновидностей жары: *эбир (имир) кужаас*, *модун кужаас*, *өнгүрүк кужаас*, *сыралбан кужаас*, *түлүк кужаас* – в суммарном значении `сильная жара, зной`; *унаар кужаас* `ужасный зной с туманом по вершинам холмов`; *күнүску кужаас* или *күн кужааһа* `зной, жаркий (знойный) день`; *эмэгэт кужааһа=кужаастан кужаас* `сильнейший зной` [Пек., стб. 1199].

Название *эмэгэт кужааһа* в значении `сильная летняя жара` отмечено в таттинском говоре центральной диалектной зоны и зафиксировано в ДСЯЯ как лексический диалектизм [ДСЯЯ, I, с. 320].

Температура воздуха выше нуля и ниже 10–15 градусов в зимнее время может быть названа словом *сылаас* `тепло // теплый`, нередко вступающим в разговорной речи в синонимические отношения со словами *итии*, *кужаас*, что иногда диктуется намерением говорящего подчеркнуть степень теплоты, жары или как-то смягчить вещественное значение слов *итии*, *кужаас*, *сыралбан* `жара, зной, солнцепек`.

Сылаас когда-то было мотивировано общетюркским глаголом *jili-* (якут. *сылы-й-*) `становиться теплым` и соответствует тюрк. *jiliy*, *jiliq* `теплый`, встречающимся в древних письменных источниках, а также в большинстве тюркских языков [ЭСТЯ, 1989, с. 275–277; СИГТЯ, 2001, с. 21–22].

Другим атмосферным явлением можно считать *тымныы* `холод, мороз, стужа`. *Тымныы* когда-то было мотивировано тюркским *tum*, соответствует тюрк. *tumliḡ* `холод` [ЭСТЯ, 1980, с. 265–266; СИГТЯ, 2001, с.14–15], но не имеет диалектного эквивалента или синонима в якутском языке. Более высокую температуру воздуха, чем холод, или пониженную температуру, чем тепло, называют монголизмом *сөрүүн ~ сэриин* `прохлада`, `прохладный` – явление, вызывающее приятное ощущение.

В якутском языке и в его говорах по-разному называют сильный или крепкий мороз, к примеру: *буор тымныы* (сакк.) `большие морозы` [ДСЯЯ, I, с. 72];

бытарбан тымныы `трескучий мороз` [ЯкутРС, с. 420];

күүс тымныы (инд., у.-янк.): *күүс тымныы түспүт* `наступили сильные морозы` [ДСЯЯ, II, с. 100], см.: *хабыалас тымныы*;

күдэрик тымныы (бул., нам., нюрб.) `сильный зимний мороз` [ДСЯЯ, I, с.130];

Названия *кыраадыстаах тымныы*, см.: *хабыалас тымныы* [ДСЯЯ, II, с. 103], *күүс тымныы*, *краадыстаах тымныы* возникли в результате калькирования;

мара – бытарбан тымныы `сильный мороз` – от рус. диал. *мара* `туман, марево` [ДСЯЯ, I, с. 157];

модун тымныы `сильный мороз` [Пек., стб. 1578];

моруос (ср.-кол.), *муорас* (абый., мом.) *бытарбан тымныы* `крепкий, трескучий мороз` // *моруос тымныы* – от рус. *мороз* (?) [ДСЯЯ, I, с. 166];

пишгус тымныы (долг.) *бытарбан тымныы* `крепкий, трескучий мороз` – сиб. рус. *фиуз-хиуз* `несильный холодный ветер` [ДСЯЯ, I, с.197];

сатыы тымныы: *сатыы тымныы түһэр ыйа* (вил., горн.) `ноябрь` [ДСЯЯ, I, с.204] от *сатыы* `пеший`: *сатыы былът* `низко плывущие облака`; *сатыы халлаан* `нижнее небо`; существует выражение *хаар-самыыр сатыылаабыт* `низошли снег и дождь`. По-видимому, понятие *сатыы тымныы* возникло в результате ассоциации по сходству, т.к. холод связан со снижением температуры воздуха, что распространяется обычно по низинам;

хабыалас тымныы (вил.) `трескучие морозы` [ДСЯЯ, II, с. 213] – от *хабыалаа-* многокр. от общетюркского *хап-* `ловить руками`, `хватать руками` и т.д. [ЭСТЯ, 1997, с. 264–266];

чынгыс тымныы (верх.), см.: *хабыалас тымныы* [ДСЯЯ, II, с. 237].

С понижением температуры воздуха связано возникновение наименований терминологического характера: *дьыбар* `утренний или вечерний мороз`, *хаһын* `заморозки`, *тоҥот* `наст`. Из них только *тоҥот* имеет диалектные разновидности:

даркын (садын.) `осенний и весенний наст` от эвенк. *даркин* `наст` [ДСЯЯ, II, с. 64];

дыгдыа тоҥот (садын.) или *дыгдыйа* (инд.) `тонкий наст` [Там же, с. 66];

дыра (абый., вил.) `осенняя пора, когда лед в водоемах еще тонок` [ДСЯЯ, I, с. 91];

дырдыйа (жиг.) `время осеннего ледостава, когда лед еще не совсем окреп для ходьбы по нему` [ДСЯЯ, I, с. 91];

һойуо (бод.) `наст` [ДСЯЯ, II, с. 175];

хаптаһын тоҥот (верх., татт.) `крепкий наст` [ДСЯЯ, I, с. 280]; `тонкий слой обледеневшего снега, приставший к земле` [Пек., стб. 2731];

хатанга 1. (есей.) `наст` [ДСЯЯ, I, с. 285]; 2. `скоротающий наст при осенних, весенних заморозках` [Пек., стб. 3400];

хатымах (м.-канг.) `утренний наст` [ДСЯЯ, I, с. 285];

хачырыа (бод.) `легкие весенние заморозки` [ДСЯЯ, II, с. 222];

чир `тонкий ледок по снегу`, `наст` = *тоҥот хаар*, ср.: *сойуо хаар* [Пек., стб. 2731].

Из приведенных слов синонимичными являются слова *даркын*, *дыгдыа тоҥот*, *һойуо*, *хаптаһын тоҥот*, *хатанга*, *хатымах*, *чир*. Слова *дыра*, *дырдыйа* обозначают различные степени образования льда в водоемах, а *хачырыа* относится к заморозкам поздней осенью или ранней весной.

Однако все они представляют собой явления, связанные с понижением температуры воздуха ниже нуля.

Слова *дыгдыа ~ дырдыа*, *дыгдыйа ~ дырдыйа*, *хачырыа*, *чир* являются лексемами звукоподражательного, изобразительного происхождения. *Хаптаһын тоҥот* возникло в результате метафорического переноса названия деревянной доски *хаптаһын*, которое употребляется в качестве определительного слова данного атрибутивного словосочетания.

И, наконец, отметим, что в результате многолетних своего рода метеорологического и фенологического наблюдений у народа саха постепенно сложились различные приметы, указыва-

ющие на предстоящее состояние погоды и времена года. И.А. Худяков, отбывавший ссылку в Верхоянске, зафиксировал свыше 60 примет у одних только верхоянских якутов. Вот некоторые из них: «северное сияние при пасмурной погоде – к ясным дням, а если северное сияние при ясной погоде, то через два дня будет пасмурно; если снег выпадает рано, когда река еще не стала, то будет худой год; если выйдут отрывистые отдельные облака (*босхо былыттар*) – к грому; если летом будет дуть северный ветер, то отава будет хорошая» и т.д. [Худяков, 1969, с. 45–49].

Подобного рода приметы в прежние времена «рождались» во всех местах проживания якутов, сохранялись и передавались из поколения в поколение.

Сокращения

Вас., ЭРС – Эвенкийско-русский словарь / сост. Г.М. Василевич.

Даль – В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Олма-Пресс, 2003.

ДСЯЯ, I – Диалектологический словарь якутского языка. – М.: Наука, 1976. – 392 с.

ДСЯЯ, II – Диалектологический словарь якутского языка: Дополнительный том. – Новосибирск: Наука, 1995. – 296 с.

ДТС – Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.; – М., 1988. – 802 с.

Монг OT – Монгол орос толь / Монгольско-русский словарь. – М., 1957. – 715 с.

Мыр., ЭРС – Мыреева А.Н. Эвенкийско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2004. – 798 с.

Пек. – Э.К. Пекарский. Словарь якутского языка. – СПб., 1907–1930. – Вып. 1–13. – 3858 стб. + VIII с.

Попов – Попов Г.В. Этимологический словарь якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2003. – 180 с. (Ч. I: А-Дь).

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. – М.: Наука, 2001. – 822 с.

СРЯ – Словарь русского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1981–1984.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – СПб.: Изд-во «Азбука», 1996.

ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. – М., 1974, 1978, 1980, 1989, 1997, 2000, 2003.

ЯкутРС – Якутско-русский словарь. – М., 1972. – 606 с.

абый. – абыйский говор

алл. – аллаиховский говор

анаб. – анабарский говор

бод. – говор бодайбинских якутов Иркутской области

букв. – буквально

бул. – булунский говор

бур. – бурятский язык

верх. – верхоянский говор

в.-вил., вил. – виллойские говоры

в.-кол., ср.-кол. – колымские говоры

горн. – горный говор

долг. – долганский диалект

др.-тюрк. – древнетюркский язык

есей. – говор есейских якутов

жиг. – жиганский говор

инд. – индигирские говоры

канг. – кангаласский говор

коб. – кобыйский говор

лен. – ленский говор

м.-канг. – мегино-кангаласский говор

мом. – момский говор

нюрб. – нюрбинский говор

олекм. – олекминский говор

олен. – оленекский говор

п.-монг. – письменно-монгольское

рус. диал. – русское диалектальное

садын. – садынский подговор сунтарского говора

сунт. – сунтарский говор

татт. – таттинский говор

уд. – говор удских якутов Хабаровского края

у.-янк. – усть-янский говор

эвенк. – эвенкийский язык

эвф. – эвфемизм

эйик. – эйикский подговор оленекского говора

якут. – якутское

Литература

Бётлингк О.Н. О языке якутов / пер. с нем. В.И. Рассадина. – Новосибирск: Наука, 1989. – 644 с.

Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период. – М.: Вост. лит., 2007. – 223 с.

Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. – М.: Вост. лит., 2008. – 342 с.

Серовский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. – 2-е изд. – М., 1993. – 736 с.

Шербак А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII – XIV вв.). – СПб.: Изд.-во ИЛИ РАН, 1997. – 292 с.

Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. – Л.: Наука, 1969. – 440 с.

Kaluzyński St. Mongolische Elemente in der jakutische Sprache. – Warszawa, 1961. – 170 S.

S.A. Ivanov

Names of atmospheric phenomena in the Yakut language and in its dialects

In the article is considered the Yakut names of some atmospheric phenomena, attempts to show when, where and how it were created and how it to use today. As it well known, are for ranching, commercial hunting and other economic activities of the Yakut essential favorable climatic conditions. Therefore, the Sakha all year to monitor the state of the Earth's atmosphere and place it by natural processes and phenomena. As a result of centuries of observations, many names wind, clouds, rain and snow, cold and heat, which in many cases are of a terminological character of the use, and sometimes acquire differential features of regional dialects.

The ancient name of the atmospheric phenomena have received a geographical widely spread in Turkic languages, created, in all probability, the original homeland of the ancient ancestors of the Yakuts, but the bulk of them appeared gradually in the Lena region, in the result of the metaphorical transfer of nominative meanings of words, lexicalization attribute designs and safety phrases, and lexical borrowings and normal tracing.

Keywords: adjectival, atmospheric phenomenon, attributive phrases, dialect equivalents, borrowing, tracing, native Turkic words, lexicalization, metaphORIZATION, substantivation, euphemisms.

УДК 811.512.157

В.И. Харабаева

Ядерные средства выражения персональности в якутском языке (в сопоставлении с тувинским и хакасским языками)*

Ядерные средства выражения функционально-семантической категории персональности рассматриваются в сравнительно-сопоставительном аспекте на материале якутского, тувинского и хакасского языков. Функционирование показателей категории лица и личных местоимений в сопоставляемых языках рассмотрены на примере простого предложения. Выясняются сходные и отличительные черты в выражении персональности в этих языках, сравниваются парадигмы личного спряжения форм глагола, а также особенности функционирования личных местоимений. Отличительной чертой якутского языка в этом отношении является регулярное личное спряжение инфинитных форм глагола и способность данных форм функционировать в качестве независимых сказуемых в простых предложениях. Тувинский язык отличается тем, что в данном языке большинство времен и наклонений глагола спрягаются аналитическим способом с помощью личных показателей (личных местоимений), которые еще не перешли в разряд аффиксов. Различен у всех сопоставляемых языков состав аффиксов повелительного наклонения. Общей чертой для всех трех языков является то, что личное спряжение глагола имеет местоименное происхождение. Об этом факте свидетельствуют данные древнего состояния тюркских языков, где предложение замыкается аналитическим личным предикативным показателем, т.е. личным местоимением.

Ключевые слова: сравнительно-сопоставительный аспект, якутский язык, тувинский язык, хакасский язык, личные аффиксы, личные показатели, личные местоимения, простое предложение.

Целью сопоставительного метода исследования языков, т.е. описание языка через его системное сравнение с другим языком, является прояснение специфичности данного языка. По мнению исследователей, данный метод особенно эффективен применительно к родственным языкам, так как их контрастные черты проступают наиболее ярко на фоне сходных черт.

* Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект № 16-14-14004 а (р).

Функционально-семантическое поле категории персональности рассматривается как поле моноцентрического типа со сложной бинарной структурой центра, включающей формы лица разных частей речи – глагола и местоимения, что характерно в языках разных типов [Бондарко, 1991, с.19]. Таким образом, формы лица глаголов и личные местоимения, образующие центр поля персональности, представляют не разные грамматические категории, а одну и ту же грамматическую категорию лица. Они могут быть названы персональными элементами I ранга – элементами, выражающими отношение к лицу, касающимися субъекта-подлежащего. В сопоставляемых языках в центр поля персональности относим морфологические средства – аффиксы лица, содержащие признаки, указывающие на отношение обозначаемого действия или состояния к грамматическому субъекту. Кроме морфологических средств, как центральные средства рассматриваются лексические средства выражения лица – личные местоимения.

В якутском языке морфологические средства представлены аффиксами лица (аффиксы сказуемости, аффиксы принадлежности, аффиксы повелительного наклонения). Названные показатели лица, выполняющие важную дейктическую функцию в предложении, в якутском языке могут иметь все глагольные формы и именные части речи. Они определяют соотношение субъекта-подлежащего и предиката, т.е. находятся в позиции синтаксического центра предложения.

Категория лица якутского глагола представлена в «Грамматике современного якутского литературного языка» (1995) следующими аффиксами: 1). Аффиксы принадлежности – ед. ч. 1-го л. *-ым*, 2-го л. *-ын*, 3-го л. *-а*, множ. ч. 1-го л. *-быт*; 2-го л. *-гыт(-кыт, -хыт)*, 3-го л. *-лара (-лар), тара (-тар)*; 2). Аффиксы сказуемости – ед. ч. 1-го л. *-бын*, 2-го л. *-гын (-бын)*, 3-го л. *-р*, множ. ч. 1-го л. *-быт*, 2-го л. *-быт*, 3-го л. *-лар*. 3). Аффиксы лица в повелительном наклонении: ед. ч. 1-го л. *-ыым*, мн. ч. 1-го л. *-ыах*, двойств. ч. 1-го л. *-ыабын*; ед. ч. 2-го л. *-О*; *-аар*; множ. ч. 2-го л. *ын*; ед. ч. 3-го л. *-тын*, множ. ч. 3-го л. *-тыннар*; 4). Древние аффиксы сказуемости: *-м, -н*, которые употребляются только в 1-м и 2-м лице ед. ч. [Грамматика современного якутского ..., 1995, с. 16].

В якутском языке основная часть финитных форм глагола образуется в результате употребления причастий в качестве сказуемого. Присоеди-

няя к себе аффиксы личного спряжения, причастия образуют в современном якутском языке формы времен изъявительного и некоторых форм косвенных наклонений [Харитонов, 1947; Коркина, 1970; Филиппов, 1999]. Г.Г. Филиппов [1999, с. 155–156], посвятивший множество трудов исследованию якутских причастий, приходит к выводу, что «современная конечная форма глагола – это потерявшее другие свойства то же причастие или отпричастное новообразование, специализировавшееся только в функции глагольного сказуемого». Автором сгруппированы по происхождению формы конечных глаголов якутского языка следующим образом: 1) употребление причастий в значении конечных глаголов; 2) причастия, перешедшие в конечные глаголы, получившие развитие в последнее время; 3) конечные глаголы деепричастного происхождения; 4) исконно конечные формы [Филиппов, 1999, с. 305].

В связи с развитой парадигмой личного спряжения в якутском языке подлежащее в виде существительного или местоимения употребляется факультативно. Если в предложении отсутствует подлежащее, личная форма глагола всегда указывает на грамматический субъект: *Иркутскайтан эрийэбин, командировкаба сылдабын* (ДС ААА, 19) – Из Иркутска звоню, нахожусь в командировке; *Билигин биһиги дэриэбинэбитигэр кэлээрин эрэ, букатын билиэххит суоҕа* (О БДЭ, 259) ‘Сейчас приезжайте в нашу деревню, совсем не узнаете ее’.

В тувинском языке ядерные средства выражения персональности представлены двумя видами спряжения – синтетическим и аналитическим. Синтетическим способом могут спрягаться глаголы с показателями некоторых времен изъявительного наклонения и косвенных наклонений некоторых времен и наклонения, включающие в себя также форму лица и числа. Например, с показателями прошедшего времени: *номчудун* ‘ты прочитал’ (*-ду* - афф. прошедшего времени, афф. *-н* – форма 2-го лица ед. числа); повелительное наклонение: *номчузуннар* ‘пусть они читают’ (*-зун* – афф. 3-го лица повел. наклонения, *-нар* – афф. множ. числа); условное наклонение: *номчувусса* ‘если мы прочитаем’ (*-зу* и *-са* – 1-й и 2-й аффиксы условного наклонения, *-вус* – афф. 1-го лица множ. числа) и т.д. [Исхаков, Пальмбаха, 1961, с. 352].

При большинстве наклонений и времен тувинского языка персональность выражается аналитически – личными показателями. Например, формы времени, выраженные одним из прича-

ствий, не имеют лично-числовых аффиксов, за исключением факультативного аффикса 3-го лица множ. числа (-лар//лер), а сопровождаются вместо лично-числовых аффиксов лично-числовыми показателями (*мен* 'я', *сен* 'ты', *бис* 'мы', *силер* 'вы'), которые совпадают в литературном языке по звуковому составу с личными местоимениями и следуют за формой времени. Личный аналитический показатель после глагола имеет значение грамматического форманта. Он входит как вспомогательный элемент в состав сказуемого для оформления его предикативности. Например, *номчуур мен* 'я буду читать' (-ур – афф. причастия буд. времени, *мен* – показатель 1-го л. ед. ч.), *номчаан* (*номчу-ган*) *сен* 'ты прочитал' (-ган – афф. прош. времени, *сен* – показатель 2-го л. ед. ч.), *номчаалак* (*номчу-галак*) *бис* 'мы еще не читали, но вот-вот будем читать' (-галак – афф. причастия ожидаемого действия, *бис* – показатель 2-го л. множ. ч.) [Там же, с. 352]. При сложных глагольных формах, образованных от бытийных глаголов *тур*- 'стоять', *чор(у)*- 'идти', *олур*- 'сидеть', *чит*- 'лежать' персональность также выражается лишь аналитически: *Бис ойнап тур бис* 'Мы играем', *Мен көрүп тур мен* 'Я смотрю' и т.д.

Интересно, что в вопросительных предложениях со сказуемым в 3-м лице довольно часто употребляется аффикс сказуемости -ыл//ил, -ул//ул, -л. По мнению исследователей, он восходит к местоимению 3-го лица *ол* 'он': *Тарааны кажан кезерил* (*кезер ол*)? 'Когда косят сено?' [Там же, с. 223].

В хакасском языке грамматически личное оформление получают сказуемые только в 1-м и 2-м лицах ед. и множ. числа. Что касается аффиксов 3-го лица, то они отсутствуют в данном языке, так как каждая глагольная форма, выступающая в предложении вне отношения к 1-му или 2-му лицу, является формой 3-го лица. Личные формы в хакасском языке выражаются двумя типами: а) Полными аффиксами в ед. числе: 1-е л. -мын, -пын, -бын; 2-е л. -зын, -сын; 3-е л. – Ø; во множ. числе: 1-е л. -мыс, -быс, -пыс; 2-е л. -зар, -сар; 3-е л. -лар, -нар, -тар; б) Сокращенными аффиксами в един. числе: 1-е л. -м, -ым; 2-е л. -н, -ын; 3 л. – Ø; во множ. числе: 1-е л. -быс, -пыс; 2-е л. -ын, -нар, -нар; 3-е л. -лар, -нар, -тар. Сокращенные аффиксы 1-го и 2-го лица ед. и множ. числа внешне напоминают аффиксы принадлежности, но принципиально отличаются друг от друга отсутствием в системе аффиксов

лица оформления 3-го лица ед. и множ. числа (ср. афф. принадлежности -ы, -зы) [Баскаков, Инкижекова-Грекул, 1953, с. 449]. Основа спряжения в хакасском языке, как и в других языках, либо простая, либо сложная. Например: *мин парча-м* 'я иду', *син парча-зын* 'ты идешь', *ол парча* 'он идет' (настоящее время); *мин парганпол-за-м* 'если бы я поехал', *син парганпол-за-н* 'если бы ты поехал', *ол парганпол-за* 'если бы он поехал' (условное прошедшее время) и т.д.

Во всех сопоставляемых языках аффиксы повелительного наклонения различны. Например, якут. 1-е л. ед. числа *бар-ыым* 'пойду-ка я', множ. число *бар-ыах* 'пойдем-ка мы с тобой', *бар-ыаҕын* 'пойдемте мы'; тув. *ал-ыйн* 'буду-ка брат', *ал-ылынар* 'давайте будем брать', хакас. *пар-и-м* 'поеду-ка я', *пар-ан* 'поедем-ка мы'; 2-е л. множ. числа як. *бар-ын* 'идите', тув. *ал-ынар* 'берите', хакас. *пар-н* 'поезжайте'. В 3-м лице ед. числа аффикс повелительного наклонения у всех сопоставляемых языков одинаков – якут. -тын, тув. -зын, хакас. -зын. В тувинском и хакасском языках во множ. числе 3-го лица аффикс множественности факультативен (тув. -ал-зын (-нар) 'пусть берут', хакас. *пар-зын(-нар)* 'пусть поедут'), а в якутском языке данный аффикс обязателен (*бар-дын-нар* 'пусть поедут'). Из сопоставляемых языков двойственное число имеется в тувинском и якутском языках: якут. *бар-ыах* 'пойдем-ка'; тув. *ал-ылыл//ал-ылылы* 'давай будем брать'.

В якутском языке инфинитные формы глагола также могут спрягаться по лицам. Личное предикативное склонение причастий и личное оформление деепричастий в якутском языке могут образовывать сказуемые простого предложения.

Деепричастия на -ымына и -бакка, принимая аффиксы сказуемости, хотя и ограниченно, могут употребляться в функции независимого сказуемого, «выражая во временном плане отнесенность действия как к прошлому, так и настоящему времени» [Коркина, 1985, с. 102]: *Уйбаанна бэрдэрбит сурукпун Сырбайтан бүгүн үчүгэй аҕайдык көрдөөн көрбөккөбүн* (АА ПУо, 67) 'Попросить бы мне сегодня как следует у Сырбая письмо, которое ты передал для Ивана' (букв. попрося+я бы сегодня). Отнесенность действия к прошедшему времени подчеркивается также присоединением к форме на -ымына служебного слова *баара*, содержащего в себе семантику совершенности действия, поскольку оно, по предположению Е.И. Коркиной, «состоит из имени

наличия *баар* 'есть' и формы прошедшего категорического времени вспомогательного глагола э- 'быть'» [Коркина, 1985, с. 99]: *Маарынгыттан чэйбитин сылыпкаккабыт баара* (ВЯ ЭК, 16). 'Нам надо было заранее подогреть чай'. Приведенные примеры показывают, что личными формами деепричастий в них выражено сожаление говорящего по поводу совершения или несвершения действия.

Деепричастие на *-ымына* также, употребляясь в позиции сказуемого, как осложненное аффиксами лица, так и без них, может выражать несомненную уверенность в совершении действия: *барымынабын* 'конечно, пойду', *барымынабын* 'конечно, пойдешь'. Деепричастие на *-ан* также может выступать в роли независимого сказуемого и принимать аффиксы сказуемости при эмоционально окрашенных предложениях в диалоге: *Наһаа дии, ону-маны онгорон көрөн саңарангын* (ЛМ А, 120) 'Это же слишком, всякое выдумывая, говоришь же ты такое' (букв. Представляя говоря+ты).

Личное предикативное склонение причастий может использоваться в качестве сказуемого простого предложения в вопросительных и восклицательных предложениях: *Эс, эмиз тобо таайа сатыы турдах+n+ыный?* (ИТ ДьХУИ, 100) 'Ну почему же я стою разгадываю?' или 'Зачем же мне стоять разгадывать?'; *Оо, онно кини үөрбүт+үө+n!* 'О, тогда он так обрадовался!' (букв. обрадовавшегося+его). Личное предикативное склонение причастий также может образовывать независимое сказуемое с напутствующей семантикой: *Кырдык, добор, уолгун көрө барыах+x+ыный* (ЛМ А, 95) 'И правда, друг, ты бы мог поехать повидаться с сыном'.

Деепричастия в тувинском языке являются неспрягаемыми формами глагола. Как и в якутском языке, они участвуют также в образовании сложных сказуемых, где аффикс лица принимает лишь конечная форма сказуемого: *Дун ортозун чуче туруп келдин?* 'Что ты встал среди ночи?'. Использование деепричастия в качестве независимого сказуемого в простом предложении очень ограничено. Лишь одно деепричастие тувинского языка – сопроводительное (деепричастие на *-нышаан*) может спрягаться по лицам [Исхаков, Пальмбаха, 1961, с. 315]. Данное деепричастие служит сказуемым законченного предложения со значением продолжающегося действия: *Мен өөрөнмишаан мен* 'Я еще учусь'. *Биживишаан*

мен 'Я продолжаю писать', 'Я все еще пишу'. Лицо выражается после деепричастия аналитически личным показателем.

В хакасском языке деепричастия представляют собой форму глагола, которая не изменяется по лицам и числам и не может выполнять роли сказуемого в законченном предложении: *Иб толдыра чон чыылчых* 'Народ собирался, наполняя дом' [Баскаков, Инкижекова-Грекул, 1953, с. 433]. Как и в других сопоставляемых языках они также входят в состав сложных глаголов и указывают дополнительные действия основного глагола: *Ол олдыра сабыксаан* 'Он дремал сидя'.

Как показывает материал, причастия в тувинском и хакасском языках выступают только в функции спрягаемых форм в составе финитного глагола. В других случаях они представляют собой атрибутивно-определяющие грамматические формы глагола. Например: *парар кизи* 'человек, который пойдет', *өсөткөн агас* 'растущее дерево'(хакас.), *мону көргөн кижии* 'видевший это человек', *Сураанын тып алыр, күзээнин чедип алыр* 'Искомое находят, желаемое достигают' (тув.).

Персональность на лексическом уровне выражается личными местоимениями. Они указывают на участников речевого акта, например, якут. *мин* 'я', обозначает говорящего, *биһиги* 'мы' – группу лиц, в составе которой находится говорящий, *эн* 'ты' – собеседника или адресата, *эһиги* 'вы' – адресатов, *кини* 'он', *кинилэр* 'они' – не участника и не участников акта речи. Местоимения 1-го и 2-го лица используются только при указании на людей, за исключением случаев персонификации неодушевленных предметов, абстрактных понятий.

Местоимения 3-го лица грамматически противопоставляются местоимениям первых двух лиц, что в языковедческой литературе отмечалось издавна. Они по содержанию более разнообразны, поскольку, обладая заместительной функцией, могут содержать в себе различные понятия, названия. Кроме обозначения людей, личные местоимения 3-го л. иногда указывают на названия неодушевленных предметов, абстрактных понятий, т.е. на «не-лица». Например, якут.: *Глазунья дии, кини итинник оҥоһуулар, – официант быһааран көрөр* (КК, 50) 'Это ведь глазунья, она делается так'.

Личные местоимения в качестве самостоятельного разряда лексем рассмотрены во всех

грамматиках якутского языка, а также в работе Н.И. Даниловой [1991] подробно исследованы с точки зрения их этимологии, истории происхождения, образования падежных форм, синтаксических функций и т.д.

В якутском языке в большинстве высказываний лицо эксплицитно в глагольной форме, в силу этого, в таких случаях личные местоимения употребляются факультативно и не несут функциональной нагрузки с грамматической точки зрения, например, как в русском языке. В этом отношении в хакасском языке употребление местоимения 3-го лица множ. числа *олар* 'они' обязательно, если аффикс множ. числа в сказуемом не выражен. В тувинском языке в предложении личные местоимения могут употребляться дважды – в качестве существительного и в качестве сказуемого в составе финитного глагола или именного сказуемого.

Личные местоимения тувинского языка следующие: в един. числе 1-е л. *мен* 'я', 2-е л. *сен* 'ты', 3-е л. *ол* 'он'; во множ. числе 1-е л. *бис* 'мы', 2-е л. *силер* 'вы', 3-е л. *олар* 'они' [Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 216]. Интересно отметить, что в тувинском разговорном языке встречается иногда употребление местоимения множественного числа с двойным и даже тройным аффиксом множественного числа: *бистэр//бистерлер* (где *-с* также является исторически аффиксом множ. числа) 'мы', *силерлер* 'вы', *оларлар* 'они' [Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 216]. В хакасском языке личные местоимения имеют следующий состав: в един. числе: 1-е л. *мин* 'я', 2-е л. *син* 'ты', 3-е л. *ол* 'он'; во множ. числе: 1-е л. *пис* 'мы', 2-е л. *сирер* 'вы', 3-е л. *олар* 'они' [Баскаков, Инкижекова-Грекул, 1953, с. 416].

По фонетическому составу из всех сопоставляемых языков отличаются якутские местоимения. Предположения о происхождении отсутствующего в родственных языках элемента *-иги* в местоимениях 1-го и 2-го лица множ. числа *биһ-иги* 'мы' и *эһ-иги* 'вы' встречаем в работах О.Н. Бетлингга, С.В. Ястремского, Е.И. Убрятовой, Н.И. Даниловой. Как пишет Н.И. Данилова, якутские местоимения 1-го и 2-го лица множ. числа появились "в результате трансформации притяжательной формы общетюркских основ *бис-*, *эс-*: *бис-ин-ги*, *эс-ин-ги*" [Данилова, 1991, с. 33].

Если в тувинском и хакасском языках в роли местоимения 3-го лица выступает общетюркская указательная основа *ол*, то в якутском языке в

этой роли – слово *кিনি* 'он', о происхождении которого есть множество предположений. О.Н. Бетлингг и В.В. Радлов предполагают, что якутское местоимение *кিনি* 'он' может быть возведено к слову *киһи* 'человек'. По мнению Н.И. Даниловой, местоимение *кিনি* 'он', "является, видимо, более поздним образованием, если считать, что общетюркское местоимение *ол* 'кিনি' первоначально было указательным местоимением. Возможность же происхождения *кিনি* 'он' из *käntü* 'сам' и *киһи* 'человек' одинакова: оба эти слова (сам и человек) могли абстрагироваться и восприниматься как обозначение 3-го лица" [Данилова, 1991, с. 33].

Итак, как показывает материал, в сопоставляемых языках есть и сходные, и отличительные черты в выражении персональности.

В тувинском языке в отличие от других сравниваемых языков личные показатели 1-го и 2-го лиц как в единственном, так и множ. числе до сих пор сохраняют фонетический облик соответствующих личных местоимений. Выполняя в предложении лишь роль оформителя сказуемого, в морфологическом отношении они еще не перешли в разряд аффиксов. По мнению Ф.Г. Исхакова, "оформители сказуемости в тувинском языке находятся, по-видимому, в начальной фазе развития от самостоятельного слова к аффиксу, а именно: на стадии служебного слова" [Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 222]. Аналитический способ спряжения тувинского глагола, по предположению тюркологов, восходит к более древнему состоянию тюркских языков. В дальнейшем историческом развитии другие тюркские языки перешли к синтетическому построению финитных форм.

Отличительным характером якутского личного спряжения является оформление личными аффиксами инфинитных форм и способность данных форм функционировать в качестве независимых сказуемых в простых предложениях. Можно предположить, что независимые сказуемые, выраженные инфинитными формами, в якутском языке развились в результате опущения главного сказуемого сложных предложений. Например, в предложении *Баһылай эрэйдээх оччотообуга хараастыбыт-ы-н!* (НЛ М, 144) 'Тогда бедный Василий так расстроился!' (букв. Бедный Василий тогда расстроившегося+его) угадывается опущение глагола *көр-* 'смотри' в повелительном наклонении, перешедшее в значение модального слова: *Баһылай эрэйдээх оччотообуга*

хараастыбыт+ы+н көр! ‘Смотри, как тогда бедный Василий *расстроился!*’. С другой стороны, появляется возможность гипотетического утверждения, что «первое предложение (полипредикативная конструкция с причастно-падежным предикатом в зависимой части) оформило свою инфинитивную зависимую часть посредством склонения относительно самостоятельного предложения в винительном падеже» [Ефремов, 1998, с. 25]. В предложениях с главным сказуемым, выраженным деепричастием, также угадывается опущение второй части предложения. Например, предложение *Таах сибиэ онно бараммын!* ‘Зря я туда поехала’ могло выглядеть *Таах сибиэ онно бараммын эрэй-дэнним* ‘Зря я, туда поехав, намучалась’.

Общими чертами в трех языках является то, что личные аффиксы в 1-м и 2-м лицах един. и множ. чисел имеют местоименное происхождение. Об этом свидетельствует и то, что в древнетюркском языке предложение замыкается аналитическим личным предикативным показателем, т.е. личным местоимением: *Menga köp altun jumšar sen baluqni jaqsi saqlap sen* ‘Ты много золота посылал мне, ты хорошо оберегал народ’ [Древнетюркский словарь, 1969, с.660], *Men sizka kalgili men* ‘Я готов прийти к вам’ [Древнетюркский словарь, 1969, с. 340]. Что касается 3-го лица, то якутский язык отличается от двух других наличием аффиксов в 3-м лице *-a*, *-p* – в единственном числе, *-лар* и *-лара (-лар)* – во множественном числе. В хакасском языке аффиксы 3-го лица ед. числа отсутствуют, а в тувинском языке личный показатель *ол* применяется весьма ограничено, напр., *Ол ажылдап тур ол* ‘Он работает’, аффикс множ. числа 3-го лица в обоих языках употребляется факультативно.

Таким образом, в сравниваемых языках наблюдаем грамматическую однозначность личных аффиксов, единый тип спряжения. Наиболее отличительные черты из всех сравниваемых языков, на наш взгляд, имеет якутский язык.

Сокращения

АА ПУо – Амма Аччыгыйа. Пьесалар, уочаркалар. – Якутск, 1956. – 478 с.

ВЯ ОК – Василий Яковлев. Өрүстэр кирбиилэригэр. – Якутской, 1969. – 372 с.

ДС ААА – Даана Сард. Ааспыт ааспат амтана. – Дьокуускай: Бичик, 2009. – 192 с.

ИТ ДьХУИ – Иван Тарабукин, Владимир Тарабукин. – Дьокуускай харах уутун итэбэйбэт. Дьокуускай: Бичик, 2013. – 128 с.

КК – Көрдөөх кэпсээннэр: хомуурунньук. – Дьокуускай: Бичик, 2011. – 192 с.

ЛМ А – Леди Муус. Ахтылбан. – Дьокуускай: Бичик, 2011. – 384 с.

НЛ М – Николай Лугинов. Мэндизмэннэр. – Якутской: Кинигэ изд-та, 1980. – 200 с.

О БДЭ – Огдо. Буолар да эбит... – Дьокуускай: Бичик, 2013. – 320 с.

Литература

Баскаков Н.А., Инкижекова-Грекул А.И. Хакасский язык (Фонетическая структура, словарный состав и грамматический строй). – М., 1953. – 448 с.

Бондарко А.В. Семантика лица // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб: Наука, 1991. – С. 5–40.

Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 2. Синтаксис / Убратова Е.И., Петров Е.Н., Ефремов Н.Н. и др. – Новосибирск: Наука. 1995. – 336 с.

Данилова Н.И. Местоимение в якутском языке. – Якутск: ЯНЦ СО РАН. 1991. – 118 с.

Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 686 с.

Ефремов Н.Н. Логическое подчеркивание конца фразы (предложения) в некоторых диалектах языка саха (в связи с проблемой полипредикативных конструкций) // Якутский язык: диалектология. Сб. научных тр. – Новосибирск: Наука, 1998. – 94 с.

Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. – М.: Изд-во восточной литературы, 1961. – 472 с.

Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. – М.: Наука, 1970. – 307 с.

Коркина Е.И. Деепричастия в якутском языке. – Новосибирск: Наука. 1985. – 208 с.

Филиппов Г.Г. Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование: дис. ... доктора филол. наук. – Якутск, 1999. – 506 с.

Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. – Якутск: Госиздат ЯАССР, 1947. – 313 с.

V.I. Kharabaeva

Nuclear means of expressing personality in the Yakut language (in comparison with the Tuvan and the Khakas languages)

Nuclear means of expressing the category of functional-semantic category of personality are discussed in comparative aspect by the material of the Yakut, Tuvan and Khakas languages. Functioning indicators the categories of persons and personal pronouns in the analyzed languages is considered on the example of a simple sentence.

Turns out similar and different features in the expression of personality in the study of languages, compare the paradigm of the personal conjugation of the verb forms, as well as peculiarities of functioning of personal pronouns. A distinctive feature of the Yakut language in this regard is the regular personal infinite conjugation of the verb forms and the ability of these forms to function as independent verbs in simple sentences. The Tuvan language is the language of most of the tenses and moods of the verb conjugate analytical method using personal indicators (personal pronouns) that have not yet moved into the category of affixes. Differences in all the languages studies composition affixes imperative.

A feature common to all three languages is the fact that the personal conjugation of the verb has a pronominal origin. This fact is evidenced by the data of the ancient state of the Turkic languages, where a proposal is closed analytic personal predicate indicator, ie personal pronoun.

Keywords: comparative aspect, the Yakut language, Tuvan language, Khakas language, personal affixes, personal performance, personal pronouns, simple sentence.

УДК 81'374.3

Л.В. Роббек

О подаче фольклоризмов в Большом толковом словаре якутского языка

В статье представлен краткий анализ особенностей подачи и составления толкований фольклоризмов в Большом толковом словаре якутского языка. В результате проведённого анализа выделено два основных момента, касающихся: 1) технической стороны лексикографирования; 2) вопросов, относящихся к составлению собственно словарных дефиниций. Помимо этого, на основе полученных выводов представлен образец составления словарной дефиниции в планируемом нами словаре языка олонхо.

Ключевые слова: Толковый словарь якутского языка, словарь языка олонхо, язык фольклора, дефиниция, фольклоризмы.

В Большом толковом словаре якутского языка (далее – БТСЯЯ), ныне создаваемом коллективом сектора лексикографии ИГиПМНС СО РАН, в настоящий момент изданном в издательстве «Наука» в г. Новосибирске в 12 томах (буквы «А» – «У, Y»), содержится немалое количество фольклоризмов. К примеру, в первом томе (буква «А») содержится 75 дефиниций, отмеченных пометой *фольк.*, во втором томе (буква «Б») – 39 и т.д.

В данной статье мы проведём обзорный анализ толкований фольклоризмов в БТСЯЯ (анализ выполнен на материале I-го тома – буква «А» и II-го тома – буква «Б») и на основе данного анализа определим отличие дефиниций в БТСЯЯ и планируемом нами словаре языка олонхо (далее – СЯО).

Проведённый анализ показал, что значительных в интересующем нас аспекте моментов в БТСЯЯ не так уж много.

Вначале скажем следующее: некоторые дефиниции в БТСЯЯ могли бы быть отмечены пометой *фольк.*, но почему-то даны без какой-либо пометы [9 раз: Толковый словарь..., 2004, с. 325; 363; 385; 398 – 2 случая; 401; 420; 509]:

Алдьархай айаҕа ‘алдьархай төрдө, мүлчүрүйбэт алдьархай. • Беда (неизбежная, неминуемая)’ [Там же, с. 325]; *айыы сирэ аһаҕас (күн сирэ көндөй)* ‘Орто дойду киэн, онон ханна баҕарар барыахха, олоруохха сөп (үксүгэр атаҕастаһыт киһи атаҕастаһыт сириттэн барар кыахтаабын туһунан этии). • Земля широка (букв. земля добрая (добрых божеств) от-

крыта, подсолнечный мир свободен – *обычно говорят, когда терпят обиду где-л. и утешаются тем, что можно оставить это место*) [Там же, с. 363]; *Адабалаах Ала Буурай эмээхсин* ‘олонхоџо Аллараа дойду абааһыларын ийэлэрэ. • В олонхо – мать всех абаасы Нижнего мира’ [Там же, с. 385]; *аламай манган күн* ‘норуот айымньытыгар күнү хоһуйар уларыйбат формула-эпитет. • Постоянный эпитет-формула, живописующий благодатное солнце (*широко употр. в современной художественной литературе*)’ [Там же, с. 398]; *аан алаһа* ‘күндүттэн күндү абыраллаах төрөөбүт ньээкэ уйа. • Изначальная священная спасительная обитель, священный родной очаг’ [Там же, с. 401]; *аана суох алдьархай <иитэ суох илдьиркэй, издээн>* ‘издээн самай улахана, өлүү-үлүгэр кытаанаџа, дьулаана. • Страшное несчастье, горе и бедствие’ [Там же, с. 420]; *Ап-Чарай: ап-чарай быа (ситим)* ‘1) олонхоџо абааһы аймаџа айыы бухатырдарын утары туттар илбис (*ап*) ингэриллит быата. • Волшебная верёвка, которой пользуется род абаасы против богатырей айыы в героическом эпосе олонхо. 2) оџунан ытан күрэхтэһиигэ сыал гынар оџус бэрбээкэйин ыйыыр, халлаан илин өттүгэр турар, аптаах быа. • Волшебная верёвка, на которой висит на восточном небе бычьџа бабка, служащая мишенью в состязании в стрельбе из лука’ [Там же, с. 509].

Баай барылаах Байанайым (<Тойон> эһэм, эһэкэм) ‘саха өйдөбүлүгэр Байанай диэн уопсай аатынан биллэр тоџус иччилэртэн саамай улаханнара уонна баһылыктара. • В традиционных представлениях якутов – имя главного и старшего из девяти духов, известных под общим именем Баянай’ [Толковый словарь..., 2005, с. 228]; *баһын саллайдын, кутуругун сунтуйдун* ‘бара тур, түргэнник суох буол, мантан букатын тэй. • Убирайся вон (*букв.* пусть твоя голова увеличится, а хвост сузится)’ [Там же, с. 234]; *биир сымыт ханна сытыйбатаџай!* ‘хайата да биир, син биир. • Где наша не пропала!’ [Там же, с. 292]; *бокуйар сүһүөхтээх* ‘фольклорга саханы хоһуйан этэргэ туттуллар кубулуйбат эпитет сороџо. • В якутском фольклоре: часть эпитета, описывающего народ саха’ [Там же, с. 372]; *буспут мунду миинин курдук* ‘боролхой, болоорхой өнгөөх. • Мутный, неясный (*соотв.* как уха из гольяна)’ [Там же, с. 582]; *буура дохсун* ‘этини сүрдээн-кэптээн, дарбатан хоһуйан этэр кубулуйбат эпитет сороџо. • Один

из постоянных эпитетов к слову **гром**’ [Там же, с. 600]; *сатыы быллыт* ‘намыһаџынан устар быллыт. • Низкое облако’ [Там же, с. 715]; *күн <хараџата> тулунна, күһэнэ <быата> быһынна* ‘өлөр өлүү кэллэ, өлүү мүччүрүйбэт буолла. • Наступила смерть неминуемая (*букв.* отлетела закрепа солнца, оторвалось күһэнэ – *металлическая пластинка на спине шаманского костюма; по старинному поверью, если во время камлания порвётся шнур от күһэнэ, то шаман должен неминуемо умереть, тут же на месте*)’ [Там же, с. 772]; *<көрөн баран> чыпчылыыах бэтэрээ өттүгэр (икки ардыгар)* ‘олус түргэнник. • Очень быстро, в мгновение ока’ [Там же, с. 899].

По данному вопросу можно сделать два вывода: 1) некоторые выражения, отмеченные пометой *фольк.* могут функционировать как в языке якутского фольклора, так и иметь общезыковую сферу употребления. К примеру, такие выражения, как *аламай манган күн* ‘белое благодатное солнце’, *Баай барылаах Байанайым (<Тойон> эһэм, эһэкэм)* ‘в традиционных представлениях якутов – имя главного и старшего из девяти духов, известных под общим именем Баянай’, *сатыы быллыт* ‘низкое облако’ и т.д.

В Инструкции по пользованию БТСЯЯ этот момент конкретно не оговорён, поэтому возникают некоторые неясности как при пользовании словарём, так и при составлении.

2) Дефиниции некоторых устойчивых словесных комплексов (далее – УСК) составлены таким образом, что в самом толковании указано – поясняемое выражение функционирует в языке якутского фольклора. Однако специальными стилистическими определениями такие дефиниции не отмечены. Например: *аламай уу харах* ‘чаџылхай, килбэчигэс, уулаах (*фольк.* хараџы хоһуйар кубулуйбат формула-эпитет). • Влажный, блестящий, сверкающий (*постоянный фольк. эпитет-формула, живописующий глаза*)’ [Толковый словарь..., 2004, с. 398]; *бокуйар сүһүөхтээх* ‘фольклорга саханы хоһуйан этэргэ туттуллар кубулуйбат эпитет сороџо. • В якутском фольклоре: часть эпитета, описывающего народ саха’ [Толковый словарь..., 2005, с. 372] и др.

Указанный момент также не был уточнён в Инструкции. Но с целью единообразия словаря, представляется, что всё же помета здесь нужна, хотя в толковании и указано, что выражение функционирует в языке фольклора.

Кроме того, некоторые из дефиниций отмечены пометой *миф.*, хотя также могли бы быть отнесены к категории *фольк.*:

Сиэллээх сиэги мабан аартык ‘олохтоох Үрүн Аар Тойон дойдутугар тизэрдэр, илин халлааннанын, итии байдаллар анараа өттүлэринэн Иэйэхсит Ийэ хотун илэ бэйэтинэн киирэр аартыга. • Дорога под восточным небом, за тёплыми морями, украшенная конскими волосами, ведущая в Верхний мир, по которой нисходит госпожа Иэйэхсит’ [Толковый словарь..., 2004, с. 178].

Указанные выше моменты относятся больше к технической стороне вопроса. Тем не менее, они ещё раз подчёркивают, что в словарном деле всё является важным, что лексикографам необходимо просчитывать, продумывать каждую деталь в своей работе, вплоть до самых безобидных, на первый взгляд, моментов.

Теперь приступим к анализу вопросов, касающихся собственно словарных дефиниций.

1) В БТСЯЯ имеются случаи, когда дефиниция некоторых слов, в частности, архаизмов, составлена таким образом, что прямо указано – значение слова в настоящее время утрачено, а потому неизвестно. К примеру, толкование слова **айылы** составлено следующим образом: ‘алгыстарга туттуллар суолтата умнуллубут тыл. • Слово из старинных благопожеланий-алгысов, значение забыто (*воспринимается как поэтизм с положительным эмоциональным оттенком*)’ [Толковый словарь..., 2004, с. 360].

Словарь же языка фольклора – это специализированный словарь. Потому выявление, установление значений подобных слов здесь является прямой целевой установкой. Следовательно, в СЯО должно быть дано полное и точное толкование слов и выражений во всех случаях без исключения.

2) В БТСЯЯ при толковании большинства фольклоризмов даётся основная, однако не совсем полная и точная (*по сравнению с той, которая была бы дана в СЯО*) информация об их общем понятии.

Например: **айгыр-силик** ‘сиппит-хоппут, мунутаабыт, күөбүнэн симэммит (*аан дойдуну хоһуйууга кубулдуйбат эпитет сорбото*). • Покрытая густой зеленью, разукрашенная роскошным зелёным ковром (*часть постоянного эпитета матери-земли*)’ [Там же, с. 333]; **айынат хаан аймаҕа** ‘орто дойду дьоно, күн сирин дьоно. • Люди подсолнечной страны, люди Земли (*собирает этический образ людей, землян*)’ [Там же,

с. 350]; **айынаат** ‘айыы киһитэ, саха киһитэ. • Человек из племени айыы, якут’ [Там же, с. 361]; **бабыа: бабыа көмүс** ‘олонхо дьоруойдарын ыгыстарын эбэтэр тарбахтарын ойуулуур халбаннаабат эпитэт. • Постоянный эпитет, описывающий ладонь или палец персонажа якутского героического эпоса олонхо’ [Толковый словарь..., 2005, с. 96]; **иһик бадылҕах бадараан** ‘батыллыбыт кыайан тахсыбат оборчото. • Губительная трясина, засасывающая свою жертву’ [Там же, с. 118]; **көй бараан уйа** ‘көрүлээн-нарылаан, көччүйэн улааппыт дьыэ-уот, сирдойду. • Родимый дом, родимое гнездо, где прошло детство и юность’ [Там же, с. 193] и др.

Рассмотрим, чем могут отличаться дефиниции в БТСЯЯ и СЯО на примере анализа общеизвестного выражения **Аал Луук Мас**. В БТСЯЯ дефиниция данного УСК составлена следующим образом: ‘Олонхоҕо Орто дойдуну араначчылыыр, сир барҕа баайын сирэйдээн көрдөрөр мас. • Священное дерево страны олонхо’ [Толковый словарь..., 2004, с. 135].

Аал Луук Мас – это символ изобилия всего, что нужно человеку в жизни, выраженное плодородием Земли, а также триединства нашей Вселенной. Образом этого великого дерева якутский народ выразил своё неодолимое желание изобильной, прекрасной и счастливой жизни. По их представлениям, это роскошное дерево проросло сквозь небеса, но, побоявшись своей дерзости, спустилось обратно, и из кончика его главного из восьми разветвлений «капала благотворная жидкость на землю, которой питались все пролетающие птицы и пробегающие звери» [Кулаковский, 1979, с. 42].

По всей видимости, наши предки образ такого дерева увидели в дубе – «крупном лиственныйном дереве с крепкой древесиной» [Ожегов, 2007, с. 127]. На чём основано такое утверждение?

Фольклористы Н.В. Емельянов и В.В. Илларионов во вступительной статье к тексту олонхо «Могучий Эр Соготох» пишут: «Одним из поэтических мест якутских олонхо ... можно назвать воспевание священного дерева Аал (вариант: Аар) Кудук (Дууп, Луук, Дуук) Мас – Священное Изобильное Дерево (дууп, луук – видимо, от русск. дуб)» [Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох», 1996, с. 35]. «В самой ранней публикации олонхо О.Н. Бётлингком название священного дерева передано словосочетанием Аар Мас и объяснено как самое высокое и старое

дерево в лесу. Видимо, в ранний период развития олонхо священное дерево представлялось в виде огромной лиственницы или берёзы. С последующим развитием поэтики олонхо образ священного дерева усложнялся и превратился в более мифологизированный образ Аал Луук Мас, в «символ неувыдающего плодородия земли и вечного расцвета жизни на ней» [Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох», 1996, с. 35].

Известный якутский фольклорист И.В. Пухов также считал, что Аал Луук Мас – это дуб: «дух земли – Аан Алахчын хотун обитает в родовом священном дереве Аал Дууп-мас (Великое Дуб-дерево)» [Пухов, 1980, с. 10].

Очевидно, во времена создания олонхо в представлении малочисленного якутского народа, вынужденного вести изнуряющую борьбу за жизнь в крайне суровых условиях северной природы, образ цветущего могучего дуба, растущего в богатых землях Руси, действительно казался чем-то непоколебимым, нерушимым и способным принести радость и счастье в жизнь человека на земле. Потому мы склонны считать, что *Луук* – это фонетически модифицированное слово от русского *дуб - Дууп*.

Не менее интересна этимология эпитета, украшающего это дерево. Наиболее полное пояснение значения слова *аал* в якутском языке дано в БТСЯЯ: ‘Аал Луук Мас, аал уот, аал уххан курдук ситимнэргэ арахсыбат быһаары быһытынан туттуллар, чуолкай суолтата умнуллубут, «мунура суох ытыктабыллаах, абыраллаах» диэн өйдөбүллээх. • Встречается в единичных сочетаниях в качестве постоянного эпитета, точное значение забыто, понимается как «священный, спасительный» [Толковый словарь..., 2004, с. 135].

Помимо такого толкования слова *аал* в якутском языке существуют также глагол *аал I* ‘тугу эмэ тугунан эмэ ыга кыһарыйан сууралаа, кикирий (хол., ыраастаары, кылбатаары, быһаары, тонмуту ириэрээри). • Тереть, протирать (очищая, растирая, натирая)’ [Там же, с. 132] и существительное *аал II* ‘бэрэбинэлэри холбуу байан уһаарарга эбэтэр дүлүгнэри холбоон уунан сылдьарга аналлаах оноһук. • Связанные вместе брёвна, предназначенные для сплава леса или кратковременных перевозок, плот’ [Там же, с. 134]. Но эти слова по своему содержанию не могут быть определительным эпитетом священного мифологического дерева.

Поэтому, на наш взгляд, *аал* – это видоизменённый вариант слова *аар*: ‘лучший в своём роде, почтенный, священный, громадный; чистый; божественный’ [Попов, 2003, с. 53] (от тюрк. *ары, ару, арыг* ‘чистый; истинный; светлый, ясный’ [Там же, с. 53]).

Следовательно, мы считаем, что выражение *Аал Луук Мас* вначале могло звучать как *Аар Дууп Мас*, но позднее, по всей видимости, в пределах данного выражения произошла небольшая звуковая ассимиляция. Рассмотрим данный процесс.

Наиболее вероятно, что первым произошло изменение слова *дууп* в *луук*. Очевидно, данное изменение следует воспринимать как звуковое варьирование, способствующее приспособлению русизма *дууп* к якутскому языку, а именно, особенностям произношения якутами слов в речевом процессе: «Вариация д-л встречается в заимствованиях из монгольского и русского языков и отражает своеобразный процесс утверждения этих согласных в начале якутского слова. ... Вариация д-л обычно осуществляется как замена этимологического д начала монгольских и русских слов плавным л. Примеры: *дабархай – лабархай – лабаххай; дуохтуур – луохтуур*» [Дьячковский, 1977, с. 90].

Далее, по всей видимости, логически произошла модификация слова *аар* в *аал*. «В якутском языке вообще отсутствуют сочетания *сл, рл, нл*» [Там же, с. 159]. Сочетание слов *аар* и *луук* в пределах одной формульной конструкции, которая, по сути, является своего рода одним неразделимым целым (состав формул в олонхо в большинстве случаев неизменяем, а постоянство лексического состава формулы в сознании носителей языка создаёт ощущение некоей её целостности, нераздельности), по крайней мере, неудобно с точки зрения норм якутской орфоэпии. Поэтому мы считаем, что конечный согласный [р] в слове *аар* не согласуется с начальным согласным [л] в слове *луук*. «Чередование р-л на стыке основы и аффикса осуществляется в одних случаях без исключения для данной грамматической формы, а в других – весьма непоследовательно, только в отдельных словах или группе слов. При этом фонетические или иные мотивы чередования р-л не поддаются какому-либо уверенному истолкованию с позиций современных норм якутского языка. Ещё О.Н. Бётлингк обратил внимание на различный характер ассимиляции р и л на стыке ос-

новы и аффикса в именах и глаголах и привёл характернейший для якутского языка пример *көтөрдөр көтөллөр*, в котором из *көтөр+лөр* (причастие *көтөр* «летающий, летящий» + аффикс множ. числа *-лар*) получились две разные формы: *көтөрдөр* в значении существительного, *көтөллөр* в значении настоящего времени глагола для 3-го лица множ. числа [Там же, с. 167–168].

Таким образом, исследования по звуковому строю якутского языка в известной степени подтверждают данную гипотезу. Отсюда, по нашему мнению, дефиниция УСК *Аал Луук Мас* в СЯО может выглядеть следующим образом: «Киһиэхэ олох олороругар наадалаах уйгута-быйана бу сиргэ дэлэйн, итиэннэ Аан дойдуга баар туох барыта биир кэлимин уобарастаан көрдөрөр ытык мас. • Священное мифологическое дерево, символизирующее изобилие всего, что нужно человеку в жизни, выраженное плодородием Земли, а также единство, целостность Вселенной».

Таким образом, работа над составлением дефиниции в СЯО носит специфический характер, а научную ценность имеют не только собственно словарные дефиниции, но и результаты, полученные в процессе лексикографирования. Ведь составителям СЯО необходимо подкреплять словарные дефиниции какими-либо аргументами из других достоверных научных источников: различных словарей, трудов по языку, фольклору, литературе, мифологии, философии, религии, истории, культуры, различных комментариев, приложений, данных к текстам якутского эпоса и

т.д. Потому работа над СЯО может дать очень много интересного и нового практически во всех областях якутского языкознания. БТСЯЯ же в этом отношении является добротной базой, способной дать основу для составления дефиниций наиболее распространённых фольклоризмов, а также богатейшим источником, способным оказать неоценимую помощь фольклорным лексикографам по многим вопросам.

Литература

- Дьячковский Н.Д.* Звуковой строй якутского языка. Ч. II. Консонантизм. – Якутск: Кн. изд-во, 1977. – 254 с.
- Кулаковский А.Е.* Научные труды. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – 482 с.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка: Ок. 53000 слов / С.И. Ожегов; под. общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство «Оникс»»: ООО «Издательство “Мир и Образование”», 2007. – 640 с.
- Попов Г.В.* Этимологический словарь якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2003. – 180 с.
- Пухов И.В.* Олонхо – древний эпос якутов // От фольклора к литературе: Сб. ст. – Якутск: Кн. изд-во, 1980. – 128 с.
- Толковый словарь якутского языка / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. – 680 с.
- Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2005. – 912 с.
- Якутский героический эпос «Могучий Эр Согодох». – Новосибирск: Наука, 1996. – 440 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

L.V. Robbek

About submitting folklorism in Great Dictionary of the Yakut language

The article presents a brief analysis of the characteristics of the supply and preparation interpretations folklorism in the Great Dictionary of the Yakut language. As a result of the analysis highlighted two main points concerning: 1) the technical side lexicographically; 2) issues relating to the proper compilation of the dictionary definitions. In addition, on the basis of findings presents a sample compilation of the dictionary definition in the planned us the dictionary of the language of Olonkho.

Keywords: Explanatory Dictionary of the Yakut language, language dictionary of Olonkho, folklore language definition, folklorism.

Лексика традиционной одежды саха в текстах олонхо*

Фольклорные тексты содержат в себе подробные описания одежды персонажей олонхо. В статье дается общая характеристика состава лексики, обозначающей традиционную одежду, по материалам 5 текстов олонхо. Кластерный подход позволил автору статьи учесть слова различной частеречной принадлежности, представляющей конкретный фрагмент фольклорной картины мира. Нами составлен словник, в который вошли лексемы существительные, обозначающие наименования одежды и предметов, служащих её дополнением, деталей, тканей, украшений, а также слова других частей речи, имеющие непосредственное отношение к данной группе слов, общее количество которых составило 96 единиц. Из них 64 лексемы являются существительными, 23 – глаголами, 9 – прилагательными. Установлено, что в текстах олонхо встречаются устаревшие, диалектные наименования одежды, её деталей; слова, обозначающие названия тканей; слова, обозначающие материал; заимствования из русского языка. Выявлены наиболее частотные лексемы-наименования одежды: бэргэһэ ‘шапка’, таһас ‘общее наименование одежды’, сон ‘шуба’, сабыннах ‘шуба, доха’, глаголы таһын ‘одеваться, облекаться *чем* или *во что*’, таһын-симэн ‘одеваться нарядно, наряжаться’. Большое количество выявленных лексем предполагает их дальнейшую группировку. Выделено восемь субкластеров. Употребление сказителями данных слов в текстах олонхо свидетельствует о степени их значимости в фольклорной традиции народа саха.

Ключевые слова: традиционная одежда, детали и элементы, эпос, текст олонхо, кластер, лексика, семантика, тематическая группа.

Памятники материальной культуры и произведения устного народного творчества взаимосвязаны. Так, нередко фольклорные тексты содержат в себе подробные описания одежды персонажей олонхо. В этом плане олонхо выступает своеобразным средством фиксации и распространения богатого информативного материала. В данной статье мы даем общую характеристику состава лексики, обозначающей традиционную одежду, по материалам 5 текстов олонхо (“Нюргун Боотур Стремительный” П.А. Ойунского (НБС), “Строптивый Кулун Куллустуур” И.Г. Тимофеев-Теплоухова (КК), “Дьырыбына Дьырылыатта Кыыс Бухатыыр” П. Ядрихинского (ДьДь), “Ала-Булкун” Т.В. Захарова-Чээбийэ (АБ), “Кыыс Дэбилийэ” Н.П. Бурнашева) (КД) общим объемом 160 п.л.

Вслед за лингвофольклористами [Бобунов, 2015, Степанова, 2015], мы придерживаемся кластерного подхода, предполагающего учет слов различной частеречной принадлежности, представляющих конкретный фрагмент фольклорной картины мира. Нами составлен словник, в который вошли лексемы, с наименованиями одежды и предметов, служащих её дополнением, деталей,

тканей, украшений, а также слова других частей речи, имеющие непосредственное отношение к данной группе слов, общее количество которых составило 96 единиц. Из них 64 лексемы являются существительными, 23 – глаголами, 9 – прилагательными. В статье мы более подробно рассмотрим наиболее частотные имена существительные. Представим их в виде таблицы.

Как видно из таблицы, из всех рассмотренных нами 5 текстов олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П.А.Ойунского отличается как по количеству использования наименований одежды и ее деталей (39), так и по количеству словоупотреблений (178). В целом список представлен словами, обозначающими конкретные предметы одежды. В текстах олонхо встречаются устаревшие, диалектные наименования одежды, её деталей, которые, безусловно, включены в словник: мыаннарык *уст.* ‘завязки у женских натазников (сыалыйа), для подвязывания к ним наколенников (сутуруо)’. *Ср. тюрк.* баҕ ‘веревка’, намыаска *уст.* ‘повязка, предохраняющая от холода лоб, щеки и подбородок. *русск.* ‘наушка’, саныйах *диал.* ‘шуба’; бэристээнки ‘перстянки, перчатки; перчатки на меху до пальцев, стягивающиеся у

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 15-14-14004.

Лексема	НБС	КК	Дь Дь	АБ	КД	Всего
1	2	3	4	5	6	7
1. бэргэнэ 'шапка'	25	16	9	4	2	56
2. тирии 'ровдуга, замша, кожа'	21	2	–	15	–	38
3. тангас 'одежда'	16	11	9	13	–	49
4. симэх 'украшение'	13	3	1	1	–	18
5. сон 'шуба'	11	3	5	4	–	23
6. куйах 'кольчуга'	11	2	10	1	–	33
7. сағынньах / сангыях 'доха, шуба'	8	3	–	–	–	11
8. сыалдыа / сыалыйа 'натазники'	7	3	–	10	–	20
9. бэргэнэ быата 'шнурки для завязывания шапки'	6	3	–	–	–	–
10. хаалтыс 'галстук'	6	–	–	1	1	8
11. сутуруо 'ноговицы'	5	4	–	1	1	11
12. сутуруо быата 'ремешки для завязывания ноговиц'	5	3	–	–	1	9
13. этэрбэс 'торбаса'	4	4	2	4	–	14
14. ыстаан 'штаны'	4	1	2	1	1	9
15. туһахта 'круглая бляха, служащая украшением'	4	–	–	–	–	4
16. арбаҕас 'ветхая доха'	3	2	–	–	–	5
17. сыалыйа быата 'завязки натазников'	3	–	–	–	–	3
18. олооччу 'торбаса с короткими голенищами'	3	–	3	–	–	6
19. намыаска 'наушник'	3	2	–	–	–	5
20. сэлээппэ 'шляпа'	3	–	–	–	–	3
21. кур 'пояс'	2	2	–	9	–	13
22. үтүлүк 'рукавицы'	2	3	5	3	–	13
23. сараппаан 'сарафан'	2	–	–	–	–	2
24. дьябака 'женский головной убор'	2	–	3	–	2	7
25. этэрбэс быата 'ремешки для завязывания торбасов'	2	–	–	–	–	2
26. чопчуур 'украшения у верхушки шапки'	2	–	–	–	–	2
27. сарыы 'выделанная мягкая кожа из оленьей шкуры, ровдуга, замша'	2	3	1	2	–	8
28. түнэ 'лосиная, оленья замша, очищенная от шерсти'	2	2	1	2	–	7
29. бытырыыс 'бахрома, кисти одежды'	2	3	–	–	–	5
30. мыаннарык 'завязки у женских натазников (сыалыйа)'	1	–	–	3	–	4
31. моойторук ' меховой ошейник (шарф)'	1	2	–	3	–	6
32. халпаак 'колпак'	1	–	–	–	–	1
33. байбара 'оборка'	1	–	1	–	–	2

1	2	3	4	5	6	7
34. бастыга ‘начальник’	1	–	–	–	1	2
35. энээр ‘полы одежды’	1	1	–	–	–	2
36. саары ‘кожа’	1	–	–	–	–	1
37. оноо ‘разрез от подола’	1	–	3	2	–	6
38. кэтинчэ ‘ меховые чулки (на высоту торбасов)’	1	–	1	–	–	2
39. туллай этэрбэс ‘летние легкие домашние торбаса коротким голенищем’	1	–	–	–	–	–
40. солко ‘шелк, шелковый’	–	5	–	2	–	7
41. халаат ‘халат’	–	2	–	–	–	2
42. былаат ‘платок’	–	2	–	2	1	5
43. хомуһуол ‘камзол’	–	1	–	–	–	1
44. бэристээнки ‘перстянки, перчатки’	–	1	–	–	–	1
45. хампа ‘канфа, толстая одноцветная китайская ткань’	–	2	1	–	–	3
46. ырыыса ‘ряса’	–	2	–	–	–	2
47. торбо 1. <i>суц. устар.</i> шелковая или простая ткань голубого, синего или зеленого цвета. 2. <i>прил.</i> зеленый, голубой или синий.	–	1	–	–	–	–
48. сукуна ‘сукно; суконный’	–	1	–	–	–	1
49. сижэ ‘рукав, рукава’	–	1	–	2	–	3
50. сэрэмээт ‘недубленая кожа, сыромять; <i>что-л.</i> изготовленное из такой кожи	–	1	–	8	–	9
51. ырбаахы ‘рубаша’	–	–	2	–	–	2
52. кизгэл ‘украшение’	–	–	2	–	–	2
53. болтуо ‘пальто’	–	–	1	–	–	1
54. дьорбуонка ‘ермолка’	–	–	1	–	–	1
55. халадаай ‘холодай, женская рубаша’	–	–	1	–	–	1
56. атаһ танһаһа ‘обувь’	–	–	1	–	–	1
57. биил ‘талия’ (<i>одежды</i>)	–	–	1	–	–	1
58. дьогдьуур ‘декоративные сборки (складки) на рукавах женской верхней одежды по плечу, буфы’	–	–	–	1	–	1
59. тимэх ‘застежка для петель одежды, пуговица’	–	–	–	1	–	1
60. сэлиэччик ‘жилет’	–	–	–	1	–	1
61. бэлэнник ‘обшлаг, манжет’	–	–	–	1	–	1
62. баһымькы ‘башмаки’	–	–	–	1	–	1
63. купаайка ‘фуфайка’	–	–	–	–	1	1
64. тангалай ‘нарядная шуба’	–	–	–	–	1	1
Кол-во словоупотреблений	178	97	64	98	12	–
Кол-во лексем	39	33	23	27	10	–

запястья шнурком») [Пекарский, 2008а, стб. 440]; слова, обозначающие детали одежды: байбара ‘оборка’; энээр ‘полы одежды’; оноо 1. разрез от подола (*об одежде*). 2. широкая вставка в складке на спине; дьогдьюур ‘декоративные сборки (складки) на рукавах женской верхней одежды по плечу, буфы’; бэлэнник ‘обшлаг, манжет’; слова, обозначающие названия тканей: солко ‘шелк’; торџо 1. *суц. устар.* шелковая или простая ткань голубого, синего или зеленого цвета. 2. *прил.* зеленый, голубой или синий; *др.-тюрк.* торху, тув. торбу, *алт.* төркө, хампа ‘канфа, толстая одноцветная китайская ткань’; кытаайка ‘китайка, нанка (бумажная ткань; *ср.* торџо) [Пекарский, 2008а, стб.1441]; слова, обозначающие материал: тирии ‘ровдуга, замша, кожа’; сэрэмээт ‘недубленая кожа, сыромять’, сукуна ‘сукно’. Среди них можно отметить заимствования из русского языка: халаат ‘халат’, хомууол ‘камзол’, сараппаан ‘сарафан’, хаалтыс ‘галстук’, намыаска ‘наушник’, халпаак ‘колпак’, ыстаан ‘штаны’, болтуо ‘пальто’ и т.п. Употребление сказителями данных слов в текстах олонхо свидетельствует о степени их значимости в фольклорной традиции народа саха.

Следует отметить количественную асимметрию вошедших в словарь наименований одежды, деталей: 39 единиц из НБС, 34 – СКК, 27 – АБ, 8 – КД.

В группе наиболее частотных в сопоставляемых текстах олонхо оказались лексемы бэргэһэ (56 с/у), танас ‘одежда’ (49 с/у), тирии ‘ровдуга, замша, кожа’ (38 с/у), куйах ‘кольчуга’ (33 с/у), сон ‘шуба’ (23 с/у), сыалдыа ‘натажник’ (20 с/у), симэх ‘украшение’ (18 с/у), этэрбэс ‘торбаса’ (14 с/у), сабынньах ‘доха’ (11 с/у), сутуруо ‘ноговицы’ (11 с/у) и т.д. Высокую частотность употребления лексемы *бэргэһэ* в просмотренных нами текстах олонхо можно объяснить тем фактом, что иногда характеристика персонажей олонхо передается только с помощью описания головного убора, например, родоначальник племени-айыы Үрүҥ Аар тойон изображается так: *Үс киис кыыл тириштэ өллүргэлээх Үрдүк нуобай бэргэһэлээх... Үрүҥ Аар тойон..* [Ойунский, 2003, с.350] Престарелый Юрюнг Аар Тойон В высокой шапке из трех соболей [НБС, 1983, с.274]. В текстах олонхо лексема бэргэһэ встречается в разных сочетаниях: *муостаах нуобайдаах бэргэһэ* ‘старинная женская (из ножных шкурок и пр.) шапка, рогатая и с пером на верхушке’, *муос кураах бэргэһэ* ‘рогатая шапка из девяти приложенных одна к

другой головных с рогами шкур самца-лося’, шлем’, *чомпой бэргэһэ* ‘высокая зимняя шапка, похожая на чепец, с высокой макушкой и наушниками, *ураа бэргэһэ* ‘старинная остроконечная шапка’, *дыбака бэргэһэ* ‘женская шапка; меховая изнутри и снаружи, высокая, закрывающая уши’, *мэрипиэс тириштэ бэргэһэ* ‘шлем из шкуры зверя’ и т.д.

В разряде частотных оказалась и лексема танас что вполне закономерно, поскольку она означает ‘общее наименование одежды’. В текстах олонхо лексема *танас* сочетается с довольно широким кругом слов, например, түрбэ танас ‘тюк ткани’, быгырыыс танас ‘одежда с бахромой’, тимир танас ‘железная одежда’, тимир куйах танас ‘железная кольчуга’, көмүс куйах танас ‘серебряная кольчуга’, айыы танаһа ‘одежда божества айыы’ и т.д. В лексикографических источниках обнаруженные нами сочетания көбүс танас ‘рубаха’, дьэллик танас ‘ярко-пестрая одежда’ не зафиксированы. [Тимир Дьигистэй] *Көхсүгэр күлгэри ойуулаах Көбүс танастааҕа Көтүрүтэ сынньылынна.* [Ойунский, 2003, 152]. Кожаная рубаха его, На которой огненный змей Был красиво изображен, Свалилась с широких плеч... [НБС, 1983, 116]. [Удабан] *Куладыйар дьэллик танастаах* [Ойунский, 2003, 351]. ‘На ней [шаманке] ярко пестрая одежда’ [перевод наш. – Г.Л.].

Интерес представляют лексемы *сон* (23 с/у) и *сабынньах* (11 с/у). Сон – общее название женской и мужской верхней одежды, пальто из сукна, меха или ровдуги [Толковый словарь, 2011, с.521], тон ‘платье, одежда’ [Древнетюркский словарь, 1969, с. 574]. В эти разновидности верхней одежды одеты персонажи и айыы аймаҕа и Нижнего мира. Лексема сон означает шубу, встречается в различных сочетаниях, например, *бууттаах / бууктаах сон*. Персонаж племени айыы Аан Алахчын (богиня) одета в меховую шубу бууттаах сон, которая сшита из шкуры бобра и имела длину почти до пят: *Аан Алахчын... Буоҕуралаах бууттаах соно Буорунаҥ-сириэн охсуллан...* *Ханайа ойон табыста* [Ойунский, 2003, с. 71]. *Аан Алахчын Накинула на себя Длинную одежду свою Из драгоценных мехов.* [НБС, 1983, с.54]. Лексема сабынньах в «Толковом словаре якутского языка» определяется следующим образом: дорожная меховая доха или шуба мехом наружу [Толковый словарь, 2011, с.137]. В Словаре Э.К. Пекарского дается такое пояснение: доха; длиннополый женский меховой каф-

тан, надеваемый шерстью наружу [Пекарский, 2008б, стб. 2020]. *Ср. алт. дьака* ‘доха’. М. Ряснен считает **яку** ‘доха’ общим монголо-тюркским словом. Ссылаясь на работы Н. Поппе, он перечисляет ойротские варианты слова: **яку**, **якку**, **яка**. Также приводит *ойрот.*, *телеут. якку*, *барабин. йабы*, *сойот. чабы*, *остяк. йага*, *вогул. йахэ*, *русск. яга*, *якут. сабыньях*, *сангийях*. Возводит к *монг. даху*. От него же производит *русск. доха*, *тунг. даку* [Рассадин, 1980, с. 180].

Меховые дохи из шкур и меха пушных зверей рыси, соболя, бобра – носили персонажи айыы аймаҕа – племени добрых людей. [Айыыһыт Хаан хотун] Байбара-маҕан санныгар Бэдэр бэрдэ сабынньаҕын Бэлтэгэйдии ууран Кэттэ кэппитинэн Кэлбит [Ойунский, 2003, с.32]. [Айыысыт] Появившаяся на свет с накинутой на плечи дохой из отборных рысьих мехов [НБС, 1983, с.16].

Персонажи Нижнего мира – абааһы одеты в гнилые, полинявшие, облезлые шкуры домашних животных. [Абааһы уола] Сотуун тириитэ сонун Сототун ортотугар диэри кэппит [Ойунский, 2003, с.49]. [Абааһы] Долгополоую шубу Из облезлых шкур двадцати волов, Павших от шатуна одел [НБС, 1983, с.36]. Тимир Дьигистэй] Сэттэ кэрэх тириитэ сабынньахтааҕа Сиритэ сынньыллан хаалла [Ойунский, 2003, с. 152]. [Тимир Дьигистэй] Лохмотьями летела с него Облезлая доха [НБС, 1983, с.116].

Примечательной является лексема арбаҕас ‘облезлая ветхая доха с полинявшим мехом’. Данная лексема не попала в список наиболее частотных, но она употребляется при описании верхней одежды только персонажей Нижнего мира: [Улуу ойуун] Абааһы тириитэ Арбаҕастаах, Ытык тириитэ Сыалдьалаах [Ойунский, 2003, с. 348]. [У великого шамана] Из чертовой кожи На нем доха, Шаровары – из жертвенных шкур [НБС, 1983, с. 273].

Высокую частотность наименования этэрбэс ‘торбаса’ определяет, видимо, разнообразие данного вида обуви: Уот Ухутаакы ... Отут бууттаах Олооччума этэрбэстээх [Ойунский, 2003, с.258] Тридцатипудовые на ногах Железные торбаса-сапоги [НБС, 1983, с.197]. [Ньургун Боотур] Онньунан барбыт Оллойд-боллойд курдук Туллай этэрбэстээх [Ойунский, 2003, с. 308]. Покатился Ньургун Боотур по земле, Превратился в нищего старика... В заскорузлых стоптанных торбасах, В оборванной, облезлой дохе [НБС, 1983, с. 240]. Олооччу этэрбэс ‘торбаса с короткими голенища-

ми’, туллай этэрбэс ‘легкие торбаса с коротким голенищем’.

Наряду с существительными, в список употребительных лексем попали и слова других частей речи. Среди них глаголы тангын ‘одеваться, облекаться чем или во что’, тангын-симэн ‘одеваться нарядно, наряжаться или одеваться старательно, обстоятельно’, тангыннар ‘одевать, облекать кого-л. во что’. «Бөбө» диэбит Тагастарын таннан, ... Сага сангара, тыл этэ турдулар [КК, 1985, 8370]. Оделись в одежды, Которые считали [самыми] прочными. Айыы Нуоралдын хотун Аймана түстэ...Хатыгынайан туран Бууттаах сонун, Буобуралаах бэргэһэтин Тангнн-симэнэн Наннас гына түстэ... [Ойунский, 2003, с.192]. Расторопно хозяйка белых небес Накинула легкую шубу свою, Надела бобровый колпак; Величая в пышном наряде [НБС, 1983, 147]. Бу [түүлээх] таҕаһы[нан] ылан, Билиги дьахтары... Саас сааһынан тангыннаран Симээн кэбистилэр [КК, 1985, 10830]. Взяли эту одежду[меховую], Надели [все как полагается], Принарядили женщину.

Из группы прилагательного выделяется лексема солко ‘шелковый’, которая встречается в сочетаниях солко былаат ‘шелковый платок’, солко танас ‘шелковая одежда’.

Большое количество выявленных лексем предполагает их дальнейшую группировку. Поскольку подразделение данного кластера на субкластеры является непростой задачей, мы, безусловно, учитываем имеющийся в лингвистике лексикографический опыт и ориентируемся на классификации, предложенные разными исследователями, но видоизменяем их применительно к собранному материалу. В результате нами было принято решение выделить восемь субкластеров. Представим их.

1. Общие наименования одежды

1. танас ‘одежда’
2. танас-сап ‘одежда и обувь’
3. симэх-танас ‘наряд, одежда’
4. танас-хаар ‘одеяние,
5. түрбэ танас ‘тук ткани’
6. тас танас ‘верхняя одежда’,
7. ис танас ‘нательная одежда’
8. көбүс танас ‘нательная одежда’
9. кыырап танас ‘костюм для камлания’
10. танас-куйах ‘одежда-кольчуга’

2. Названия верхней и нательной одежды

1. сабынньах 'доха'
2. сон 'шуба'
3. арбаџас 'доха'
4. сутуруо 'ноговицы'
5. ыстаан 'штаны'
6. сыалдыа 'натазники'
6. хомуһуол 'камзол'
7. сараппаан 'сарафан'
8. ырбаахы 'рубашка; платье'
9. халат 'халат, свободная верхняя рубаха',
10. сэлиэччик 'жилет'
11. куппайка 'фуфайка'

3. Лексика головных уборов, обуви, рукавиц

1. бэргэһэ 'шапка'
2. дыбака 'женский головной убор'
3. сэлэппэ 'шляпа; шапка; головной убор'
4. дьорбуонка 'ермолка'
5. халпаак 'колпак'
6. былаат 'платок'
7. этэрбэс 'торбаса'
8. сутуруо 'ноговицы'
9. кэтинчэ ' меховые чулки (на высоту торбасов)'
10. баһымыкы 'башмаки'
11. олооччума 'кожаные торбаса с короткими голенищами'
12. туллай этэрбэс 'летние легкие домашние торбаса с коротким голенищем'
13. үтүлүк 'рукавицы'
14. бэристээнки 'перчатки, перчатки'

4. Лексика украшений

1. симэх 'украшение'
2. киэргэл 'украшение'
3. ытарџа 'серьги'
4. бөџөх 'женское украшение, носимое на запястье'
5. кыбака 'декоративная цепь из золота, серебра и других металлов'
6. кыбака симэџэ 'серебряные подвески в несколько рядов, длиной почти до земли, украшающие кожаные трупсы невесты'
7. түөс симэџэ 'нагрудное украшение'
8. өттүк симэџэ 'набедренное украшение'
9. илин кэбиһэр 'нагрудное украшение'
10. туһахта 'круглая бляха, служащая украшением'

11. чопчуур 'украшения у верхушки шапки'
12. бастынга 'начальник'

5. Детали одежды

1. байбара 'оборка'
2. энээр 'полы одежды'
3. оноо '1. имеющий разрез от подола (об одежде). 2. этногр. имеющий широкую вставку в складке на спине'
4. дьогдьуур 'декоративные сборки (складки) на рукавах женской верхней одежды по плечу, буфы'
5. бэлэнник 'обшлаг, манжет'
7. бытырыыс 'бахрома, кисти одежды'
8. сизх 'рукава'

6. Наименования, дополняющие одежду

1. моойторук 'шарф'
2. кур 'пояс'
3. тимэх 'пуговица'
4. хаалтыс 'галстук'
5. бэргэһэ быата 'шнурки для завязывания шапки'
6. мыаннарык 'завязки у женских натазников (сыалыйа)'
7. этэрбэс быата 'ремешки для завязывания торбасов'
8. сутуруо быата 'ремешки для привязывания к натазникам'
9. сыалыйа быата 'завязки натазников'

7. Ткани, материалы для одежды

1. сэрэмээт 'недубленая кожа, сыромьять, что-л. изготовленное из такой кожи (напр. веревка, пояс)', русск. сыромьять; сыромьятный
2. сарыы 'выделанная мягкая кожа из оленьей шкуры, ровдуга, замша; ровдужный, замшевый'
3. түнэ 'лосиная, оленья замша, очищенная от шерсти; лосиный'
4. солко 'шелк; шелковый'
5. кытаайка 'китайка, нанка (бумажная ткань); бумажный'
6. торџо устар. шелковая или простая ткань голубого, синего или зеленого цвета; зеленый, голубой или синий.
7. саары 'кожа; кожаный'
8. хампа 'канфа, толстая одноцветная китайская ткань;'
9. тирии 'ровдуга, замша, кожа; ровдужный, замшевый, кожаный'

8. Действия, связанные с ношением одежды

1. тангын 'одеваться'
2. тангыннар 'одевать *кого-л.*'
3. симээ 'одевать; наряжать *кого-л.*'
4. симэн 'наряжаться'
5. кэт 'надеть *какую-л.* одежду'
6. алдыат 'порвать *что-л.*'
7. тик 'шить *что-л.*'
8. ыл 'взять *что-л.*'
9. бул 'найти *что-л.*'
10. уһул 'снять *что-л.*'
11. бүрүн 'накинуть на себя *что-л.*'
12. аннын 'одеваться, натянуть на себя *какую-л.* одежду'
13. тимэхтэн 'застегивать пуговицу'
14. уурун 'напрячь *что-л.*'
15. аттар 'сшивать из лоскутков'
16. курдан 'опоясываться, подпоясываться'
17. кизргэн 'красиво одеться, нарядиться'
18. көтүрүтэ сыннылынна 'разрушить'
19. уур 'положить *что-л.*'
20. суулаа 'укутывать *кого-л. во что-л.* тёплоё'
21. сыгыннахтаа 'раздевать *кого-л.*'
22. иилин 'накидывать *что-л. на что-л.*'
23. тал 'выбирать *что-л.*'

Выделенные группы отличаются и по количеству составляющих их лексем, и по числу словоупотреблений. Самой обширной по обоим признакам оказалась группа «Верхняя и нательная одежда». Высокую частотность наименования определяет, вероятно, разнообразие функций предмета, названного данным словом.

Таким образом, широкое употребление наименований одежды в просмотренных нами текстах свидетельствует о том, что они пользовались популярностью в те времена.

Следующим этапом нашей работы будет подготовка соответствующего словарного материала на базе пословиц и поговорок, фразеологизмов.

Список сокращений

АБ – Ала-Булкун. Якутское олонхо / сказитель Т.В. Захаров-Чээбий; запись В. Н. Васильева. – Якутск: Сахаполиграфиздат, 1994. – 103 с.

ДьДь – Дьырыбына Дьырылыатта Кыыс Бухатыыр. – Якутск: Книж.изд-во, 1981. – 200 с.

КД – Кыыс Дэбилийэ: Якутский героический эпос. – Новосибирск: Наука, 1993. – 330 с.

КК – Строптивый Куллустуур. Якутское олонхо / сказитель И.Г. Тимофеев-Теплоухов. – М.: Наука, 1985. – 608 с.

НБС – Нюргун Боотур Стремительный: Якутский героический эпос-олонхо / пер. с якут. В. В. Державина. 2-е изд. – Якутск: Кн. изд-во, 1983. – 432 с.

Литература

Ала-Булкун. Якутское олонхо / сказитель Т. В. Захаров-Чээбий; запись В. Н. Васильева. – Якутск: Сахаполиграфиздат, 1994. – 103 с.

Бобунов А.М. Сравнительная характеристика кластера «Одежда» в английских и русских народных песнях // Лингвофольклористика. – 2015. – № 22. – С. 55 – 56.

Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.

Дьырыбына Дьырылыатта Кыыс Бухатыыр. – Якутск: Книж.изд-во, 1981. – 200 с.

Кыыс Дэбилийэ: Якутский героический эпос. – Новосибирск: Наука, 1993. – 330 с.

Нюргун Боотур Стремительный: Якутский героический эпос-олонхо / пер. с якут. В. В. Державина. 2-е изд. – Якутск: Кн. изд-во, 1983. – 432 с.

Ойуунускай П.А. Дьулуруйар Ньургун Боотур. – Якутск: Сахаполиграфиздат, 2003. – 544 с.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. 3-е изд. – СПб.: Наука, 2008а. Т. I. – 1280 стлб.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. 3-е изд. – СПб.: Наука, 2008б. Т. III. – 3857 стлб.

Рассадин В.И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. – М.: Наука, 1980. – 114 с.

Степанова И.А. Кластер «Одежда и украшения» в языке исторических песен XVII, XVIII и XIX веков // Лингвофольклористика. – 2015. – № 22. – С. 55–56.

Строптивый Кулун Куллустуур. Якутское олонхо / сказитель И. Г. Тимофеев-Теплоухов. – М.: Наука, 1985. – 608 с.

Толковый словарь якутского языка / под ред. П.А. Слепцова. – Т. VIII. – Новосибирск: Наука, 2011. – 572 с.

L.M. Gotovtseva

The vocabulary of the traditional clothing of Sakha in the texts of Olonkho

Folklore texts contain detailed descriptions of the clothes Olonkho characters. The article gives a general description of the composition of the vocabulary, indicating traditional clothing, based on 5 texts of Olonkho. The cluster approach has allowed the author to consider the words of different part of speech accessories, representing a particular fragment of a folk picture of the world. We have compiled a Glossary, which includes lexemes nouns denoting names of clothes and objects that serve as its complement, details, textiles, jewelry, and the words of other parts of speech that are relevant to this group of words, the total number of which amounted to 96 units. Of these, 64 lexemes are the nouns, 23 – verbs, 9 – adjectives. It was established that in the texts of Olonkho found obsolete, dialectal names of clothes, their parts; words for names of tissues; words denoting material; borrowings from the Russian language. The most frequent lexemes – name clothing: bergehe ‘cap’, таҥас ‘common name of clothing’, сон ‘coat’, саҕуннаһ ‘coat, fur coat’, verbs таһун ‘to dress, put on what or what’, таһун-семан ‘to dress smartly, dress up’. A large number of lexemes identified involves their future grouping. Identify eight subclusters. The use of narrators of data words in the texts of Olonkho indicates the degree of importance in the folk traditions of the Sakha people.

Keywords: traditional clothing, parts and elements, epic, Olonkho text cluster, vocabulary, semantics, thematic group.

УДК 821.512.157’311.2

А.А. Бурцев, М.А. Бурцева

Особенности поэтики романов В.В. Яковлева

Творчество В.В. Яковлева (1934–1994) до сих пор остается не оцененным по достоинству. Исследование его романов «На водоразделе рек», «Зарождение огня», «В Керехтяхе» как целостной идейно-эстетической системы позволило сделать вывод о том, что их автор является незаурядным художником слова с ярко выраженными чертами национального своеобразия. Об этом свидетельствуют выявленные жанрово-композиционные особенности его романов, разнообразная характерология, широкий арсенал художественных средств и приемов, богатая поэтическая речь писателя.

Ключевые слова: тематический диапазон, «деревенская» проза, «человек и природа», «человек и земля», «производственный» роман, поэтика, речевая характеристика, образная анималистика, внутренний монолог, интертекстуальность, фразеологический оборот.

На долю Василия Васильевича Яковлева выпала сложная, неоднозначная судьба. Хотя в его активе три больших романа, повесть, цикл рассказов и очень своеобразная лирика, критика не уделила ему должного внимания. Немногие статьи и рецензии, посвященные его произведениям, воспоминания друзей и собратьев по перу изданы народным писателем Якутии Семеном Туматом отдельной книгой [Василий Яковлев, 1998].

Первые пробы пера В.Яковлева были сделаны в жанре поэзии: в 1959 г. они увидели свет в журнале «Хотугу сулус», а в 1963 г. появился лирический сборник «Навстречу заре» («Утары саһарҕа кыһар»). Причем его поэтические опыты встретили положительный отклик со стороны таких взыскательных мастеров, как Кюннюк Урасты-

ров и Софрон Данилов. В одном из стихотворений В.Яковлева был сформулирован программный принцип, которому он неукоснительно следовал во всех своих произведениях:

Дьиктилээххэ	В необыкновенном
Эн көрдүү саҕаама	Не ищи
Дьиктини –	Необыкновенное –
Биллэн турар, булуон	Разумеется,
Кинини.	Найдешь его.
Эн суруйан көр	Ты попробуй
Саамай көннөрү туһунан	Написать просто
Көннөрү,..	О самом простом...

В 1971–1973 гг. В. Яковлев учился на Высших литературных курсах при Литературном инсти-

туте им. М. Горького. Там он занимался в семинаре известного писателя С.П. Залыгина, посвятившего целый ряд произведений проблемам «человек и природа», «человек и земля», положению сибирской деревни. В связи с этим можно предположить, что интерес В. Яковлева к вопросам экологии и «деревенской теме» возник не без влияния его наставника. Именно эти проблемы находились в центре его романов «На водоразделе рек» («Өрүстэр кирбиилэригэр», 1969), «Зарождение огня» («Уот иитиитэ», 1979), «В Керехтяхе» («Кэрэхтээххэ», 1994).

Творчество В. Яковлева отразило общую логику развития советской литературы в 1960–1980-е гг. Его первый роман «На водоразделе рек» находился в русле так называемой «деревенской прозы», к которой принято относить произведения Ф. Абрамова, М. Алексеева, В. Белова, С. Крутилина и некоторых других писателей. Действие романа разворачивается в одном из центральных районов Якутии. Три друга, три молодых специалиста: инженер-мелиоратор Аркадий Тугутов, агроном Александр Ирбитин, зоотехник Тит Бардасов – образуют «триумвират» и решают посвятить себя подъему сельского хозяйства в районе посредством благоустройства земли и внедрения передовых технологий.

Они с большим энтузиазмом берутся за дело и на первых порах достигают заметных успехов. Колхоз «Төрүт», которым руководил Бардасов, завоевал переходящее Красное знамя, сам он в составе якутской делегации съездил в Москву и выступил на большом совещании. Но потом начались разные неурядицы, тяжело заболел Тугутов, возникли разногласия между Бардасовым и Ирбитиним. Как бы то ни было, В. Яковлев со знанием реального положения показал серьезные трудности в развитии сельского хозяйства. Он один из тех писателей, которые смогли отказаться от нормативности в литературе и показать объективную картину жизни села. Его произведения отличались точным, доскональным знанием материала, так как он опирался на собственный жизненный опыт. В частности, в романе «На водоразделе рек» обнаруживается немало примет времени, в первую очередь рецидивы командно-административного стиля руководства сельским хозяйством. Автор раскрыл методы работы партийных руководителей, начиная с районного зве-

на и кончая секретарем обкома Саламатовым: с одной стороны, дублирование и прямое вмешательство в производственные дела, будь то график сенокоса или разрядка по посадке кукурузы, а с другой – царящую в их рядах строгую субординацию. Нашли отражение в романе и результаты идеологического воздействия на сознание простых тружеников. Так, молодая доярка Дора Баева выражает сугубо этицистскую точку зрения: «Киһи чааһынай олоҕо, мин санаабар, общественной олоҕор бас бэриниэх тустаах...» [Яковлев, 1969].

В 1970-е гг. в критике развернулась дискуссия вокруг образа «делового человека» – современного руководителя крупного производства. В ходе этих споров было высказано немало противоречивых суждений, в принципе оправдывавших «жесткий» стиль руководства. Но еще до этого в русской литературе с легкой руки В. Овечкина, автора очерков «Районные будни», «В одном колхозе», возникло понятие «борзовщина», означавшее негодный метод руководства, построенный на голом администрировании без учета реальных условий, постоянных «накачках» подчиненных и хозяйствовании ради рапорта начальству, ради утверждения собственного авторитета. В романе якутского писателя подобный метод использует Бардасов. Он неплохой организатор, хитроумный демагог, входящий в высокие кабинеты. По отношению к простым труженикам демонстрирует крутой нрав и непомерное честолюбие. С целью добиться быстрого успеха он организует молодежную ферму, собирает отборных коров, сверх нормы выделяет комбикорм и заставляет доярок принять завышенные обязательства. Ирбитин так отзываясь об отношении Бардасова к людям: «Кини колхозка Аракчеев режим олохтуур...» [Федосеев, с. 328]. Тугутов тоже довольно скоро раскусил феномен «бардасовщины»: «Бэйэтэ буоллаҕына куннээҕинэн олорор. Хамаандатын, ньымааттааһынын эрэ кыайар. Кэскиллээх туох да үлэни ыһпыта суох... Билбитэ диэн – тэрийэр үлэ, кыһыл тыла» [Там же, с. 315]. В результате «триумвират» распадается: Бардасов освобожден от занимаемой должности, Тугутов занимается проблемой строительства гидротехнических сооружений для развития оросительного земледелия, Ирбитин создает на берегу реки Амги опытное хозяйство.

В предисловии к роману автор отметил, что он опирался на реальные жизненные факты и собы-

тия, но в то же время предупредил, что не ставил перед собой цель изобразить конкретных людей. Тем не менее критики и читатели узнавали в отдельных образах (Бардасова, Тугутова и некоторых других персонажей) черты реальных личностей. Не случайно Е. Шестаков свою статью о романе «На водоразделе рек» назвал «Үөлээннээхтэрбитин өтө көрөн» («Вглядываясь в современников»). По свидетельству И. Федосеева, житель Хадарского наслега Чурапчинского улуса К.Б. Пирожков, по образованию зоотехник, воспринял образ отставшего от жизни старого зоотехника Бонифатия Пестерева как личное оскорбление и даже предал писателя проклятию [Федосеев, 1998 с.].

Отличительной особенностью романа «На водоразделе рек», как, впрочем, и других произведений В. Яковлева явилось обращение к нравственной проблематике, исследованию духовного мира современников. На фоне производственных взаимоотношений членов «триумвирата» между собой и с другими персонажами происходит раскрытие их нравственных качеств. Наиболее явственно моральная высота или низменность героев, их нравственный потенциал проявляется в отношениях с женщинами.

О моральном облике Бардасова можно судить не только по его нелицеприятному поступку в отношении больной девушки Риты, но и по его своеобразному хобби, когда он, подобно русским помещикам, которые насильно женили крепостных, за пару часов устраивал судьбы колхозников [Яковлев, 1965, с. 202]. Не случайно даже собственная жена называет его «хаалынньан» («отсталый»), «ситэ итиллибэтэх киһи» («невоспитанный человек») [Там же, с. 370].

Ирбитину не повезло с женой Липой, которая оказывается настоящей мещанкой и в конце концов оставляет его ради проходимца Иоганцева. Но он ведет себя благородно как в отношении молодой лаборантки Нины, так и бывшей одноклассницы Дины и именно от нее получает поддержку в трудную минуту. Наиболее сложная коллизия любви выпала на долю Тугутова. Он серьезно заболел и поэтому не мог сначала откликнуться на чувство русской девушки Вали, которая с достойным героинь романов 19 века упорством и силой борется за свою любовь. Этот ее нравственный выбор, когда в самый кризисный момент Валя потребовала зарегистрировать их брак, автор передал в подчеркнuto поэтиче-

ской форме: «Бэйэтин ыраас суобаһынан, судургу өйүнэн-санаатынан салайтаран ылыммыт түөрэккэй төлкөтүн тэлээрэн иһэр тэһиинин анар илиитинэн тиһэх күүһүн мунньунан ыга кытаахтаан ылбыта...» [Там же, с. 260]. И оправившийся от тяжелого недуга Тугутов не без гордости признает: «Меня спасла Валя». Так взаимоотношения Ирбитина и особенно Тугутова с женщинами служат их косвенной характеристикой.

Следуя традиции русской литературы, В.Яковлев обнаруживает важное и значительное в повседневной, прозаической жизни. Поэтому поэтика романа «На водоразделе рек» полностью соответствует его программному принципу – «писать о жизни просто и достоверно». Правда, в отдельных случаях стремление максимально правдиво показывать действительность приводит автора к натуралистическим подробностям. Примером может служить излишне приземленный портрет одной из доярок: «Бадаба алта-сэттэ ыанньыксыт кэлбитэ. Тиһэбэр, алын отто бүтүннүү ынах саабар биһиллибит, сиргэ соһулла сыһар уһун халааттаах, кубарыйбыт ньачыыкка былааты бобуонньуктуу бааммыт, куһаҕан харахтаах дьахтар, үтүктүспүт курдук, ньалбайан хаалбыт иилээх, оһон-манан хонностор буолуохтарыгар диэри киртийбит икки солуурга үүт тутан, оргууй аҕай хааман нырылыннаан ааста» [Там же, с. 69]. Или недвусмысленная авторская оценка матримониального поведения Бардасова, выраженная посредством натуралистической аналогии («... атыыр оҕус биир сүөһү кэннигэр кэлэн муннун үөһэ анһан мардьайан турар эбит») [Там же, с. 68].

Кстати, писатель часто и умело использует сравнения из мира животных и птиц для передачи поведения и состояния своих героев. Ирбитин во время спора с представителем обкома Зыряновым, возражая против посевов кукурузы, вел себя как «упрямый теленок»: «Икки илиитинэн, өһөспүт борооску илин атахтарын тиирэ тэбимитин курдук» остуолтан тутуһан турда [Там же, с. 26]. О Бардасове говорят, что если с ним заранее не договориться, он может «ощетинить» загривок: «Тылын эрдэ ылбатах буоллаххытына, анараа киһигит арбаһын адырытан кэбистэбинэ көнүлэ...» [Там же, с. 246]. Старый зоотехник Бонифатий Пестерев «сидел, взъерошившись, словно ворона»: «Тойоммут туох солуну иһитинэрээри тураахха дылы сохсоллон олорто...» [Там же, с. 342].

Образная анималистика находит применение для создания разных, порой неожиданных сравнительных образов: огурцы напоминают «полосатых бурундуков» («моётой курдук тараах эриэн окурсулар»); самолет уподобляется «стрекозе» («тэмэлдыгэн курдук»), машины – жукам («хомурдуос курдук»); трактора издавна кажутся «большими черными муравьями» («трактордар, ыраахтан көрдөххө, улахан хара кымырдаҕастар курдук...»); маленькие круглые аласы сравниваются с «журавлиными глазами» («туруйа хараҕын саҕа икки алаастааҕын оттуурбут...»).

В характерологических целях автором используются образы природы. Подавленное состояние Ирбитина после отрицательного вердикта, вынесенного о подготовленном им плане развития колхоза, передается посредством пейзажной картины: «Бөлкөй-бөлкөй турар ары хатыннар, балаҕан эрэ саҕа буолан, барыһан көрүстүлэр, ол оннугар суол кытыгытынааҕы хара төнгүргэстэр ынах саҕа буолан үллэн көһүннүлэр...» [Там же, с. 177]. Наоборот, его приподнятое настроение, когда в конце романа на берегу Амги под открытым небом происходит свадьба Тугутова и Вали, подчеркивается с помощью поэтического пейзажа: «Мантан Амма субу ытыска ылан уурбут курдук, унаара, нэлэнийэ сытара. Чээлэй күөх тэллэхтээх, уһуктаах төбөлөөх туруору таас хайалар, саҕа сүктэн кэлбит, эмдэй-сэмдэй унуохтаах, былыргы кийиит дьахталлар симэхтээх бастыналарын санаталлара...» [Там же, с. 352].

Свидетельством мастерского владения В. Яковлева родным языком служит умелое использование фразеологических оборотов («тары сиэбит ыт курдук илдьи титирээн», «уолаттар маһы кытта кэпсэпхэтэр эрэ», «оҕонньордоох эмээхсин уйаларыгар уу киирбитэ», «харыйаны таннары соспут курдук өсөһүү», «тааһы уобан олорубута», «хаһан эрэ биир хааһыны сии сылдыбыттаах этибит»), пословиц и поговорок («үтүө киһи биир тыллаах, үтүө ат биир кымныылаах», «тыала суохха мас хамсаабат», «кэбиһиилээх окко иннэни көрдүүр кэриэтэ», «куһаҕан ханыылаах дииллэрэ арыт кырдык оруннаах», «уол оҕо барахсан биир күн ат уорҕатыгар, биир күн ат өрөбөтүгэр буолара», «үгүс тыл сымсах, аҕыйах тыл минньигэс», «ыт төбөтө кыһыл көмүс кытахтан төкүнүйбүт диэбиккэ дылы»).

Второй роман В. Яковлева «Зарождение огня» по своей тематике, характеру конфликта, расста-

новке главных персонажей, на первый взгляд, близок к так называемому «производственному» роману. Как и в романе Б. Полевого «На диком берегу» (1963), действие разворачивается на строительстве большой гидроэлектростанции на одной из северных рек. По свидетельству И. Федосеева, в 1970-е годы В. Яковлев задумал роман о строительстве Вилуйской ГЭС, неоднократно ездил в творческие командировки в Мирный, Чернышевский, встречался с населением, беседовал со старожилами [Федосеев, 1998, с. 91]. Его беспокоила экологическая обстановка в бассейне Вилуя, и он решил выразить свои опасения в художественной форме.

В романе представлена многоликая армия строителей: тут и начальник строительного участка Батури́н, и главный инженер Гура, тут и молодые романтики, настоящие рыцари труда, и случайные искатели приключений, приехавшие за «длинным рублем». Основной «производственный» конфликт разворачивается между Батуриным, человеком волевым, решительным, способным на самостоятельные решения и смелый риск, и директором ГЭС, холодным формалистом Хадариным, который ни на шаг не отходит от проекта. Его сторонником является начальник технического отдела Дроздев, считающий своим долгом о малейших нарушениях докладывать в главк. Батурина поддерживает главный инженер техотдела Даланов, один из немногих местных специалистов, прошедший суровую школу жизни. Вокруг него группируются молодые ребята, приехавшие на строительство ГЭС по комсомольским путевкам. Весь этот разноликий коллектив так или иначе вовлечен в орбиту общего дела – грандиозной стройки на могучей реке.

На фоне трудовых процессов писатель анализирует нравственные коллизии, раскрывает судьбы героев, внутреннюю диалектику их характеров. В результате «производственный» жанр приобретает черты социально-психологического произведения. Более того, изображение атмосферы трудового воодушевления, воздействия коллективного труда на рост личности позволяет усмотреть в «Зарождении огня» признаки воспитательного романа. Вообще в произведениях В. Яковлева, в том числе в романе «Зарождение огня», присутствует характерная для советской литературы определенная тенденциозность. Ее носителем является Сергей Атаров, который ста-

рается следить не только за соблюдением трудовой дисциплины, но и моральным обликом своих товарищей. Он уверен в том, что «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»: «Обществоба олорор буолан баран, обществооттан туораан, көнүл сылдыяхха табыллыбат» [Яковлев, 1979, с. 5]. Сергей считает, что якутская молодежь недостаточно активно участвует в больших стройках, и винит обком комсомола, который направляет первых попавшихся: «... ыччаттары хайа түбэтиэх хонууттан хомуйбакка, сыһыттан сылгылаабакка, чэхчы сүүмэрдээн, ырытан, бастынтан бастыннары бу сүнкэннээх тутууга ытталыыра наадалаах» [Там же, с. 138]. Сам он осваивает профессию сварщика и намерен работать на строительстве ГЭС до его завершения.

В галерее созданных В. Яковлевым образов особняком стоит фигура старого охотника Захара, вся жизнь которого прошла на берегах «Хотун өрүс» («Госпожи-реки»), где теперь началось строительство ГЭС. Его внучка Нарыйа, вопреки воле деда, оставила учебу и приехала на стройку. Она знакомит с ним Сергея, который тщетно пытается убедить старика, что строительство ГЭС – благо. Захар поведал ему трагическую историю своей жизни. Однажды, в молодости, глубокой осенью, во время бури он случайно стал свидетелем ужасной драмы. На его глазах у водопада «Оргуй харгыта» разбилась о камни лодка, на которой плыли два человека. Захару удалось спасти девушку, ее звали Нарыйа, она рассказала, что бежала от родителей, намеревавшихся выдать ее за нелюбимого человека, вместе со своим учителем, политическим ссыльным, и попросила спрятать от погони. Они построили избушку в укромном месте и жили как муж и жена вдали от людей. Это было самое счастливое время для Захара, но оно продолжалось недолго. Нарыйа умерла во время родов, и он в состоянии какой-то фрустрации соорудил склеп в вечной мерзлоте и один похоронил ее там. Однажды Сергей наткнулся на склеп и был поражен тем, что покойница лежала как живая. Дочь Захара выросла под опекой его родителей, рано стала самостоятельной, вышла замуж и родила девочку. Дед не только дал внучке имя бабушки, но и всем сердцем привязался к ней, уж очень она была похожа на Нарыйу-старшую.

Авторское отношение к Захару выражено посредством восприятия Сергеем его исповеди. Этот внешне суровый, немногословный старик неожиданно растрогался и превратился в задум-

чивого, мудрого, красноречивого сказителя («сээркээн-сэһэн»), а его жизнь показалась Сергею глубокой, загадочной, полной тайн и секретов: «Оҕонньор олоҕо, кини санаатыгар, тоҕо эрэ байбал түгэҕин курдук дириг, хара тыа маһынотун курдук баай-дэлэгэй кистэллэрдээх, таайыллыбат таабырыннардаах буолан көһүннэ...» [Там же, с. 66].

В изображении Нарыйи автор использует сравнения из мира природы. Сергею она кажется «полевым цветком» («сир симэҕэ»), «птенчиком с неоперившимся крылом» («табытала куура илик чыычаах оҕото»), «тундровой птичкой» («чооруоска дылы буолуохтаан»). В одном из эпизодов романа она напонила «испуганного олененка»: «Нарыйа соһуйан, уолуйан, ыстанаары гыммыт тугут оҕотун курдук кырытынан дыгис гынан, хараҕын хап-харанан төгүрүччү көрөн таһаарда...» [Там же, с. 189]. В целом образ Нарыйи служит символом первозданной, неиспорченной природы, поэтому история ее соблазнения приобретает символический смысл пагубного влияния современной «цивилизации» на естественную «природу». Не случайно в глазах Бориса, ее соблазнителя, она предстает как «дитя природы»: «... ханнык да албына-көлдүүнэ суох, ып-ыраас, илэ бэйэтинэн сылдыар айылҕа төрүүбэ диэн бу кини баар» [Там же, с. 193].

В судьбе старого Захара тоже отразились тревожные размышления писателя о последствиях потребительского отношения к природе. В эпилоге романа сообщается, что его избушку бульдозер сравнял с землей, самого Захара чуть ли не силком посадили в вертолет и эвакуировали. Могилу его жены должна затопить вода. Он даже не успел захватить с собой дорогую реликвию – кассет с трубкой, единственную память о Нарыйе-старшей. Горько прозвучали его финальные слова: «Миигин киһи атаҕастаабатах киһитэ этим. Талбыппынан, көнүл үөскээбит киһи этим» [Там же, с. 312]. Нарыйа-младшая покинула стройку одна с ребенком на руках. Ее заявление тоже лишено всякого оптимизма: «Аны хаһан да эргиллиэм суоҕа бу дойдуга. Туох да хаалбата кэрэхсириим, сэнээрэрим... Кубус-кураанах курдукпун» [Там же, с. 310].

По своему пафосу роман В.Яковлева «Зарождение огня» перекликается с поэмой М. Ефимова «Тревоги моей души», которая явилась полемическим откликом на проект возведения Адычанской ГЭС. В нем также ощущаются отголоски

нравственного пафоса русской «деревенской» прозы, в частности повести В. Распутина «Прощание с Матерой». Дед Захар, подобно мудрому аксакалу Николаю Божеданову из поэмы М. Ефимова и распутинской старой Дарье, предстает как хранитель человеческой памяти и носитель идеи верности родной земле.

В поэтике романа произошло углубление психологического начала, поэтому одним из средств раскрытия характера героев служит внутренний монолог. Много размышляют дед Захар и особенно Сергей Атаров: старик постоянно вспоминает прошлую жизнь, Сергей привык анализировать поступки и характеры людей. Его беспокоят производственные дела и взаимоотношения в бригаде. Он близко к сердцу принимает судьбу Нарыйи, так как сразу же раскрыл нутро Бориса, который выдавал стихи Н. Рубцова за свои, хвалился братом-космонавтом, и вынес свой вердикт: «Быртах санаалаах, сидьин киһи. Тугу да онгорботоҕо буолан, куоска курдук сыбдыйа сылдьан, сыарҕа быатын быһа кэбийэн эрдэбэ...» [Там же, с. 138]. Он испытывает рефлексию по поводу отношений со своей девушкой Настей. Сергею, как интеллектуальному герою, автор нередко доверяет собственные философские мысли: «Дьикти даҕаны быһыылаах – киһи айылҕата диэн» [Там же, с. 37]; «кыыс оҕо кэм килбик, кэтэмэҕэй соҕуһа ордук буолуо» [Там же, с. 52]; «кыргыттар бары үчүгэйдэр, оччоҕо куһаҕан ойох хантан кэлэрэ буолуой...» [Там же, с. 109]; «бар дьон сөпкө да этээхтиллэр, олоххо наһаа буолар куһаҕан, сөп соҕустук сылдыбыт ордук диэн» [Там же, с. 196]; «саас элбээтэҕинэ санаа салыйар дииллэрэ, сыһа эбит, бадаҕа...» [Там же, с. 272].

Как и в романе «На водоразделе рек», писатель использовал образы природы для раскрытия состояния человека. К примеру, трагедия Захара после мучительной смерти молодой жены передается посредством образа темной ночи: «Оо, барыаран түһэн, ыар, дьиппиэн да түүн үүммүтэ оччотообута! Күтүр өстөөх уһунун-киэнин эриэхсит! Бу бүппэтэҕин, бараматаҕын! Ылаһыран, ыгыстан түһэн – киһи тына-быара хаайтарыах айылаах буолан...» [Там же, с. 270]. Состояние Сергея после разрыва с Настей описывается следующим образом: «Онтон эмискэ тулата барыта кураанахсыһа түспүтэ, курус санаа иһигэр киирэн, кутуйах буолан хаампытынан барбыта» [Там же, с. 285]. По-прежнему в арсенал автора входит

образная анималистика: «күрдьүөттээбит агыыр оҕус курдук быһыылаах ыар самосваллар нүһэрдик күүгүнэһэн утары корсон ааһыталыыллар» [Там же, с. 26]; «кэрдиис аайы экскаватордар, күн уотугар сыламныы турар адаар муостаах оҕус курдук, танхаһан тураллар» [Там же, с. 162]; «кумах, таас, бетон, суглинок тиэйэр суолларынан массыналар харыгыта суох кымырдаҕас курдук субуйар буолбуттара» [Там же, с. 274].

В тексте романа «Зарождение огня» тоже встречаются фразеологические выражения и обороты. Острая на язык бетонщица Таня открыто выражает недовольство своими земляками: «Сахалар дьон бөҕөҕүт, иэппэт ынахха дылы буолахтаан» [Там же, с. 33]; она же упрекает свою подругу в нерешительности: «Тэһгэ кыттыанан-хамыйаҕынан бырахсан иһиэххэ наада. Олох оччоҕо судургутуйар» [Там же, с. 51]. Начальник строительства Батурин в пылу полемики с директором ГЭС Хадариным бросает: «Ууга собо мээһнэ утуктабатын диэн сордон баар буоллаҕа эбэт», а тот в ответ заявляет: «Биһиэхэ ол онтон итии до буолбат, тымныы да буолбат» [Там же, с. 73]. Отношение Сергея к Борису характеризуется однозначно: «Кини Борис туһугар таала кырылана сылдьар киһи» [Там же, с. 192]. Так же образно и лаконично констатируется наступление сильных морозов: «Бургунас муоһа булгу барар тымныыта түстэ» [Там же, с. 217].

Итак, роман «Зарождение огня» свидетельствовал о расширении тематического диапазона за счет изображения жизни и труда больших производственных коллективов и постановки экологических проблем. Достижением автора явилось раскрытие социально-нравственной сферы, исследование духовного мира человека труда. В свою очередь это способствовало обогащению изобразительных средств в его художественной системе.

Идейно-художественная эволюция В. Яковлева получает продолжение в третьем романе – «В Керехтяхе». Вообще по своей жанровой природе его произведения носят однотипный характер. Роман «В Керехтяхе» по своему тематическому содержанию тоже относится к «деревенской» прозе. На этот раз речь идет о «трудах и днях» простых колхозников. Основной сюжетный план образуют перипетии, происходящие вокруг семьи Омукчановых. Главой семейства является бывший строитель, теперь сварщик, известный в

народе как Мастер Самсон (Сомсуун). Его жена Марфа всю жизнь проработала дояркой. У них четверо детей: старший сын Артур служит в армии, младшие Ульдара, Вова и Сомсо учатся в школе. Другая фабульная линия связана с непростой судьбой молодого специалиста Намияна Модунова, который первое время жил у Омукчановых, потом женился на учительнице Наталье Ойотуновой. Однако его семейная жизнь складывается неудачно, и между ним и ветеринарным врачом Маргаритой Мундуновой возникает взаимная симпатия. Эти две сюжетные линии переплетаются благодаря дружбе Самсона и Дамияна, а также любви его сестры Анчик и Артура Омукчанова. Автор затрагивает и вопросы воспитания молодого поколения, будучи сторонником традиционной народной педагогики, основанной на принципе приобщения детей к труду и самостоятельности. В ряде эпизодов находят отражение проблемы средней и высшей школы. Таким образом, в романе происходит углубление и усложнение нравственно-психологической проблематики.

В романе также присутствуют черты «производственного» жанра, так как основные коллизии так или иначе связаны со строительством нового хотона и каждодневным трудом жителей села. Самсон Омукчанов старается облегчить труд доярки в старом хотоне в Керехтяхе, где работает Марфа, придумывает грейдерно-скреперную установку. Журнальный вариант романа так и назывался – «Хотон»*. Окончательный вариант названия, «В Керехтяхе», на первый взгляд, ограничивает внешний пространственный план. Но на деле именно в этом романе возникает широкий исторический контекст. Приметами времени являются не только реформы в сельском хозяйстве, но и отголоски политических событий в стране. Когда сын Омукчановых Артур обмолвился, что он мог бы принять участие в военных действиях в Афганистане, отец его поддержал. Более того, Самсон выразил сожаление, что не участвовал по состоянию здоровья в Великой Отечественной войне, и заявил, что испытывает комплекс по этому поводу: «... сэриигэ барбатахпытган сүрдээжин хомойобун. Сааһым тухары хомойо сылдыбын. Дьонтон итэбэстээх курдук сананабын. Сэриигэ баран өлбүт табаарыстарым иннигэр мэлдьи туох эрэ изэстээх дуу, буруйдаах дуу курдукпун» [Яковлев, 1994].

Родители Самсона погибли во время войны от голода. Это были люди старой закалки, они приглядывали в отдаленном урочище за колхозным молодняком, но не тронули ни одно животное, настолько они были честными и верными долгу. Самого Самсона еще до войны подвергли преследованиям и обвинили в пособничестве «врагу народа», «троцкисту» Филиппу Кононову, который был председателем колхоза. Ему поставили в вину то, что он был направлен на курсы десятников красным партизаном Субурусским, впоследствии репрессированным. Тридцать лет назад Самсон построил хотон в Керехтяхе, который, согласно коварному замыслу «врагов народа», якобы не годился для содержания скота. Его допрашивали следователи НКВД, тщетно пытаясь выбить свидетельства во вредительстве против Кононова и Субурусского. Теперь Самсон старается усовершенствовать старый хотон, и благодаря его рационализаторским идеям он стал лучше приспособлен для труда доярок. Но его продолжают обвинять, на этот раз в том, что он саботирует строительство нового хотона и специально, в пику руководству колхоза, механизмирует старый хотон в Керехтяхе. Тут даже сдержанный Самсон Омукчанов не выдерживает и в сердцах восклицает: «Киһи үтүөтэ бу хаһан дьингнээхтик көстөр, кырдыга туох баарынан арыллан кэлэр үйэтигэр тийэрбит буолла?» [Там же, с. 312].

На долю его жены Марфы тоже выпал тяжелый удел: не имея возможности учиться, она с юных лет была обречена «крутить хвост коровам» (работать на ферме). Ее угнетает не столько тяжелый труд сам по себе, сколько отсутствие свободы: «Үөрэбэ суох буоламын олобум бүтүннүү – үтүргэнгэ ааста» [Там же, с. 20]. Поэтому она в сердцах призывает детей не повторять ее судьбу: «Эһиги, чыычаахтарыам, мин курдук олобу олоруман! Үйэбит тухары үтүргэнгэ сылдыман! Үөрэхтээх дьон буолун!.. Үөрэхтээх дьон буоллаххытына, өлөн-охтон биэриэххит суоҕа» [Там же, с. 20]. Другая доярка, Соня Табахова, тоже не скрывает своего возмущения пустыми обещаниями начальства облегчить их труд: «Сотору киллэриэхпит, сотору киллэриэхпит!» Ити «соторугутун» күүтэн, сотобут да тостууһу...» [Там же, с. 80]. Эти откровенные простых тружениц тоже служили симптомами времени и свидетельствовали о проявлениях ко-

* Под таким названием роман печатался в журнале «Чолбон» в 1992 г., в №3 и 4.

мандно-административного метода руководства сельским хозяйством.

Намияна Модунова, как и Александра Ирбитина из романа «На водоразделе рек», автор наделил некоторыми чертами своей биографии. Он тоже инженер-мелиоратор, тоже работал в районной сельскохозяйственной инспекции, потом перебрался в колхоз. У него тоже не ладится семейная жизнь. Не случайно Намиян, подобно Сергею Атарову из романа «Зарождение огня», часто выражает авторские мысли. В частности, он озабочен состоянием родного языка: «Үчүгэй баҕайы сахалы тыллар баалларын тутгубакка, туой, нууччалыга таттара турабыт» [Там же, с. 99–100]. С ним солидарен Самсон: «Сахалы тылбыт умнуллан икки буккуллан икки хаалаары гынна» [Там же, с. 50]. Другая интеллектуальная героиня, молодая доярка Тейера Багардынова, мечтающая стать архитектором, тоже выражает авторскую мысль о роли традиций: «Куһаҕан даҕаны бары быллыгыбытыттан тэйэн иһэрбит. Ити аата нация быһыытынан туох уратылаахпытыттан бары тэйэн иһэбит. Тэйдибит, умуннубут даҕаны, аны, ол биһиэхэ хаһан да эргиллибэт. Букатыннаахтык бырабыллар. Суох, аныгы дьон быллыгыны умнуо, хаалларыа суохтаахпыт» [Там же, с. 211–212]. Еще одну философскую мысль – о счастье Намиян высказал в процессе разговора с Маргаритой («Киһи дьоло үлэтигэр эрэ сыппат. Олобун дьоло, тус бэйэтин дьоло, үөрүүтүкөтүүтэ, астыныыта, дуоһуйууга – барыта бииргэ холбоһон дьол буолан эрдэбэ... Ити гынан баран, олох-олох диэхтиибит да, киһи олоҕо бэрт дуона суохтан тутуллан тураахтыыр. Бүгүн бааргын, сарсын суоххун»), и та с ним согласилась: «Дьол диэн, кырдык, сүрдээх кыраттан, олох бытархайдарыттан мунһулан, холбоһон үөскүүр быһыылаах...» [Там же 7, с. 403].

В. Яковлев не успел завершить свой последний роман, поэтому взаимоотношения его героев (Намияна Модунова с Маргаритой Мундуновой, Анчик Модуновой с Артуром Омукчановым, Тейеры Багардыновой с Андреем Иннокентьевым) раскрыты не до конца. Впрочем, и два других романа писателя имели «открытый» финал. Тем не менее ему удалось создать целую галерею ярких, полнокровных образов. В их изображении немаловажную функцию выполняет речевая характеристика. Речь его героев соответствует их социальному статусу, возрасту, культурному уровню. Например, старый колхозник Никифор

Харлампьев, согласно авторской характеристике, «человек-камень» («киил киһи»), многое испытал в своей жизни: «Бу үйэ хамсааһыныгар, олох уларыытыгар бэйэтин туһугар эмиэ туспа мунна-уоһа кэрдиллибит, олох ымпыгын-чымпыгын билбэхтээбит бэрт мындыр киһи [Там же, с. 160]. Его речь соответствует решительному, мужественному характеру: «Өлөн-охтон биэриэмэххэ наада! Били, Өксөкүлээх Өлөксөй эппитигэр дылы, «тиис – тиискэ, муос – муоска» буолуохха наада. Ол аата туохтан даҕаны – үөрэхтэн, олохтон-сайдыттан хаалсымыахха, барсан иһиэххэ наада, даллайан олон хаалымыахха диэн» [Там же, с. 159]. В его лексике встречаются архаизмы и устаревшие обороты: «мантан букатын түһүөтэхтээби дойду», «сарсыарда тын хатыыта дойдубуттан турбутум», «дьэ, доҕоор, Сомсуун, муорахсыйдым... Хайа, тыспыт кылгас буоларай?» [Там же, с. 140, 150]. Речь Марфы Омукчановой тоже насыщена поговорками и простонародными выражениями. Обращаясь к дочери, она говорит: «Дьэ, хотуой, олох сэрэн!.. Хайа, уһугар оонньообутун оҕус буолан тахсаарай?» [Там же, с. 133]. В отношении сына тоже не стесняется в выражениях: «... биһиги киһибит тугу эрэ кубааскайдыр быһыылаах», «... кэли до соҕох киһи тахсыбат ини», «чэ, төһөтүн да иһин, куймуруус киһи буолсу» [Там же, с. 320, 324, 389]. Напротив, речь Намияна Модунова, дипломированного инженера, насыщена современными техническими терминами («грейдерно-скреперная установка», «проект», «техсовет», «механизация», «патент», «чертеж», «изобретатель», «документация», «делегация», «экскурсия»).

Авторская речь отличается богатой образностью. Манера поведения и речь жестковатой, решительной Марфы Омукчановой характеризуется соответствующими выражениями: «тимир тиритин кэттэ», «халахайданна», «сотуоскайдаата», «садыаскайдана түстэ», «хабытайданан турда». Дочь Омукчановых вся в мать, такая же бойкая и проворная: «Улдаара кыра эрдэбиттэн баран-кэлэн, сангаран-инэрэн, сылбырба, тымтык курдук киһи» [Там же, с. 13].

Особенностью поэтики романа «В Керехтяхе» является наличие в тексте прямых цитаций и косвенных аллюзий из произведений других авторов (интертекстуальность). Например, та же Марфа Омукчанова, сетуя на судьбу, вспоминает рассказ Суоруна Омоллона «Злосчастная соха» [Там же, с. 18]. Тяжелому труду доярок посвящено стихот-

ворение С. Эллия «Песня Хоборос», которое читает на открытии нового хотона Тейера Багардынова [Там же, с. 91]. Никифор Харламповец цитирует поэму А. Кулаковского «Сон шамана». Намиян Модунов и Маргарита Мундунова обсуждают произведения и переводы Джуона Джангылы [Там же, с. 401–403]. Впрочем, и в других произведениях В. Яковлева встречается интертекст. В романе «На водоразделе рек» прикованного к постели Аркадия Тугутова досаждают тревожные мысли, и тогда ему приходят на ум герои Н. Островского, а его невеста Валя вспоминает поэму И. Уткина «Якуты» [Яковлев, 1969, с. 211, 216], в которой речь шла о пробуждении народа саха к новой жизни. В романе «Зарождение огня» Сергей Атаров в тяжелую минуту ищет опору в олонхо П. Ойунского.

Таким образом, В. Яковлев зарекомендовал себя как талантливый художник слова, внесший существенный вклад в развитие жанра романа в якутской литературе. Его произведения отличались разнообразием тематики, включающей жизнь и быт сельских тружеников, производственные будни строителей большой гидроэлектростанции, взаимоотношения технической и научной интеллигенции. В них правдиво запечатлена атмосфера, сложившаяся в Якутии в 1960–1980-е гг., воссозданы характерные для эпохи типы героев. Так, во всех романах писателя появляются крепкий, энергичный руководитель – Бардасов, председатель колхоза («На водоразделе рек»); Батурин, начальник строительства электростанции («Зарождение огня»); Тарбахов, директор совхоза («В Керехтяхе»); мудрый старик с трудной судьбой – Павел Багыров-Байбал Уус («На водоразделе рек»); дед Захар («Зарождение огня»); Никифор Харламповец («В Керехтяхе»); сельский интеллигент с автобиографическими чертами – Аркадий Тугутов («На водоразделе рек»); Станислав Даланов («Зарождение огня»); Намиян Модунов («В Керехтяхе»); «плохой парень» – Артур Иоганцев («На водоразделе рек»); Борис Богдашкин («Зарождение огня»); Артур Омукчанов («В Керехтяхе»). Писатель органично объединяет в характерах своих ге-

роев мотивы «общественного» и «личного», поэтому критерием их гражданского и нравственного облика служит отношение не только к делу, но и к природе, к людям, чаще всего к женщине.

Романы В. Яковлева несли отчетливый отпечаток времени. В них отразились и теневые стороны бытия советского общества, будь то тотальная заорганизованность общественной жизни, безоглядная вера в ложные идеалы или потребительское отношение к природе. Не мирилась мысль писателя и с нравственными изъянами в людях, проявлениями мещанства и меркантильности.

Наконец, особого внимания заслуживает мастерство В. Яковлева как художника слова. Богатый арсенал художественных средств и оригинальная языковая ткань произведений свидетельствуют о глубоко национальной природе его искусства. В то же время его программный принцип «писать о жизни просто и достоверно», сливающий воедино нравственную и эстетическую сущность художника, свидетельствует о немаловажной роли традиции русской литературы. Якутский писатель нашел безграничные возможности выявления общего и универсального в частном, исторического и надличностного – в личном. Это придает его творчеству объемный, философский характер.

Литература

Василий Яковлев. Утары саһарба кыһар. Хоһооннор, рецензиялар, ахтыһылар / Хомуйан онордо Сэмэн Тумат. – Дьокуускай: Бичик, 1998. – 128 с.

Федосеев И. Быраатым Баһылай барахсан // Василий Яковлев. Утары саһарба кыһар. Хоһооннор, рецензиялар, ахтыһылар / Хомуйан онордо Сэмэн Тумат. – Дьокуускай: Бичик, 1998. – С. 105.

Яковлев В.В. Кэрэһтээххэ. Роман. – Дьокуускай: Бичик, 1994. – С. 47.

Яковлев В.В. Өрүстэр кирбиилэригэр. Роман. – Якутскай: Кинигэ изд-та, 1969. – С.196.

Яковлев В.В. Уот иитиитэ. Роман. – Якутскай: Кинигэ изд-та, 1979. – С. 87.

A.A. Burtsev, M.A. Burtseva

Features of poetics V.V. Yakovlev's novels

The work of V.V. Yakovlev (1934-1994) has been underestimated. The study of his novels “Where the Rivers Part”, “The Origin of Fire”, “At Kerekhtyakh” as a complete conceptual and aesthetic system enables us to conclude that their

author is a master of the pen of ethnic distinction. It is manifested in the genre and plot peculiarities of his novels, the varied characterology, a wide range of artistic means and techniques, as well as the rich poetic language of the writer.

Keywords: thematic range, “village” prose, “Man and Nature”, “Man and Land”, novel about work, poetics, showing characters through speech, figurative animalistics, inner monologue, intertextuality, idiomatic expression.

УДК 398.8+376(=512.157)

В.В. Илларионов, Т.В. Илларионова

Обучение и воспитание эпических певцов (по материалам сказительской традиции народов Якутии)*

В статье на материалах сказительской традиции раскрывается процесс обучения и воспитания эпических певцов народов Якутии. Как отмечают авторы статьи, сказители эпических текстов олонхо, нимнгакан не проходили специального обучения сказительскому искусству. Эпическая среда всегда выделяла талантливых сказителей, которые перенимали искусство эпического певца от старшего поколения. В приобщении к сказительству играют большую роль семейная традиция и генетическая память.

Ключевые слова: сказительство, эпическая среда, эпический певец, сказитель, олонхосут, нимнгакалан, нимкалан олонхо, нимнгакан, нимкан школа, обучение, воспитание, эпическая традиция, эпос, семейная традиция, генетическая память.

В среде народов Якутии сказительство привлекало внимание как явление духовной культуры. Исполнение эпических произведений, демонстрация их широкой публике требовали определенного исполнительского мастерства; налицо было стремление к передаче эпических произведений от поколения к поколению, от сказителя к сказителю. Поэтому в теории фольклористики отмечается наличие некоей среды, в которой существует эпический певец. Именно эпическая среда, сами эпические произведения создают предпосылки для появления и развития сказителей. Как видно из научной литературы (см. труды Е. Исмаилова, В.М. Жирмунского и др.), среди народов Средней Азии бытовало специальное обучение сказительскому искусству. В то же время фольклористы отмечают отсутствие такового среди народов Якутии. Здесь уместно вспомнить высказывание Б.Н. Путилова [1997, с. 13]: «В целом ряде эпических культур не существует школ, которые должен пройти будущий певец. Овладение сказительским искусством могло происходить вполне стихийно и естественно». Однако нельзя не признать, что у коренных народов Якутии в каждой этнической среде имеют место факты постижения сказительской традиции ещё в детском возрасте, которые с точки зрения типологии имеют схожие черты. Поэтому уместно об-

ратить внимание на заметки, сделанные по этому поводу как нами, так и другими фольклористами.

«Обычно искусству сказывания олонхо обучались в молодом возрасте путем многократного прослушивания лучших мастеров и постоянных тренировок среди сверстников, ближайших родственников и соседей. Затем число слушателей постепенно увеличивалось, молодой олонхосут приобретал опыт и получал признание окружающих, становясь мастером, которого охотно слушали и приглашали даже на большие торжества.

Олонхо усваивали с малолетства. Раньше нередко можно было встретить детей 5–7 лет, еще не умеющих петь, но в совершенстве знавших тексты огромных олонхо и пересказывавших их другим детям.

Большинство выдающихся олонхосутов рассказывают, что исполнению олонхо они научились еще подростками» [Пухов, 1962, с. 8]

В этом плане интерес вызывает воспоминание о легендарном олонхосуте Т.В. Захарове-Чээбий народного поэта В.М. Новикова-Кюннюк Урастырова, впоследствии воссоздавшего олонхо «Могучий Джагарыма»: «Искусству олонхосута я научился, слушая сызмальства сказителей и многократного подражая им. К шестнадцати–семнадцати годам я стал исполнителем олонхо и сумел привлечь довольно серьезное внимание

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №16–06–00505(а).

слушателей. Сказителем, искусство которого всегда вызывало мое восхищение и явилось для меня настоящей школой, был Т.В. Захаров-Чэбий» [Урастыров, 1979, с. 210].

У долган, по словам А.А. Попова «никакой специальной выучки не существует, известный сказитель не набирает учеников. Последние сами, присутствуя при рассказывании былин, запоминают содержание и впоследствии передают его, не подражая рабски, а внося нечто живое от себя...» [Попов, 1937, с.15].

Впоследствии наблюдения А.А. Попова подтвердил якутский фольклорист П.Е. Ефремов, специально ряд лет успешно занимавшийся собиранием и изучением долганского фольклора: «Имена талантливых сказителей становились широко известными на ближних и дальних станках, молодежь считала за честь перенять у них сюжеты и манеру исполнения олонхо. Как таковой школы сказителей, можно сказать, не было. Ученичество заключалось в многоразовом прослушивании олонхо в исполнении большого мастера и пробе сил в другой аудитории. Способные ученики, конечно, текст передавали не дословно, а вносили нечто живое от себя» [Ефремов, 1984, с.17].

Известный эвенкийский сказитель Н.Г. Трофимов в детстве исполнял сказания перед своими сверстниками тайком от взрослых – и «стеснялся их». Летом дети спали в отдельной палатке, и ночами он вполголоса рассказывал их, но «однажды рано утром его подслушал один старик, он уговорил исполнить сказание для взрослых». Так, в 12 лет Н.Г. Трофимов пел открыто «семь ночей подряд» [Романова, Мыреева, 1971, с. 97].

Все сказанное позволяет заключить, что обучение было активным, «ученики» начинали рано реализовывать свои знания перед сверстниками.

О якутском поэте и знатоке фольклора П.А. Ойунском, владевшем также и искусством сказительства, рассказывают следующее: «Было у Платона в детстве одно серьезное увлечение, которое он сумел сохранить на всю жизнь<...>. Мальчик часто убегал к своему соседу <...> большому знатоку олонхо <...>. Часами сидел Платон у мудрого деда и слушал его импровизации. И к 8–9 годам он сам начал рассказывать олонхо, и стали [его] приглашать к себе домой и взрослые» [Илларионов, 1982, с. 23].

Элементы школы можно усмотреть в тех случаях, когда – и не столь уж редко – юный певец

брал в качестве образца какого-нибудь одного сказителя, перенимая от него и сам эпос, и искусство его исполнения. При этом опыт других певцов воспринимался уже как дополнительный. Якутская сказительница Е.Е. Иванова вспоминала, как, увлекшись одним олонхосутом, «ходила за ним по пятам, по всем ближайшим соседям и прослушала его, возможно, в один его приезд <...> 15 раз. А так как он приезжал регулярно в течение многих лет, то я его до 16 лет прослушала несколько десятков раз» [Там же, с. 24–25].

Элементы «школы» проглядывают в практике Л.Е. Егорова, следившего за тем, как дети овладевают техникой исполнения олонхо. «Он делал различные замечания: когда богатырь радовал, надо было петь легко, в быстром темпе, когда он давал клятву, медленно. Иногда он проводил коллективное детское исполнение: один сказывал вступительную часть, другой пел песню богатыря айыы, третий становился богатырем абаасы, четвертый брал роль женщины» [Там же, с. 21].

Как отметил собиратель и исследователь долганского олонхо П.Е. Ефремов, «как таковой школы сказителей, можно сказать, не было, ученичество заключалось в многоразовом прослушивании олонхо в исполнении большого мастера и пробе сил в другой аудитории» [Ефремов, 1984, с. 17].

Очевидно, что благодатную почву для усвоения олонхо, нимнгакан, нимкан новыми поколениями составляло сказительское искусство, процветавшее в старину. Живая эпическая атмосфера способствовала появлению все новых и новых сказителей разных уровней – как вполне рядовых, так и выдающихся мастеров.

В те времена волшебству слова учились не по книгам, а, прислушиваясь к живой речи сказителей. Так, И.И. Бурнашев-Тонг Суорун, рассказал Г.У. Эргису: «У нас сказывал олонхо Бурнашев-Кылыс Байбал, занимавший гостей многолюдных свадеб, ысыахов своим искусством. Также Телебюр Прокопий из Тарагайского наслега, известный в нашем улусе силач, переходя от дома к дому, услаждавший слух хозяев и гостей, тем и кормившийся. Я ходил следом за жителем Алаас Моорука Кетер Константином, где бы он ни останавливался рассказывать олонхо. Проходил десятки километров, лишь бы его послушать. Но больше всех меня привлекал Олонхосут Олоодо из Хаяхсытского наслега Ботурусского улуса» [Бурнашев, 1944, с. 12]. Как видно из воспоминаний И.И. Бурнашева-Тонг Суоруна, он с детства увле-

ченно слушал олонхосутов, запоминая их манеру исполнения, обогащая свой словарный запас, а затем стал им подражать.

Ж.К. Лебедева, проводившая собеседование с эвенким сказителем П.Д. Даниловым из поселка Арке Охотского района Хабаровского края, отметила: «Обучение исполнительству начинается с детства. Вначале ребенок слушает в семье исполнение эпических нимкаканов, но по-настоящему его начинают обучать после 10-летнего возраста, когда взрослые заметят, что у ребенка обнаружались склонность, умение, желание подражать сказителю» [Лебедева, 1981, с. 86]. То же наблюдаем у эвенков: «Когда дети становились настоящими людьми (т.е. взрослыми), им рассказывали сказания. Сказания формировали представления об идеале охотника – воина, показывали его выносливость, храбрость, стойкость, знакомили с людьми иной культуры» [Василевич, 1966, с. 5]. Как утверждает Ж.К. Лебедева, нимкаланы имели свои сказительские школы. «Обучение в них исполнительскому мастерству, по словам того же П.Д. Данилова, проходило следующим образом: Нимкалан рассказывал один текст ученикам. Затем наступал второй этап – индивидуальное усвоение каждым учеником услышанного текста. На третьем этапе ученики исполняли сказания друг другу. Здесь происходила своего рода шлифовка: если исполнитель допускал неточность (пропуски эпизодов, ненужные добавления и т.д.), то другие поправляли его. Таким образом, достигалась точность передачи эпического текста» [Лебедева, 1981, с. 86].

Показательно, что обучение эпосу в старшем возрасте проходило вне дома, во время вынужденных странствий.

Большинство заявлений сказителей о заимствовании эпического репертуара на стороне или от приезжих не подтверждается результатами текстологического анализа – их варианты оказываются связанными с местной традицией. Во многом это объясняется тем, что для усвоения старины необходимо многократное ее прослушивание в той же редакции: при случайных, кратковременных контактах шансов на это немного. Многие рассказы об усвоении пространственных текстов с одного раза содержат изрядную долю фантазии. Обогащение локальных традиций за счет переселения из дальних мест певцов с большим репертуаром – явление исключительное. Дома исполнению олонхо нередко учились на вечерин-

ках, в беседах, на различных коллективных сборах. Мы не ошибемся, если скажем, что для сказителей-мастеров преобладающим был путь обучения с детских лет, через непосредственное восприятие живой, близкой традиции дома либо в местах коллективной работы.

В этнических культурах народов Якутии значительную роль в формировании сказителей играла семейная традиция. Передача сказительского искусства от старших к младшим, от отцов к сыновьям, от дедов к внукам, от дядей к племянникам, от матерей к дочерям и т.д. была одной из распространенных форм его сохранения, продолжения и, как мы увидим, развития эпической традиции. Семейная традиция создавала «не школы» в каноническом смысле, а определенные, подчас вполне устоявшиеся приемы и способы. Однако именно передача и усвоение конкретных эпических знаний и навыков исполнения существовали, по-разному проявляясь в различных этнических культурах. Приведенные ниже свидетельства и примеры дают о них представление.

По данным А.А. Попова, собирателя и исследователя долганского олонхо, из старых мастеров наибольшим влиянием на исследователей пользовались Александр Васильевич Еремин-Мекютя и Петр Аксенов со станка Авам. При этом П. Аксенов признавал А.В. Еремина своим учителем [Попов, 1937 с.15]. Как правильно отметил П.Е. Ефремов, во многих случаях, как и у других народов, сказительство передавалось по наследству. Так, лучший сказитель 1960-х гг. 78-летний Иван Александрович Еремин-Сютюк учился сказыванию олонхо у своего отца – вышеназванного А.В. Еремина- Мекютя [Ефремов, 1984, с.17].

Очевидно, что обучение в домашней обстановке имело свои особенности: сказание прослушивались бесчисленное число раз, «учитель» постоянно что-то подсказывал, подправлял. Отсюда – замечаемая исследователями (хотя и вовсе не обязательная) крайняя близость текстов в передаче представителей одной фамилии. Но не только это: «Именно в семейной среде будущий сказитель с детства воспринимает все нюансы сказительства, прежде всего усваивая содержание олонхо, употребляя эпические формулы в повседневной разговорной речи, стараясь свои мысли передать поэтическим языком олонхо» [Илларионов, 1982, с. 23–24].

Функционирование эпоса в семье редко ограничивалось одним лицом. Характерно в этом

смысле признание олонхосута И.Г. Тимофеева-Теплоухова. От мужа старшей сестры он усвоил около 40 сказаний, «Обучаясь» у него мастерству, он стал олонхосутом. Вторым учителем явился дядя по отцу. «В тринадцать лет я впервые попробовал исполнить олонхо перед единственным тогда моим слушателем <...>. А при большом стечении людей впервые сказывал олонхо в четырнадцать лет на свадьбе <...>. Я играл с ребятами в жмурки, когда меня позвали. Это звал меня дядя мой. Он сказал: “Ну, мой мальчик, мой наследник! Не урони наш славный род, насчитывающий девять поколений олонхосутов”» [Строптивный Кулун Куллустуур..., 1985, с. 603].

В автобиографическом рассказе М.З. Мартынова мы наблюдаем устойчивость семейной традиции: он, подражая взрослым, сказывал среди своих сверстников то, что запомнил. Своими учителями он считал старших братьев С.Н. Захарова-Мотохоона, Ерюнян Савву и близкого соседа И. Кириллина-Тээсэра [Илларионов, 1982, с. 129].

Женщины-сказительницы у многих народов учились, в основном слушая своих матерей, теток, подруг, в меньшей степени – отцов и вообще мужчин. Пение и усвоение песен происходило чаще всего дома, за работой и т.д. Например, «<...> под влиянием той эпической среды, которую создавали родная мать Д.А. Томской Авдотья, родственница Александра, а также дядя по материнской линии Мартын, которые были известными в своем круге сказителями <...> Дарья подражала олонхосутам, сказывая эпос во время работы, находясь одна на лоне природы» [Илларионов, 2006, с.162].

Эпосовед Г.И. Варламова, специально исследовавшая женскую исполнительскую традицию, с 1980 по 2005 г. плодотворно работала с талантливыми исполнителями эвенкийского эпоса К.П. Афанасьевой (пос. Владимировка, Хабаровского края, р. Амгунь), А.С. Гавриловой (уроженка Селемджинского района Амурской области), А.В. Абрамовой (пос. Усть Нюкжа Амурской области), А.П. Авеловой (Южная Якутия), которые переняли мастерство и основной репертуар от своих прабабушек, бабушек и матерей либо дальних родственниц по материнской линии. Эпосовед, изучив богатый материал по эвенкийскому эпосу, сделала очень интересный вывод: «Передача и усвоение репертуара, мастерство, право на исполнение тех или иных сказаний переходили к женщинам только по женской линии – это яви-

лось одной из традиций и особенностей женского исполнительства» [Варламова, 2008, с. 39].

Эвенкийский сказитель Н.Г. Трофимов с детских лет увлекся нимнганками: «...почти вся его семья и близкие родственники были одаренными от природы людьми. Старшая сестра Елена своим младшим братьям и сестрам (когда они были еще маленькими, пела сказания, усвоенные ею от чумиканских и сымских эвенков Хабаровского края). Мать Нюкучана и вторая сестра Татьяна хорошо пели эвенкийские песни-импровизации. Мать была воспитана в семье эвенка Кирилла Григорьева, сын которого Роман, тоже певец с сильным голосом, также исполнял нимнганки» [Мыреева, 1966, с. 104–105].

Эвенкийский эпосовед Г.И. Варламова, используя полевые материалы, приводит интересные факты из сказительской деятельности К.П. Афанасьевой, от которой в 1980–1991 гг. был записан большой фольклорный материал. «В детстве она любила слушать свою бабушку, известную в своей среде исполнительницу нимнганков. Пробовала петь их сама, подражая ей» [Варламова, 2004, с. 9]. В другой работе она утверждает, что «все сказительницы начинали усваивать эпос с самого детства и проходили женскую школу» [Варламова, 2008, с. 41].

Передача олонхо по отцовской линии зафиксирована собирателями у многих сказителей. Олонхосут И.Е. Кардашевский, из уст которого в 1970 г. на магнитофон записано олонхо «Уол Дугуй», рассказывал в автобиографии, что его отец, старшие братья в свое время были хорошими олонхосутами и, будучи подростком, он неоднократно слушал исполнение олонхо своими близкими родственниками, а впоследствии усвоил их эпический репертуар [Илларионов, 1982, с. 22].

Как утверждает Ж.К. Лебедева, «эвенкийский сказитель» П.Д. Данилов прошел школу сказительства у своего отца Дмитрия Петровича и теперь сам имеет учеников: Ивана Павловича Данилова, Василия Егоровича Безносова, Семена Егоровича Безносова и других [Лебедева, 1981, с. 87]. В передаче и усвоении сказительского искусства в семьях присутствовали элементы школы, т.е. сознательного приобщения младших к его «секретам», и специального внимания старших к процессу овладения эпическими знаниями.

Сам процесс обучения основывался на принципе подражания, повторения, следования искусству учителя. Так, якутский сказитель исполнял

олонхо «большими частями, обучающийся вслед за ним целиком повторял эти части, потом устраивалось заключительное прослушивание, после которого мастер делал ученику замечания. На этом обучение заканчивалось, и ученик начинал обычную тренировку среди сверстников и близких. За обучение брали небольшую плату продуктами» [Пухов, 1962, с. 8; Илларионов, 1982, с. 21; Строптивый Кулун Куллустуур..., 1985, с. 554]. Сходный момент рассказывает о якутской системе обучения В.Л. Серошевский: «Старый опытный певец поет громко песню и заставляет тут же повторять за собою ученика, затем ученик многократно повторяет самостоятельно поэму, а учитель следит за ним и поправляет слова и напевы. Выучка одного олонхо стоит от тридцати копеек до рубля и больше» [Серошевский, 1993, с. 594]. К сожалению, наблюдатели оставили нам мало подробностей.

Желающий стать сказителем (олонхосутом, нимнгаканом, нимнгакаланом) эпического текста должен усвоить себе, что определенные формулы в эпосе постоянно повторяются, что они могут встречаться и в других текстах (эпопеях), вместе с тем ученик не может не заметить, что хороший, опытный певец умеет в эти часто повторяющиеся места вносить известные оттенки, разнообразить их и всячески оживлять. Начиная изучать, усваивает разные повторяющиеся «общие места», ряды поэтических выражений, фигур, эпитетов и затем пытается приладить все это к знакомому сюжету. Учеником запоминались больше типические места эпоса; в остальном начинающий певец мог придерживаться лишь основной нити эпического повествования, своего рода «сценария», усиленно варьируя исполнение учителя. Так воспитывалась способность молодого певца к творческой импровизации, отличавшая лучших, наиболее талантливых сказителей.

К сожалению, мы располагаем крайне недостаточным материалом для полной и широкой характеристики процесса обучения в его конкретных проявлениях. Живые факты, собранные несколькими поколениями якутских фольклористов и собирателей фольклора, отчасти современными фольклористами А.Н. Мыреевой, Г.И. Варламовой – по эвенкийскому, Ж.К. Лебедевой – по эвенскому, П.Е. Ефремовым – по долганскому фольклору, являются бесценным материалом для обучения этих народов. Сюда же стоит отнести опыт реконструкции процесса обучения югос-

лавских гусяров, предложенный в книге «Сказитель» А.Б. Лорда [1994] а также фундаментальную монографию «Эпическое сказительство» Б.Н. Путилова [1997], обобщающую теоретическое исследование комплекса проблем, связанных с искусством мастеров устного эпоса.

А.Б. Лорд [1994, с. 33–39] обращает внимание на то, что процесс обучения предполагает, наряду с вполне видимой работой по запоминанию и воспроизведению сказания, сначала в отдельных его частях и фрагментах, цельное длительное, постепенное, не всегда заметное и не поддающееся фиксации живое исполнение эпического текста. Многие сказители, рассказывая о годах ученичества, вспоминали моменты «заучивания», оставляя в стороне «скрытую», но важную часть дела. Как образно признался основоположник якутской литературы А.Е. Кулаковский, он и его сверстники, тяготеющие к искусному слову, впитали его «с молоком матери». Будущие сказители действительно с пеленок воспитывались в естественной эпической атмосфере, проходили долгий путь освоения сюжетов, образов, мира персонажей – каждого со своими характеристиками, взаимоотношениями и др. В значительной степени эта работа совершалась бессознательно, ученик лишь ощущал плоды ее, когда в итоге с поразительной легкостью запоминал и воспроизводил сотни и тысячи стихов. Исследователи обычно ссылаются на необыкновенную память сказителей, позволявшую им «без труда» усваивать целые эпопеи. Между тем рядом с памятью в качестве определяющего фактора следует поставить приобретенное исподволь эпическое знание. Певец мог пропеть эпос потому, что вошел в его мир и овладел его языком.

Совершенно правильно отметил Б.Н. Путилов [1997, с. 44], что «подлинным сказителем являлся не тот, кто – подобно чтецу – декламатору – по памяти мог исполнить подчас огромный по объему текст, но тот, кто обладал знанием эпоса во всей совокупности его слагаемых и воспроизводил именно это свое эпическое знание».

Вместе с тем в овладении сказительским искусством есть моменты, не подвластные рациональному объяснению, с трудом воспринимаемые нашим сознанием, сформировавшимся в иных культурных традициях. Сюда, в частности, относится та быстрота и легкость, с какой будущие сказители подчас усваивали эпос, до того им

неведомый. Подтверждение тому мы обнаруживаем, когда речь идет о сказителях, выросших в атмосфере эпического творчества и затем специально обучавшихся этому искусству. Факт из биографии талантливого эвенкийского сказителя Н.Г. Трофимова послужит блестящим примером объяснения быстрого усвоения эпического текста. Когда ему шел десятый год, он впервые услышал нимнгакан. «Уже при втором прослушивании мальчик мог повторить некоторые понравившиеся ему части. А во время третьего исполнения он сел подаль от сказителя и, закрыв глаза, как бы ушел в себя <...> вполголоса повторил за ним весь нимнгакан» [Эвенкийские героические сказания, 1990, с. 84]. Правда, потребовался еще год, чтобы Н.Г. Трофимов мог публично исполнять все сказания. Тем не менее факт быстрого усвоения услышанного эпического текста довольно необычен, одной лишь крепкой памятью его не объяснить. Современный исполнитель нимнгакана и олонхо В.И. Исаков тоже поражает нас сказительским искусством, услышав или прочитав довольно объемный текст, он сразу великолепно исполнял эпос. Как нам известно, знаменитые якутские сказители И.Г. Теплоухов-Тимофеев, Н.А. Абрамов-Кынат, С.Н. Каратаев-Дыгыйар, Д.М. Говоров, Р.П. Алексеев, Д.А. Томская и другие утверждали, что они в детстве один, два раза слышали исполнение олонхосутов и усвоили весь текст олонхо [Илларионов, 2006]. В связи с этим Б.Н. Путилов [1997, с. 44] задает интересный вопрос: «Не может ли идти речь о заложенном в представителях данного этноса чуть ли не генетического предрасположения к сказительству?». Выше мы привели несколько примеров, подтверждающих роль семейной традиции в передаче из поколения в поколение сказительского искусства. Добавим к этому один эпизод, зафиксированный А.А. Саввиным, из жизни олонхосута Н.Г. Павлова: «По отцовской линии нет ни одного олонхосута, а по материнской линии – девять поколений сказителей, семь поколений шаманов» [Илларионов, 1982, с. 22–23]. Приведенный факт, несомненно, свидетельствует об устойчивости генетической памяти. Интересно наблюдение учительницы Кюкяйской средней школы М.В. Николаевой, которая не один год занимается с юными исполнителями олонхо. Оказывается, учащиеся, у которых в роду есть хороший олонхосут или тойуксут, наделены своеобразным богатым кылысахом и вполне могут исполнять

олонхо два-три часа без текста. Она справедливо отмечает, что при правильной постановке вопроса и обучении пробуждается генетическая память, заложенная несколькими поколениями талантливых сказителей [Николаева, 2004, с. 28]. Экстрасенс К.И. Максимова-Сайына несколько лет подряд занималась пробуждением генетической памяти у тех людей, в роду которых были сказители и тойуксуты. Результат был достаточно ощутимым. После нескольких сеансов Сайыны некоторые раскрыли свой талант, спрятанный в глубине души, причем каждый имел свой эпический репертуар [Суханова, 2008, с. 5].

Сегодня, когда якутский эпос олонхо признан ЮНЕСКО шедевром устного и нематериального культурного наследия человечества, интерес к сказительскому искусству усилился. Каждый год проводятся фестивали среди школьников «Я – дитя земли олонхо», среди учащейся молодежи во время зимней ловли рыбы – «Мунха олонхото», среди старшего поколения – «Славься, великий эпос-олонхо», где начинающие, исполняя олонхо и состязаясь друг с другом, повышают сказительское мастерство.

Литература

- Бурнашев И.И.-Тонг Суорун.* Песнопения / зап. и подг. к печати Г.У. Эргис. – Якутск: Якут. гос. кн. изд-во, 1944. – 74 с.
- Варламова Г.И.* Мировоззрение эвенков. Отражение в фольклоре – Новосибирск: Наука, 2004. – 186 с.
- Варламова Г.И.* Женская исполнительская традиция эвенков (по эпическим и другим материалам фольклора). – Новосибирск: Наука, 2008. – 230 с.
- Василевич Г.М.* Исторический фольклор эвенков. – М.; Л., 1966. – 400 с.
- Ефремов П.Е.* Долганское олонхо. – Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1984. – 132 с.
- Илларионов В.В.* Искусство якутских олонхосутов. – Якутск: Кн. изд-во, 1982. – 128 с.
- Илларионов В.В.* Верхоянская эпическая традиция. – Якутск: Бичик, 2006. – 160 с.
- Лебедева Ж.К.* Архаический эпос эвенов. – Новосибирск: Наука, 1981. – 158 с.
- Лебедева Ж.К.* Эпические памятники народов Крайнего Севера. – Новосибирск: Наука, 1982. – 113 с.
- Лорд А.Б.* Сказитель. – М.: Вост.литература. 1994. – 369 с.
- Мыреева А.Н.* Н.Г. Трофимов (Бута) – эвенкийский сказитель // Тез. докл. конф. фольклористов Сибири и Дальнего Востока. – Улан-Удэ, 1966. – С. 59–61.

Мыреева А.Н. Сказительство в условиях якутско-эвенкийского двуязычия // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. – Якутск, 1978. – С. 190–201.

Николаева М.В. Айылгы арыллыгыта: (оҕону олонхоҕо уһуйуу). – Дьокуускай: (б.м.и.), 2004. – 62 с.

Путилов Б.Н. Эпическое сказительство. Типология и эпическая специфика. – М.: Вост. лит., 1997. – 295 с.

Пухов И.В. Якутский героический эпос. Основные образы. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 256 с.

Попов А.А. О жизни и устном народном творчестве долган // Долганский фольклор. – Л., 1937. – С. 7–26.

Романова А.В., Мыреева А.Н. Фольклор эвенков Якутии. – Л.; Наука, 1971. – 330 с.

Сорошевский В.Л. Якуты: опыт этнографического исследования. – М.: РОССПЭН, 1993. – 736 с.

Строптивный Кулун Куллустуур. Якутское олонхо / Послесловие. – М.: Наука, 1985. – 608 с.

Суханова А. Күлүгүрбэт Күн Өркөн: олонхо. – Дьокуускай, 2008. – 264 с.

Урастыров Кюннюк. Тимофей Чээбий // Высекаю искру (статьи, заметки, воспоминания, выступления). – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – С. 199–219.

Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974. – 402 с.

Эвенкийские героические сказания / сост. А.Н. Мыреева. – Новосибирск: Наука, 1990. – 392 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

V.V. Illarionov, T.V. Illarionova

Teaching epic singers (based on storyteller traditions of the peoples of Yakutia)

In this article on the materials of storyteller tradition reveals the process of training and educating the epic singers of the peoples of Yakutia. As noted by the authors, storytellers of epic texts of the Olonkho, nimngkan not passed special training storyteller art. The epic surrounding has always identified talented storytellers who studied the art of the epic singer from the older generation. In the introduction to storytelling play a big role family tradition and genetic memory.

Keywords: storytelling, epic surrounding, epic singer, storyteller, Olonkho teller, Nimngakalan, nimkalan Olonkho, nimngakan, nimkan school, training, education, epic tradition, the epic, a family tradition, genetic memory.

УДК 398.22:008(571.56)

Е.П. Чехордуна

Олонхо П.А. Чехордуна «Толомон Баай тойон, Номогон Баай хотун» (по материалам фольклорной экспедиции 1966 г.)

В статье отражается поиск информации о ранее незафиксированном олонхо П.А. Чехордуна «Толомон Баай тойон, Номогон Баай хотун». Сделана попытка выявить особенности сказительского мастерства олонхосута и проанализировать семантику отдельных фрагментов, записанных музыковедом Э.Е. Алексеевым.

Ключевые слова: якутский эпос, олонхо «Толомон Баай тойон, Номогон Баай хотун», олонхосут, сказительское мастерство, семантика.

Со второй половины XX в. резко сокращается живое бытование олонхо, и вместе с уходом из жизни старшего поколения сказителей возникла реальная угроза исчезновения устной традиции якутского героического эпоса. Поэтому исследование ранее собранного материала, в частности богатого репертуара эпических сказителей-олонхосутов, стало особенно актуальным. Одним из незафиксированных олонхо на таттинской земле является «Толомон Баай тойон,

Номогон Баай хотун» Петра Афанасьевича Чехордуна. Что сегодня известно об этом олонхо? Информации совсем мало.

В книге известного краеведа Е.Д. Андросова «Олоххо тардыһы күүһэ» («Любовь к жизни») в статье «Таатта олонхохуттара» даны списки наиболее распространенных на Таттинской земле олонхо и олонхосутов по наследам улуса. В список Егора Дмитриевича вошли имена 147 олонхосутов, в том числе П.А. Чехордуна, и названия

154 олонхо, но олонхо «Толомон Баай тойон, Номоџон Баай хотун» среди них не значится [Андросов, 2003, с. 97–131].

В справочнике «Олонхосуты Якутии» [2013] под редакцией проф. В.Н. Иванова, куда включены 1389 единиц справок, олонхо «Толомон Баай» не зафиксировано ни у кого, а имена олонхосутов С.В. Герасимова и П.А. Чехордуна занесены в раздел «Олонхосуты (репертуар не зафиксирован)». Не обнаружена информация и в библиографическом указателе «Якутский героический эпос олонхо (1848–2013)» В.Н. Павловой [2015], куда вошло 3726 библиографических записей документов на якутском, русском и других языках.

В статье известного собирателя фольклора П.Н. Попова «Не исчез бесследно» приводится факт о том, что в 1937 г. состоялась первая республиканская олимпиада художественной самодеятельности, в рамках которой устраивались свои районные олимпиады и смотры. В них принимали деятельное участие народные певцы и олонхосуты [Попов, 1987]. Об участниках первой республиканской олимпиады говорится в статье «Музыкальная культура» следующее: «Зачинателями стали 17 народных певцов из Качикатского наслега Орджоникидзевского района (ныне Хангаласский улус). Руководимые председателем колхоза олонхосутом К.П. Константиновым и известным олонхосутом С.В. Герасимовым, они подготовили и показали на первой республиканской олимпиаде в Якутске театрализованную постановку олонхо «Толомон Баай» [Якутская советская литература и искусство, 1964, с. 188]. Своеобразная постановка имела большой успех. Особенно с восторгом было принято выступление семи лучших олонхосутов А.Е. Сивцева из Намского, И.Д. Оконешникова, Г.Г. Устинова из Чурапчинского, С.Е. Андросова, В.И. Антонова из Таттинского, К.Н. Бурцева из Усть-Алданского и М.Т. Шараборина из Олекминского районов и их групповое исполнение данного олонхо по ролям.

В 1966 г. известный музыковед Э.Е. Алексеев в Алексеевский (ныне – Таттинский улус) район Якутской АССР организовал фольклорную экспедицию с целью сбора материала по мотивам олонхо и народных песен. Участники экспедиции побывали в с. Кыйы Тырасинского наслега. Музыковед записал на магнитофон разнообразные мелодии олонхо от сказителей-олонхосутов и народных песен от известных исполнителей.

Позже в отчете экспедиции он отметил следующее: «Поездка в Кыйы была трудной из-за бездорожья, но чрезвычайно плодотворной. Сравнительно небольшое количество информаторов (6 человек) дало ценный в научном отношении материал. Стоит подчеркнуть, что в этом поселке мы встретились сразу с шестью олонхосутами – факт достаточно редкий в наши дни. Прекрасными знатоками и исполнителями олонхо показали себя незрячий певец Михаил Пудович Жерготов (73 года), Павел Васильевич Аммосов (50 лет), Петр Афанасьевич Чехордунов (63 года) и Алексей Яковлевич Хордогосов (74 года)» [Алексеев, 1996].

Известного ученого-исследователя заинтересовала мелодическая импровизация олонхосутов. По мастерству исполнения песен олонхо он выделил трех олонхосутов: «В музыкальном отношении большой интерес представляют отрывки из олонхо М.П. Жерготова «Учукун-Чучукун тойон (особенно, песня старухи-рабыни, песня восьми небесных шаманок и песня коня), песни из олонхо «Харагаччы Сүүрүк» П.В. Аммосова и «Толомон Баай тойон, Номоџон Баай хотун» П.А. Чехордунова». Считая материал ценным с точки зрения науки, он получил согласие исполнителей на запись: «П.В. Аммосов и П.А. Чехордунов (правильно – Чехордун, прим. Е. Чехордуной) дали принципиальное согласие на запись в 1967 г. небольших полных олонхо (по 5–6 часов звучания каждое). Такая запись дала бы неоценимый материал для исследователей».

Олонхосут Петр Афанасьевич Чехордун (1905–1972) родился в семье А.Н. Слепцова из Ойунского рода Кюняйского наслега Ботурусского улуса. С малых лет он воспитывался в семье Иннокентия Спиридоновича Чехордуна из Тырасинского наслега того же улуса. Впоследствии жил и работал там. Был колхозником, бригадиром, ударником труда. Из воспоминаний современников известно, что он обладал хорошим даром сказительства, имел в своем репертуаре несколько олонхо. Одним из них является олонхо «Толомон Баай тойон и Номоџон Баай хотун».

Мы можем сделать некоторые предположения о тексте названного олонхо по записям Э.Е. Алексеева. Информация «Краткий отчет о фольклорной экспедиции в Якутскую АССР в сентябре–октябре 1966 г.» и полевые материалы в шести ученических тетрадях хранятся в архиве ФГБНУ «Институт русской литературы («Пуш-

кинский дом”)» РАН в г. Санкт-Петербурге. К сожалению, магнитофонную запись обнаружить не удалось.

Э.Е. Алексеевым от олонхосута Чехордуна Петра Афанасьевича были записаны отрывки из олонхо «Толомон Баай тойон, Номоџон Баай хотун». Данное олонхо исполнялось в течение двух вечеров. В нем 40 песенных монологов, из которых олонхосут исполнил песни женщины-айыы, старухи Симэхсин и богатыря абаасы.

По воспоминаниям земляков, слушателей его олонхо, Петра Афанасьевича считали даровитым олонхосутом. Он поет как никто другой песни богатырей айыы и абаасы, но в материале Эдуарда Ефимовича сведений об этом не обнаружено. Очевидно, это объясняется состоянием здоровья олонхосута. В отчете зафиксировано следующее: «... состояние здоровья не позволило ему исполнить большее число песен из олонхо».

По сюжету олонхо у нас нет конкретных сведений. Известно, что от П.А. Чехордуна были записаны три фрагмента олонхо:

1-й фрагмент. Песня Номоџон Баай хотун, по которой исследователем отмечено следующее: «Приключения перед рождением. Просит спец. очаг для рождения богатыря. Духа земли просит вызывать приготовить одежду, траву постели. До старости не родили. Поздний и первый ребенок – Ороһулаан төрөөбүт Уһук Туйгун, их сын. Очень длинная. Меняет мотив несколько раз. 4 разных мотива».

2-й. Песня старухи Симэхсин. Записано: «Без объявления. На конец пленки. Коротко просим. Еще раз. Сначала. Согласился. Длинная очень».

3-й. Песня богатыря абаасы Тынырахтаах уола Лыпырдаан Хара. Примечание: «Сначала неудачно. Первая песня: идет отбирать дочь. Отобрал девушку – Үтүө дьахтар Үрүн Тулдук (дочь тойона и хотуна). После идет домой. Радуйся, поет».

На основании имеющегося материала, можно сделать следующие предположения:

По первому отрывку «Песня Номоџон Баай хотун». Судя по названию, она – супруга Толомон Баай тойона. Долгое время детей не было, но когда состарились, у них рождаются сын и дочь. Олонхосут исполнил песню роженицы, меняя мотив 4 раза. Содержание этой песни, предположительно, таково:

«Приключения перед рождением». Женщина готовится к важному событию – рождению ре-

бенка. Слова и мотив песни передают изменчивость внутреннего состояния роженицы.

«Просит спец. очаг для рождения богатыря». В отрывке, как один из основных мотивов олонхо, отражается обряд угощения огня, заклинания духов.

«Духа земли просит вызывать приготовить одежду, траву постели». Призывает в помощь духа местности Аан Алахчын хотун, духов-покровительниц Ахтар Айыыһыт, Эдьээн Иэйэхсит, что в олонхо встречается часто.

«До старости не родили. Поздний и первый ребенок – Ороһулаан төрөөбүт Уһук Туйгун, их сын». Наречение детей именем является важным моментом в развитии сюжета олонхо. Не случайно, что Толомон Баай тойон, Номоџон Баай хотун назвали своего сына именем, в смысловом значении которого отображаются обстоятельства его чудесного рождения: Ороһулаан төрөөбүт – Позднерожденный, Уһук Туйгун – Лучший из лучших.

Можно отметить, что «Толомон Баай тойон, Номогон Баай хотун» Петра Афанасьевича Чехордуна в записи Э.Е. Алексеева и Песня роженицы Сабыйа Баай хотун в олонхо П.А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный» имеют довольно сходные моменты. Примечание исследователя «Очень длинная. Меняет мотив несколько раз. 4 разных мотива» говорит о том, что олонхосут постарался полностью передать Песню Номогон Баай хотун. Косвенно об этом свидетельствует и то, что в воспоминаниях современников П.А. Чехордун предстает сказителем, который владеет голосом, искусно передающим разнообразие песенных монологов олонхо. Земляки оценивали его как «дэгиттэр олонхоһут», что означает «виртуозно владеющий своим голосом».

Поэтому в первой части можно выделить: а) протяжную песню страданий рожавшей женщины; б) песню-алгыс, призывающую духов в помощь через огонь, разводимый во время родов; в) песню-обращение к Аан Алахчын хотун и покровительницам родов; г) песню-благодарение, приносимое Верховным айыы и духам за благополучные роды и наречение именем ребенка.

Э.Е. Алексеев позже в своих трудах Песни рожавшей женщины охарактеризовал как «песни-стоны, собственно болезненные песни, призванные отвлечь, приглушить боль» [Алексеев, 1976, с. 22].

Второй отрывок из олонхо «Песня старухи Симэхсин» – второстепенного персонажа олонхо имеет немаловажное значение в развитии сюжета. То, что песня *очень длинная*, может быть, объясняется размерами исполняемого текста олонхо. Запись сделана в конце ленты, песня исполнена дважды, есть примечание «Коротко просим». В новой записи олонхосут, не сокращая, исполнил эту песню еще раз на новой ленте. Запись оставлена без лишних комментариев, оценок, кроме вышеуказанного: «Длинная очень».

По третьему отрывку «Песня богатыря абаасы Тынырахтаах уола Лыппырдаан Хара» имеются следующие замечания:

«Сначала неудачно». Как следует из отчета Э.Е. Алексеева, олонхосут из-за состояния здоровья исполнил только три песни. Песню богатыря абаасы пропел два раза, хотя раньше у него особенно удавалась именно эта песня.

«Первая песня». Из этого можно заключить, что богатыри Орохулаан төрөөбүт Уһук Гуйгун и Тынырахтаах уола Лыппырдаан Хара боролись несколько раз.

«Идет отбирать дочь. Отобрал девушку – Утүө дьахтар Урун Тулук (дочь тойона и хотуна). После идет домой. Радуясь, поет». Содержание отрывка передает, как богатырь абаасы Тынырахтаах уола Лыппырдаан Хара силой уводит прекрасную дочь Толомон Баай тойона и Номогон Баай хотун.

Итак, по вышеприведенному материалу, а также основываясь на воспоминаниях слушателей и судя по собственным впечатлениям, хотя в те времена я была довольно маленькой, можно дать следующую характеристику отцу как олонхосуту.

1. Он был талантливым сказителем, обладающим сильным голосом, умеющим в свойственной ему манере на одном дыхании, подобно звенящему потоку ручья, петь песни персонажей олонхо.

2. Слушатели отмечали, что его мастерство особенно проявлялось в исполнении песен персонажей:

– песню богатыря айыы он пел густым басом с большим достоинством, украшая голос *кылысахом* – особым видом голосового призвука, характерным для якутской народной песни;

– песня женщины-айыы исполнялась им высоким голосом, в котором так же звонко переливался его неповторимый *кылысах*;

– при исполнении песни богатыря абаасы голос менялся до того, что слушателям нередко становилось не по себе, мороз пробирал по коже от голоса, звучащего страстным низким басом, соответствующим агрессивной, чванливой натуре персонажа;

– имеются и отдельные высказывания относительно его пения: «густой звучный голос», «чистый звук», «переливался ручьем», «сильный голос», «запомнился прекрасный кылысах» и т.д.

3. Особо отмечали живописный язык олонхосута. И стар, и млад отмечали, в каких удивительных красках им передавался эпический мир: «ему очень удавались картины земли олонхо; словно перед глазами рисовал искусный художник, так и он, нигде не останавливаясь, своим выразительным языком изображал страну олонхо».

Это, что нам известно об олонхосуте П.А. Чехордуне, об его олонхо. Далее нами ставятся задачи, которые необходимо решить в перспективе:

1. Дальнейший поиск магнитофонных записей олонхо П.А. Чехордуна.

2. Исследование художественно-изобразительных средств олонхо по отрывкам «Толомон Баай тойон, Номогон Баай хотун» П.А. Чехордуна, сравнительный анализ с текстами других олонхо.

3. Поиски текста олонхо «Толомон Баай», установление авторства.

4. Анализ текста олонхо «Толомон Баай», по обнаружении.

5. Сбор сведений о постановке олонхо «Толомон Баай».

В дальнейшем предстоит большая работа по изучению незафиксированных текстов олонхо, при этом любой материал, даже незначительный, будет востребован исследователями. Наш долг – неустанно прилагать усилия, чтобы увековечить память о своих талантливых предках.

Литература

Алексеев Э.Е. Краткий отчет о фольклорной экспедиции в Якутскую АССР / в сентябре–октябре, 1966 г. // eduard.alkseyew/expedition 1. (дата обращения 26.03.2016 г.)

Алексеев Э.Е. Проблемы формирования лада: на материале якутской народной музыки. – М.: Музыка, 1976. – 288 с.

Андронов Е.Д. Олоххо тардыһы күүһэ. – Дьокуускай: Бичик, 2003. – 304 с.

Олонхосуты Якутии: справочник / гл. ред. В.Н. Иванов. – Якутск: Издат. дом СВФУ, 2013. – 156 с.

Попов П.Н. Суола-ииһэ суох сүппэтэ // Хотугу сулус, – 1987. – № 12. – С. 65– 66.

Якутский героический эпос олонхо: библиогр. указ. / сост.: В.Н. Павлова; М-во культуры и духовного развития РС (Я); Нац. б-ка РС (Я); Арктический гос. ин-т культуры и искусств; Респ. центр Олонхо Дома друж-

бы народов им. А.Е. Кулаковского; театр Олонхо. – Якутск: Бичик, 2015. – 440 с.

Якутская советская литература и искусство. Сборник статей. – Якутск: Кн. изд-во, 1964. – 259 с.

E.P. Chehorduna

Olonkho by P.A. Chehorduna “Tolomon Baay toion, Nomogon Baay khotun” (based on folklore expedition of 1966)

The article reflects search for information about previously unlocked Olonkho “Tolomon Baay toion, Nomogon Baay khotun” by P.A. Chehorduna. An attempt was made to identify features storytelling skills of olonkho teller and analyze the semantics of the individual fragments recorded musicologist E.E. Alexeev.

Keywords: Yakut epic, Olonkho “Tolomon Baay toion, Nomogon Baay khotun”, olonkho teller, storytelling mastery, semantics.

УДК. 398.221(=554)+(=581)

Л.Н. Жукова

Юкагирский миф о погоне богатыря за восьминогим лосем и его китайские параллели

Исследуются в сравнении юкагирский и древнекитайский мифы о погоне богатыря за соляным божеством. Обнаруживается структурное и семантическое сходство; предполагается их единый источник в древних сибирских мифах о небесной охоте. Интерпретируются принципиальные различия в финальной части текстов.

Ключевые слова: Северо-Восток Азии, юкагиры, фольклор, небесная погоня, древнекитайская мифология, сибирские параллели.

Фольклорные тексты этиологического характера, записанные у юкагиров верхней Колымы в конце XX в., обнаруживают определенные параллели с древнекитайскими мифами и сказаниями [Жукова, 2015, 2016].

В результате предпринятых сопоставлений выявлено, что этиологический миф лесных юкагиров «Как Христос делал жизнь на Средней земле» [Жукова, Николаева, Демина, 1989] имеет составной характер и включает, как мы предположили, два древних самостоятельных древнекитайских текста, значительно переработанных юкагирской фольклорной традицией, а затем подвергшихся вторичной переработке с христианских позиций. Это миф о потопах (в добиблейской версии) и сказание о великой битве двух божеств за первенство и передел террито-

рий влияния. Предполагается, что древнекитайские тексты объединены юкагирами в один этиологический миф в относительно позднее время. Название «Как Христос делал жизнь на Средней земле» однозначно свидетельствует об имевшей место адаптации оригинальных источников, происходившей под влиянием библейского сказания с включением христианских персонажей.

Выяснилось, что предполагаемый первоисточник – древнекитайское сказание о великой битве двух божеств за первенство также является составным и включает, по-видимому, два когда-то существовавших независимо фольклорных произведения. Это само сказание о великой битве под покровительством солнечных божеств и известный у народов Сибири соляр-

ный миф о небесной охоте [Юань Кэ, 1987, с. 94–96, 101]. Прямых связей оба сюжета не имеют, за исключением солярной символики и упоминания о племени северных великанов куафу. Однако выявляется скрытый подтекст: в сказании и мифе одинаково отрицательно семантизируются инициаторы битвы/погони – предводитель воинства Чию и великан из племени куафу. Оба персонажа гибнут при торжестве солярных сил. В победе солнечного божества можно видеть назидательный характер древнекитайских текстов.

У лесных юагириков сюжет о небесной охоте записан экспедицией СО АН СССР от юагирики Н.А. Шалугиной в с. Нелемное Верхнеколым-

ского района ЯАССР в 1959 г. [Юагиры, 1975, с. 54]. Как вариант можно рассматривать шаманский текст лесных юагириков о погоне охотника за шестиногим лосем и добыча его. На многоногом животном восседал маленький человек – дух-хозяин лося [Жукова и др., 1989, ч. 2, № 34, с. 5].

Обнаруживается присутствие общего сюжета у лесных юагириков (2-я пол. XX в.) и древних китайцев (2-я пол. I тыс. до н.э. – 1-я пол. I тыс. н.э.) (табл. 1).

Сопоставление юагириковского и китайского текстов о потопе и великой битве предпринято нами в выше названных статьях, обратимся к мифу о небесной охоте.

Таблица 1

Сочетаемость рассматриваемых текстов

Фольклорный текст	Юагиры	Древние китайцы
Миф о потопе	Включен в текст «Как Христос делал жизнь...»	Самостоятельный или в композиции с другими мифами
Сказание о великой битве	Включен в текст «Как Христос делал жизнь...»	Основа текста о битве солярных божеств
Миф о небесной погоне	Самостоятельный	Включен в текст о битве солярных божеств

Лесные юагиры.

«Наш охотник сидел утром, чай кипятил. Вдруг видит, бежит восьминогий лось, а за ним большой человек. Догнал, убил, освеживал. Наш спрашивает: «Ты откуда?» Охотник-богатырь говорит: «От Магадана преследую. Лося дух послал, чтобы места посмотреть, а я за ним побежал, чтобы мясо добыть». «Ну, садись чай пить», – сказал наш охотник, но богатырь ответил: «Э, некогда. Снег в твоём котле пока растает, добеги обратно». Оставил часть мяса нашему и исчез. Такой удалой ламут!» [Юагиры, 1975, с. 54].

Древние китайцы.

«Племя куафу жило на горе... в большой пустыне на севере. Люди этого племени были огромного роста и обладали величайшей силой... Жил среди них один великан, который...

загорелся великим желанием догнать солнце, посостязаться с ним в беге. И действительно, он помчался по равнине великими шагами, подобно ветру, вдогонку за уходящим на запад солнцем. В мгновение ока он пробежал тысячу ли и в конце концов настиг солнце в долине Юйгу, то есть в Юйвани» [Юань Кэ, 1987, с. 101].

Он хотел схватить солнце, но его одолела жажда, он лег на землю, выпил две реки, не утолив жажды, побежал на север к Великому озеру/Широкому морю, “но по дороге, как гора, упал и умер”. В память об этом событии названа гора Куафушань или Чэнцзяшань (Гора-подставка).

«На вершине горы лежат три огромных камня, словно три рта в иероглифе *пинь*... на них этот Куафу ставил большой котел, чтобы вскипятить воду, когда он, состязаясь в беге с солнцем, захотел пить» [Там же, с. 102].

Сопоставление юкагирского и китайского текстов

Элементы сюжета	Юкагирский текст	Китайский текст
Повествование от имени	Рассказчика-юкагира	Стороннего автора, 3-го лица
Образ солнца	Восьминогий лось	Солнце как персонаж
Догоняющий	Большой человек; охотник-богатырь, удалой ламут (эвен)	Великан племени куафу
а) место жительства богатыря	На востоке (от Магадана бежит)	На горе в большой пустыне на севере
б) направление бега	На запад от Магадана за лосем	На запад за солнцем
в) характеристика движения	Догнал многоногого лося	Помчался за солнцем «великими шагами, подобно ветру» и настиг его
Побудительная причина	Дух послал лося места посмотреть, а богатырь побежал, чтобы мясо добыть	Великан решил догнать солнце, состязаться с ним в беге
Результат погони	Убил многоногого лося	Хотел схватить солнце, но одолела жажда, упал, умер
Добавления к сюжету	Встреча с юкагиром, дележ мяса	Перечислены конкретные топонимы: долина, озеро, гора
Котел	Юкагир в нем кипятил чай. Богатырь: «Снег в твоём котле пока растает, добегу обратно»	На вершине горы на трех камнях великан ставил котел, «чтобы вскипятить воду, когда он, состязаясь в беге с солнцем, захотел пить»

Юкагирский и китайский тексты обнаруживают следующие сходства (табл. 2): 1) представлены только мужские персонажи; 2) мифические великаны иноэтничны и не принадлежат ни к юкагирам, ни к китайцам: у юкагиров – со стороны востока ламут-эвен, у китайцев – из северного племени куафу; 3) мифические великаны выступают в контексте погони за солярным божеством: восьминогим лосем (юкагиры), природным светилом (китайцы); 4) в результате погони гибнут: многоногий лось или сам богатырь.

Сюжет о гигантском лосе, преследуемом охотником, известен в фольклоре народов Сибири и индейцев Северной Америки [Топоров, 1982]. Одни исследователи видят в мифическом многоногом животном (шести/восьминогий лось/олень) воплощение образа божества Земли-матери, другие – солярный символ или символическое изображение Среднего и Нижнего миров Вселенной [Окладников, Мазин, 1979, с. 60;

Прокопьева, 2009, с. 39–47]. Исследовавшая образ многоногого лося в фольклоре лесных юкагиров П.Е. Прокопьева пришла к выводу о соотносительности его с символикой Земли [Прокопьева, 2009, с. 47].

Изображение многоногого лося отсутствует в декоративно-прикладном искусстве юкагиров, нет его и среди древних наскальных рисунков Якутии. Образ лося в наскальном творчестве позднего неолита – бронзового века приобрел космогонический подтекст: лось с подбородочной шерстью в виде капли как символ небесного божества, беременная лосиха – символ Земли-матери [Жукова, 2012, с. 53–70]. В этот период изображения лося/лосихи/оленья сочетаются с геометрическими символами солнца. Чаще это линия радуги, перекрещенная косым крестом, с выступами-лучами в верхней части (от 1 до 9), лучистый или перекрещенный круг, позднее – антропоморфная личина в круге с четырьмя лучами

[Окладников, Запорожская, 1972, табл. 13, 17, 23, 24; Окладников, Мазин, 1976, табл. 1, 10; Окладников, Мазин, 1979, табл. 4, 52, 53, 60].

Многолучевой круг на вороте юкагирской распашной одежды, по нашему мнению, может быть интерпретирован как знак многогоности солярного зооморфного божества [Жукова, 2009, с. 72–74]. Графику солярного знака – восьминогого животного могут составлять два креста (косой и прямой), иногда в композиции с другими знаками и символами. Отсюда выводится возможный зооморфный код древней свастики.

Один из древнейших сюжетов небесной охоты воссоздается в памятниках ранней южносибирской бронзы.

В окуневской культуре миф «выглядит как преследование хищником, соединяющим в себе черты волкообразного существа с головой медведя (?) и птичьими лапами, идущего на запад быка, отождествляющегося с Солнцем» [Хлобыстина, 1971, с. 173]. М.Д. Хлобыстина со ссылкой на работы исследователей пишет, что легенды о небесной охоте связаны с древнейшими наблюдениями за перемещением Солнца и звезд. В первоначальном варианте мифы повествовали о преследовании одной стихии другой, олицетворенных соответственно в животных образах. По мере развития роль преследователя Солнца «отводилась очеловеченному образу охотника» [Там же, с. 172].

Древнее солярное многоногое божество выявляется на материале китайской мифологии. В некоторых древнекитайских мифах боги солнца Янь-ди и Хуан-ди – антропоморфные божества, выступающие как братья либо как соперники за передел территорий влияния. Во многих версиях древнего сказания о великой битве божеств упоминается потомок солнечного бога Янь-ди по имени Чию, отдельными своими чертами сближающийся с солярным божеством: он «обладал способностью летать по небу и ходить по самым опасным горным хребтам» [Юань Кэ, 1987, с. 99].

Согласно народным преданиям, предводитель войнства получеловек-полузверь Чию имел 6-8 рук и 8 ног, человечье тело, коровьи копыта, четыре глаза. На голове он имел один рог. Воины – его братья, числом 81 или 72 (каждое число дает в сумме 9) также имели по шесть рук. Каждый из братьев «имел медную голову с железным лбом, звериное тело, коровьи копыта, четыре глаза» [Там же, с. 95]. Ассоциация Чию и его братьев с

крупным рогатым скотом имеет корни в древних солярных культах. По В.В. Иванову, бык и корова в ряде древних культурных традиций ассоциируются с божествами, но бык часто выступает как воплощение водной стихии, грома, сына небесной коровы [1980], а небесная корова – символом плодородия, изобилия и благоденствия, она превращается в небо или упоминается в паре с богом солнца [1982]. В Южной Сибири в искусстве окуневской раннебронзовой культуры бык воплощал солнечное божество. Наиболее полно солнечный бык проявляется в сюжетах наскальной графики [Хлобыстина, 1971, с. 173]. М.Д. Хлобыстина пишет о фигурах «быкоподобных женщин», солярных знаках, окруженных бычьими рогами, «иногда знаку Солнца сопутствует один рог» [Там же]. Как правило, с быком/коровой ассоциировали солнце ранние скотоводческие племена.

В древнем Китае домашнему животному в качестве солярного символа, скорее всего, предшествовал орнитоморфный образ. По нашему мнению, он запечатлен в древней китайской «Книге гор и морей», разные части которой были созданы в разные эпохи: от VIII в. до н.э. – по начало I в. н.э. [Юань Кэ, 1987, с. 257].

«Рассказывается, что в западной части гор Тянь-Шань жила священная птица, напоминающая своим видом желтый мешок; она могла краснеть и тогда становилась похожей на огненно-красный шар, у нее было шесть ног и четыре крыла, но не было у нее ни ушей, ни глаз, ни рта, ни клюва, она понимала песни и пляски; звали ее Ди-цзян» [Там же, с. 29].

Божество Ди-цзян иначе именуется Ди-хуан, то же, что и Хуан-ди, и означает Верховный владыка Центра [Там же]. Некоторые исследователи древнекитайской мифологии предполагают, что мифические противники Хуан-ди и Янь-ди – один и тот же персонаж.

Священная птица по имени Ди-цзян может рассматриваться как орнитоморфный предшественник и инвариант антропоморфного, ассоциированного с мужчиной солнечного божества Хуан-ди/Ди-хуан. На этом основании предполагается метафорическая связь небесного светила – «желтого мешка» и «огненно-красного шара» с многоногой и многокрылой священной птицей и богом-человеком. Все они являются мифопоэтическими эквивалентами в культовом поклонении солнечному божеству. Китайскому искусству с древних времен известен орнитоморфный образ

солнца в виде круга с вписанной в него золотой вороной [Там же, с. 38].

Полагаем, что текст о священной птице, жившей в западной части гор Тянь-Шань, являет собой вид загадки. В ней выведен геометризованный знак солнца: круг («мешок, шар»), перекрещенный прямым крестом, на концах креста 4 отростка (свастика) – «крылья» птицы. Косой крест и линия горизонта (не обязательно проходящая через центр круга) своими концами выходят за пределы овала, их концы – это «6 ног» священной птицы. Понимание песен и плясок – это понимание ритуальных церемоний и обращений людей к божественному владыке Центра. Причем, признаков антропоморфизма (глаз, лица и проч.) нет, что указывает на архаику образа и сюжета в целом.

Птицеподобное небесное/солнечное божество запечатлено среди наскальных рисунков периода позднего неолита – бронзового века Забайкалья [Окладников, Запорожская, 1970, ч. 2, табл. 12-18; 39, 3; 67, 68] и средней Лены [Окладников, Запорожская, 1972, табл. 105, 3; 166, 1]. Ворон – божество или герой-трикстер, известный персонаж мифологии палеоазиатских народов. В отличие от палеоазиатского в юкагирском фольклоре не зафиксированы тексты с особым отношением к ворону как мироустроителю. У юкагиров тундры в мифе о происхождении чукчей небесный свет добывает самец белой куропатки [Иохельсон, 2005б, с. 411–413]. Куропатка и Ворон – родственники, в качестве женихов они сватаются к дочерям стихий, в том числе дочерям Солнца. Из-за дурной привычки Ворона клевать экскременты собаки им везде отказывают [Там же, с. 413–414]. Ворон – лгун и коварный убийца детей Куропатки-матери. Орел-предводитель судит и строго наказывает Ворона за проделки [Там же, с. 348–350]. Записан широко известный у народов Северной и Юго-Восточной Азии и аборигенов Америки миф о взаимном окрашивании вороны и гагары/чомги [Там же, с. 391–392; Жукова и др., 1989, ч. 1, № 5].

В юкагирском шаманизме ворон не играет видной роли. Ворон не назван в числе птиц, голосам которых подражает шаман тундровых юкагиров [Иохельсон, 2005б, с. 286]. Шаманский миф лесных юкагиров рассказывает об особом качестве вороних яиц: те, кто ел их в детстве, пони-

мают вороний язык. Ворон – знающая птица [Жукова и др. 1989, ч. 1, № 12]. Таким образом, функционально ворон как орнитоморфное солнечное/небесное божество у юкагиров явно не прослеживается.

Древний солярный многоногий символ лесных юкагиров, скорее всего, имел зооморфные черты, воплощением солнца был лось/олень – самое крупное копытное животное и главный «мясной зверь» охотников лесотаежной зоны. Известен этиологический миф лесных юкагиров, в котором лосю приданы функции мироустроителя: ударом копыта он приплюснул голову красавца-налима, после чего налим стал некрасивым и мстительным (ПМ* П.Е. Прокопьевой [Жукова, Прокопьева, 1991, с. 147]).

Составим цепочку наиболее вероятных соответствий древних солярных символов:

юкагиры – зооморфный образ многоногого лося, орнитоморфный (куропатка?), геометрические знаки;

китайцы – многоногие орнитоморфный (ворона) и зооморфный (домашнее животное бык/корова) образы, геометрические знаки, антропоморфное божество.

В записях древнекитайских авторов солярное божество сочетало признаки, свойственные культурному герою в период становления раннегосударственного политического образования: единовластие, обучение земледелию, передачу людям многих практических и иррациональных знаний.

Солнечный персонаж в исследуемом древнекитайском тексте о небесной охоте хотя и лишен дополнительных характеристик, все же сохранил некоторые зоо- и орнитоморфные соответствия. Так, великан-преследователь загорелся желанием «посостязаться с ним в беге», «он помчался... вдогонку за уходящим на запад солнцем... настиг» его и «хотел схватить». В этой части описание соответствует погоне за добычей охотника-богатыря из юкагирского текста: «...бежит восьминогий лось, а за ним большой человек. Догнал, убил, освежевал». Эпизод с погоней предполагает наличие в ранней, древнейшей версии китайского мифа преследуемой божественной птицы (вороны?) или зверя (не домашнего животного), возможно, «мясного», парнокопытного, явно не хищника. Скорее всего, текст о небесной погоне

*ПМ – полевые материалы.

был заимствован китайцами от северных соседей, он адаптирован в соответствии с собственными мифопоэтическими традициями и общественно-политическими реалиями (например, гибель возмутителя спокойствия великана-охотника).

Юкагирский миф сообщает, что дух послал лося «места посмотреть», т.е. предполагается наличие мифического духа-хозяина лося. То же видим в юкагирской шаманской «Легенде о шестиногом лосе»: на необыкновенном животном восседал маленький человек – его хозяин. Последнее может быть свидетельством поздней трансформации, когда древняя зооморфная сущность божества нивелируется, а на первый план выдвигается нововведенный образ антропоморфного духа-покровителя. В этих юкагирских текстах зооморфная ипостась божества как маркера архаики утрачивает актуальность и уходит на второй план. Мифологическая составляющая анализируемого мифа практически выхолощена и сводится к банальной добыче и дележу мяса. Великан в погоне за многоногим лосем превращен в «удалого» промысловика-ламу, соблюдавшего традицию делиться своей добычей. Рассказчик, скорее всего, и не помышлял о космогонической символике восьминоного животного, что может свидетельствовать о пересемантизации значащих в прошлом образов и кризисе мифологического сознания в целом.

Кстати сказать, подобные процессы происходили и с древнекитайской мифологией. Исследователь Юань Кэ с сожалением пишет: «Китайские мифы в значительной степени утрачены, и от них сохранились лишь разрозненные осколки, которые, будучи рассеяны в сочинениях древних авторов, не представляют какой-либо системы... Древние мифы записывались в Китае в течение весьма продолжительного времени – начиная с эпохи Восточного Чжоу до периодов Вэй, Цзинь и Шести династий (VIII в. до н.э. – VI в. н.э.), что составляет более тысячи лет... Время, равно как и те, кто записывал мифы, наложили на них свой отпечаток» [Юань Кэ, 1987, с. 13, 22]. Т.е. мифологический мир в сочинениях древнекитайских авторов уже не представлял какой-либо системы.

Концовки юкагирского и китайского текстов принципиально различны. У юкагиров добыча богатырем священного животного не сопровождается значимыми последствиями, катаклизмами. Этиологическая составляющая присутствует в юкагирской «Легенде о шестиногом лосе»: по-

сле добычи необычного животного шаман определил на будущее, как правильно хоронить останки добытого лося, чтобы впредь избавить людей от голода. Обычно в мифах народов Сибири из священного животного или в результате охоты на него появляются различные объекты природы, сам человек, объясняется положение и движение небесных объектов, смена дня и ночи.

В китайском тексте великан племени куафу гонится и желает схватить солнце как добычу. Однако дерзнувшему посягнуть на небесное божество великана охватила великая жажда (символика опаленности солнцем), он выпил две реки, побежал далее на север (откуда и начал погоню за солнцем) к озеру/морю, но «по дороге, как гора, упал и умер». Небесное божественное светило не поймано и не уничтожено, а великана постигло возмездие: «его падение на землю сотрясло горы и реки». Великан из племени куафу может быть сравним с древнегреческим Икаром, дерзнувшем взлететь к солнцу, и также погибшим.

В юкагирском и китайском мифах имеется еще один объединяющий элемент – это упоминание о котле.

В юкагирском исчислении времени закипание воды в котле определяет небольшой промежуток времени, равный примерно одному часу. Например: «оставайся там, пока не закипят друг за другом три котла», т.е. на три часа. Для закипания замороженного котла этот промежуток чуть длиннее [Иохельсон, 2005б, с. 83]. В данном тексте на приглашение юкагира отдохнуть и выпить чай богатырь ответил: «Снег в твоём котле пока растает, добеги обратно» (растает, а не закипит). Следовательно, подразумевается очень короткий отрезок времени, что является показателем высокой скорости бега богатыря и краткости времени нахождения в пути. То есть ответ богатыря соответствует юкагирскому исчислению времени; не ясно, характерно ли такое исчисление для ламутов (эвенов); якутам оно известно [Там же].

В китайском тексте слово «котел» содержит не временную парадигму, а имеет отношение к действию – утолению сильной жажды. «На вершине горы [Куафушань или Чэнцзяшань (Гора-подставка)] лежат три огромных камня, словно три рта в иероглифе *пинь*... на них этот Куафу ставил большой котел, чтобы вскипятить воду, когда он, состязаясь в беге с солнцем, захотел пить». Интерпретатор текста Юань Кэ выражает сомнение в том, было ли у соревнователя велика-

на время для кипячения воды [1987, с. 102]. Действительно, имеется противоречие в тексте легенды: «...помчался по равнине великими шагами, подобно ветру, вдогонку за уходящим на запад солнцем. В мгновение ока он пробежал тысячу ли...». Создается впечатление, что упоминание о котле в китайском тексте несет следы трансформации каких-то ранних мифопоэтических элементов. Сюжеты о сильной жаре и жажде свойственны мифологии китайцев; скорее всего, они и наложили отпечаток на данный миф.

Юкагирский миф, тяготеющий в финальной части к жанру охотничьего рассказа-были, записан как самостоятельный, однако ощущается его незавершенность и, кроме того, выхолощенность мифопоэтического содержания. Можно предположить, что переработанные юкагирский и китайский мифы восходят к общему древнему сибирскому источнику. Юкагирского текста не коснулась позднейшая христианская обработка, и потому он может быть образчиком того, как народная фольклорная традиция доносит до современности (сер. XX в.) древний фольклорный материал.

Соляренный миф о великане куафу встроен в текст большого древнекитайского сказания о битве за первенство (возможная дата описываемых событий: кон. V в. – кон. III в. до н.э.) [Жукова, 2016]. Прямых связей оба сюжета, как мы выяснили, не имеют. Общность их заключается в том, что главные персонажи (воинственный Чию и великан куафу) гибнут как покусившиеся на верховную власть соляренного божества.

Предполагаемым позднейшим инвариантом китайского сказания о битве является юкагирский миф «Как Христос делал жизнь на Средней земле», который не имеет вставного сюжета о погоне за солнцем. Названный сюжет записан как самостоятельный. Эти тексты различаются интерпретацией солярных символов. С одной стороны – боги Верхнего мира и Христос – их посланник, с другой – восьминогий лось и его предполагаемый дух-хозяин. Христос и многоногий лось выступают посланниками высших божественных сил. Здесь обнаруживается некий параллелизм в образах посланников: в древней зооморфной (многоногое животное) и поздней антропоморфной (Христос) ипостасях. Божества верховного уровня представлены богами Верхнего мира и духом-хозяином лося. Возникает вопрос, не оказала ли христианско-библейская вер-

сия разлагающего воздействия на культ юкагирского языческого соляренного божества в зооморфном облики и умаление его роли? Социально-экономическое положение древних юкагирских племен, присваивающее хозяйство и язычество не имели потенции к взрыву изнутри (что, например, наблюдалось у древних китайцев: становление производящего хозяйства, патернитет и единачалие, социальное разложение общества и ранняя государственность). Толчками к существенным изменениям в различных сферах жизни юкагирских племен на протяжении длительного времени являлись, скорее всего, иноэтнические влияния.

В заключение важно отметить, что древнекитайский миф содержит сведения о мифической земле на севере и населяющем его племени великанов куафу, что указывает на ранние, во многом вымышленные, географические сведения о севере, его ландшафтных особенностях и жителях.

Литература

Жукова Л.Н. Юкагирско-китайские фольклорные параллели // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 7. – С. 72–76.

Жукова Л.Н. Юкагирский и древнекитайские мифы о переустройстве мира // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2016. – № 2. – С. 108–114.

Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. – Ч. I: Одежда юкагиров: генезис и семантика. – Новосибирск: Наука, 2009. – 152 с.

Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. – Ч. 2: Мифологическая модель мира. – Новосибирск: Наука, 2012. – 360 с.

Жукова Л.Н., Николаева И.А., Демина Л.Н. Фольклор юкагиров верхней Колымы. – Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1989. – Ч. 1. – 161 с. – Ч. 2. – 89 с.

Жукова Л.Н., Прокопьева П.Е. Фольклорные тексты юкагиров верхней Колымы // Язык – миф – культура народов Сибири. – Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1991. – Вып. 2. – С. 146–167.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / пер. с англ. В.Х. Иванова и З.И. Ивановой-Унаровой. – Новосибирск: Наука, 2005. – 675 с.

Иванов В.В. Бык // Мифы народов мира. – Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – С. 203.

Иванов В.В. Корова // Мифы народов мира. – Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1982. – С. 5–6.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука. – Ч. 1. – 1969. – 219 с.; – Ч. 2. – 1970. – 363 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы средней Лены. – Л.: Наука, 1972. – 271 с.

Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1976. – 190 с.

Окладников А.П., Мазин А.И. Петроглифы бассейна реки Алдан. – Новосибирск: Наука, 1979. – 152 с.

Прокопьева П.Е. Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре. – Новосибирск: Наука, 2009. – 143 с.

Топоров В.Н. Лось // Мифы народов мира. – Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1982. – С. 69–70.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие южносибирские мифы в памятниках окуневского искусства // Первобытное искусство / Отв. ред. Р.С. Васильевский. – Новосибирск: Наука, 1971. – С. 165–180.

Юань Кэ. Мифы древнего Китая. – М.: Гл. редакция вост. литературы, 1987. – С. 5–377, 478–527.

Юкагиры: историко-этнографический очерк / Отв. ред. А.П. Окладников. – М.: Наука, 1975. – 244 с.

L.N. Zhukova

The Yukagir myth about chasing the hero for the eight-legged moose and its Chinese parallels

We investigated in comparison Yukagir and ancient Chinese myths about the pursuit of the hero for the solar deity. Detected by structural and semantic similarity; they are to be a single source in the ancient Siberian myths of the heavenly hunt. Interpreted fundamental differences in the final part of the texts.

Keywords: Northeast Asia, Yukagirs, folklore, heavenly pursuit, ancient Chinese mythology, Siberian parallels.

Е.Р. Николаев

Живое общение на филологических конференциях

Для любого аспиранта, ученого одними из основных результатов исследований являются публикации в журналах, сборниках и участие в различных научных конференциях. Очное участие в научных мероприятиях предполагает сотрудничество, близкое общение с той или иной научной школой, общее развитие, расширение научных взглядов.

19–21 мая 2016 г. в Адыгейском государственном университете (АГУ) (Майкоп, Республика Адыгея) в десятый раз прошла X Международная научная конференция «Проблемы общей и региональной ономастики» (ПОРО), организованная Лабораторией региональной ономастики НИИ комплексных проблем и кафедрой русского языка филологического факультета АГУ. В этом году она была посвящена 80-летию проф. Розы Юсуфовны Намитоковой, руководителя научной школы изучения ономастики Северного Кавказа, основателя и идейного вдохновителя проведения конференций по ономастической тематике. Участниками конференции стали преподаватели вузов и PR-специалисты, ученые и аспиранты из Москвы, Санкт-Петербурга, Анапы, Волгограда, Краснодар, Махачкалы, Ростова-на-Дону, Тамбова, Туапсе, Якутска, Донецка, Киева.

На пленарном заседании прозвучали доклады проф. А.С. Щербак (Тамбовский ГУ им. Г.Р. Державина) «Номинативная функция урбанонима», проф. С.В. Ильясовой (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) «Онимословотворчество (на материале языка современных рос-

сийских СМИ)». Руководитель Лаборатории региональной ономастики проф. Р.Ю. Намитокова (АГУ) выступила с итоговым докладом «Проблемы изучения региональной ономастики Северного Кавказа: результаты и перспективы», освещающим этапы становления лаборатории как научного центра и намечающим проекты будущих исследований, а также представила вышедшие из печати к началу конференции лингвистические беседы по краеведению под названием «В мире имен собственных» (Майкоп, 2016. 292 с.).

Пленарные заседания конференций ПОРО, как правило, открывают новые научные горизонты изучения ономастических проблем в междисциплинарных теоретических и прикладных исследованиях. Так, в докладе В.О. Максимова, заместителя ученого секретаря ГЛЭДИС (Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам), «Антропонимы как объект лингвокриминалистических экспертиз» (в соавторстве с проф. М.В. Горбаневским, академиком РАЕН, действительным членом Гильдии) представлена методика и образец проведения экспертного исследования имени собственного.

Бурную дискуссию вызвало выступление кандидата биологических наук Р.А. Схалыхо (ФГБУ «Медико-генетический научный центр», Москва) «Фамилия, род и генофонд в изучении народонаселения», которое осветило результат работы научной группы по поиску связи фамилий (родов, кланов) и Y-хромосомы, актуального направления в популяционно-генетических исследовани-

Участники конференции «Проблемы общей и региональной ономастик».
(19–21 мая, 2016 г. г. Майкоп)

ях. В качестве вывода указана высокая эффективность использования фамилий как квазигенетического маркера у некоторых народов, а именно адыгов, абхазов и осетин.

Дальнейшая работа конференции протекала в четырех секциях. На топонимической секции прозвучали доклады о проблемах создания словарей, о трансформации гидронимов, об имени собственном в языковом пространстве современного города (М.Р. Багомедов, И.И. Эфендиев, А.С. Пирмагомедова (Махачкала), Т.Г. Туова, Ф.В. Тугуз, И.А. Нефляшева, С.К. Сапиева (Майкоп), Л.А. Авакова (Санкт-Петербург)).

На секции «Литературная ономастика и аспекты изучения “имени-в-тексте”» исследователи представили доклады о роли онимов в художественном тексте и особенностях их функционирования, о поэтонимологии как разделе литературной ономастики (А.М. Григораш (Киев), В.М. Калинин (Донецк), Н.Б. Гарбовская (Краснодар), Т.М. Степанова (Майкоп)).

В работе секции «Онимы в разных лингвокультурах и в разных дискурсах» приняло участие самое большое количество докладчиков. Был поднят широкий круг вопросов: от отражения национального менталитета сквозь призму адыгского антропонимикона и имен собственных в малых профессиональных группах до исследования антропонимов в русской и китайской волшебной сказке и выявления этимологии одного

якутского имени собственного. Объектами анализа стали антропонимы, теонимы, зоонимы и другие виды собственных имен (А.Н. Абрегов, К.Н. Паранук, А.П. Тихонова, Р.Б. Унарокова, Б.А. Шеожева (Майкоп), О.И. Авдеева (Москва), М.Ю. Беляева (Славянск-на-Кубани), Е.А. Белюсова (Туапсе), Т.А. Бойкова, И.В. Крюкова (Волгоград), И.Ван, С.В. Коростова (Ростов-на-Дону), Е.Р. Николаев (Якутск)).

К началу конференции был опубликован очередной 10-й сборник «Проблемы общей и региональной ономастики» (Майкоп, 2016. 256 с.).

Ученые из разных регионов пришли к выводу о необходимости провести еще раз подобное общероссийское научное мероприятие с тем, чтобы консолидировать научное сообщество ономастологов, в настоящий момент представленное более чем 10 научными школами – от ономастики Поволжья до Екатеринбурга. Также дагестанские коллеги предложили проводить ПОРО и в Махачкале, что вызвало одобрение всех участников, которые разъехались с надеждой на новые встречи и с уверенностью в новых научных достижениях.

2–3 июня 2016 г. на базе Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН состоялась XVI Всероссийская научная конференция (с международным участием) «Актуальные проблемы диалектологии языков

Участники XVI Всероссийской научной конференции
«Актуальные проблемы диалектологии языков народов России» (2–3 июня 2016 г. г. Уфа)

народов России». Организаторами выступили ФАНО, РАН, РГНФ, Институт языкознания РАН, Уфимский научный центр РАН, Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, АН Республики Башкортостан, Министерство образования Республики Башкортостан.

В конференции очно и заочно приняли участие филологи из Турции, Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Туркменистана, Украины, Башкортостана, Алтая, Дагестана, Карачаево-Черкесии, Коми, Марий Эл, Татарстана, Хакасии, Чувашии, Республики Саха (Якутия), Ханты-Мансийского автономного округа, Новосибирской, Свердловской, Тюменской областей, статьи которых вошли в сборник.

Участники конференции обсудили широкий круг актуальных теоретических, методологических, методических проблем диалектологии тюркских, славянских, финно-угорских и других языков России. Озвученные доклады вызвали большой интерес участников и слушателей. Необходимо отметить, что современная диалектология вышла на новый уровень, и теперь практически невозможно представить лингвистические, исторические, этнографические, культурологические исследования без прикладных наук (информационных, математических, технических). В общей секции (модератор – д.ф.н., научный руководитель Института истории, языка и литературы УНЦ

РАН Ф.Г. Хисамитдинова) прозвучали доклады с презентациями: З.А. Сиразитдинова, Л.А. Бускунбаева «Диалектологический ресурс машинного фонда башкирского языка» (Уфа), Ф.А. Надршиной «Башкирская фольклористика: современное состояние, перспективы развития» (Уфа), А.М. Меметова «Готы в Крыму и их участие в этногенезе крымских татар» (Симферополь), Г.Н. Ягафаровой «О первичной номинации в тюркских языках» (Уфа), М.З. Закиева «О значении слов татар и тартар (и о книге Эдуарда Паркера)» (Казань), Н.С. Уртегешева «Северо-западный диалект башкирского языка: мягкорядные округленные полуузкие гласные (по данным МРТ)» (Новосибирск), В.А. Гречачина «Проблемы компьютерной обработки однобуквенных аффиксов старотюркского языка (на материале текстов М.-А. Чукури)» (Уфа), Е.Р. Николаева «Некоторые аспекты проблемы транслитерации якутских имен собственных» (Якутск), Ф.И. Салимова, Ф.С. Баязитовой, Л.Г. Хабибуллиной «Способы терминотворчества и словообразования в татарских диалектах» (Казань), Л.Н. Абдрахмановой, Г.У. Кабировой «Некоторые проблемы перевода Башкирской энциклопедии» (Уфа), Ю.В. Псянчина «Выдающемуся ученому-тюркологу современности, организатору науки, педагогу и общественному деятелю Э.Р. Тенишеву – 95 лет!» (Уфа) и др.

По итогам конференции единогласно была принята резолюция, куда были включены положения, касающиеся проблем всех тюркских языков России:

- обратить внимание на необходимость формирования информационных лингвистических баз данных в регионах Российской Федерации с целью научного исследования, пропаганды родного языка, анализа и принятия оптимальных управленческих решений;

- признать актуальным создание диалектологических корпусов языков народов РФ;

- рекомендовать руководителям СМИ и журналистскому корпусу расширить передачи по обучению государственным и родным языкам, по формированию положительного имиджа миноритарных языков России и т.д.

Все желающие, в том числе аспиранты, магистранты, с материалами конференций могут ознакомиться в системе *elibrary.ru* и у автора.

ЮБИЛЯРЫ

Феномен Илларионова

(к 70-летию со дня рождения)

Известный российский фольклорист, олонховед, доктор филологических наук Василий Васильевич Илларионов, встречает свое семидесятилетие в год начала второго Десятилетия Олонхо. Это символично. Он, достойный представитель якутской школы олонховеде-

ния, свято исполняя заветы своих учителей Г.У. Эргиса, И.В. Пухова, Н.В. Емельянова, как богатырь якутского эпоса, пронес живой дух олонхо через тернистый и сложный путь его забвения в XX в. в век признания олонхо Шедевром устного и нематериального наследия человечества, в XXI в.

Увлечение Василия Васильевича Илларионова якутским героическим эпосом *олонхо* и фольклором родного народа – делом всей его жизни началось еще в студенческие годы с участия в работе научного кружка “Олонхо”. Талантливый студента в те годы приметил его будущий научный руководитель, известный якутский фольклорист Николай Васильевич Емельянов. С благословления последнего в 1970 г. студент В. В. Илларионов получил первое боевое крещение в фольклорной экспедиции Института языка, лите-

ратуры и истории Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР (далее – ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР) в Таттинский и Хангаласский улусы.

По окончании университета В. В. Илларионов год работал преподавателем Вилюйского педучилища им. Н. Г. Чернышевского. В дальнейшем он свою судьбу уверенно связал с фольклором родного народа. В 1975–1978 гг. учился в аспирантуре, научную степень кандидата филологических наук получил за диссертационное исследование “Искусство якутских олонхосутов” в 1981 г. в Институте литературы и искусства АН Казахской ССР, будучи научным сотрудником ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. Диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук в виде научного доклада В. В. Илларионов защитил в 1997 г. в г. Улан-Удэ по теме “Сказительство в системе фольклорной традиции народа саха”, работая доцентом кафедры якутской литературы факультета якутской филологии и культуры Якутского государственного университета.

Ключевая проблема его научной работы – это устная традиция якутских олонхосутов. Эпосоведа Илларионова отличает системный исторический подход к предмету своих изысканий. Он исследует фигуру сказителя-олонхосута и эпос в этнокультурном контексте на основе архивных и собственных полевых материалов, пытливно анализируя жизнь и деятельность известных и начинающих олонхосутов прошлого и настоящего,

изучая их богатый жанровый репертуар. Освоение всего этого богатого сложного материала позволило юбиляру, в первую очередь, приступить к широкой эдиционной деятельности. Он принимает самое активное участие как редактор и издатель в 21-томном серийном издании эпоса-олонхо “Саха боотурдара”, 18 томов которой уже увидели свет. В. В. Илларионов – один из ответственных исполнителей якутского корпуса академической серии “Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока”. Он принимал участие в подготовке томов “Якутский героический эпос-олонхо: Кыыс Дэбэлийэ”, “Якутская обрядовая поэзия”, “Якутские народные сказки”. В 1996 г. им опубликовано олонхо “Могучий Эр Соготох” олонхосута В.О. Каратаева.

В 70-х годах XX в. В.В. Илларионовым было открыто имя В.О. Каратаева, ранее неизвестного в науке аутентичного олонхосута. От В.О. Каратаева ему удалось записать на магнитофонную ленту три раза: в 1975, 1982, 1986 гг. текст олонхо «Могучий Эр Соготох». Это позволило ученому установить пределы пульсации устного текста на материале одного произведения. Творческая “лаборатория” устного певца-олонхосута впервые в якутской фольклористике исследовалась В.В. Илларионовым с помощью методики повторных записей эпического репертуара сказителей, а также повторных разновременных записей эпического произведения от одного и того же сказителя. Метод работы эпосоведа со своими известными информаторами-олонхосутами Дарьей Андреевной Томской, Василием Осиповичем Каратаевым близок к методу включенного наблюдения у социологов. У него за годы многолетних полевых работ по всей Якутии выработался свой стиль работы с носителями устной традиции.

Результаты своих архивных и полевых разысканий В. В. Илларионов изложил в следующих книгах: “Искусство якутских олонхосутов” (1982), “Олонхосут А. С. Васильев: жизнь и творчество” (2002), “Эпическое сказительство и проблемы возрождения олонхо (2006)”, “Верхоянская эпическая традиция” (2013) – и многочисленных статьях (см.: Илларионов Василий Васильевич: биобиблиография. Якутск, 2006). В своих монографиях ученый выдвинул целый комплекс задач: рассмотрение личности сказителя как носителя, хранителя и создателя фольклорного текста, анализ соотношения импровизации и традиции в исполнении эпических произведений, ис-

следование отношения сказителя к фольклорному тексту, разбор устно-поэтической сказительской традиции. В его трудах обоснована мысль о том, что ядром эпической среды является семейная традиция. Как показывают материалы исследователя, фольклорная среда играет важную роль в становлении всех носителей традиции: олонхосутов, певцов, шаманов, сказочников и т.д.

В своих трудах юбиляр соблюдает принцип изучения традиции во времени, рассматривая ее как динамическую, эволюционирующую систему. Поэтому в течение всей научной и творческой деятельности не работа за письменным столом главенствовала в жизни учёного, а практическая деятельность по собиранию, сохранению и возрождению олонхо, кругового танца *осуохай* и традиционного праздника *Ысыах*.

Немаловажную роль в его деятельности занимает его преподавательская работа и научное руководство аспирантами. Под его руководством защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.09 «Фольклористика» Л.П. Герасимова, А.Н. Данилова, О.Н. Дмитриева, А.А. Кузьмина, В.А. Ноговицын, Н.А. Оросина.

Годы первого десятилетия олонхо для Василия Васильевича Илларионова явились испытанием теоретических воззрений как эпосоведа на практике, «звездным» временем применения его богатого опыта, периодом его пытливого наблюдения за развитием событий. Будучи профессионалом своего дела, как аксакал якутской фольклористики, в эти годы он жил в режиме онлайн. Со своими наблюдениями и выводами о ходе реализации целевой государственной программы по олонхо и новых горизонтах развития сказительского искусства беспрерывно делился по всем каналам СМИ (средства массовой информации), которые отражены в материалах сборника «Ысыах олонхо: итоги» (2015 г.).

В настоящее время В.В. Илларионов является заведующим кафедрой фольклора и национальной культуры Института языков и культур народов СВ РФ при СВФУ им. М.К. Аммосова, главным научным сотрудником сектора якутского фольклора ИГиИПМНС СО РАН.

Многочисленные коллеги, друзья и ученики Василия Васильевича Илларионова, чей многолетний труд на ниве олонхovedения стал одним из движущих факторов для представления олонхо как Шедевра устного и нематериального на-

следия человечества ЮНЕСКО, от всего сердца поздравляют его с юбилеем и желают ему доброго здоровья, счастья и творческих успехов на бла-

го развития олонховедения в рамках мирового эпосоведения и дальнейшего живого бытования устного эпоса-олонхо.

*С.Д. Мухомлева,
к.ф.н., с.н.с. сектора якутского фольклора
ИГИиПМНС СО РАН
Н.В. Павлова,
к.ф.н., м.н.с. сектора якутского фольклора
ИГИиПМНС СО РАН*

Сведения об авторах

Асмондьяров Венер Надирович – аспирант кафедры башкирского языкознания и этнокультурного образования БашГУ, asm-vener@mail.ru.

Белоконева Анастасия Афанасьевна – ст. преп. кафедры менеджмента Якутского института экономики (филиал) негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Санкт-Петербургский университет управления и экономики", anastasiykim@mail.ru

Больницкая Айталипа Николаевна – к. социол.н., в. н. с. центра социальных проблем труда АН РС(Я), aitalina_575@mail.ru

Брагина Дария Григорьевна – д. и. н., г. н. с. отдела энциклопедического словаря Якутии АН РС(Я), filial_spgucat@mail.ru

Бурцев Анатолий Алексеевич – д. ф. н., проф. кафедры русской и зарубежной литературы филол. фак. СВФУ, aa.bursev@s-vfu.ru

Бурцева Марина Анатольевна – к. ф. н., доцент кафедры восточных языков и страноведения ИЗФиС СВФУ им. М.К. Аммосова, donnarosa36912@mail.ru

Васильев Валерий Егорович – к. и. н., с. н. с. сектора этнографии народов Северо-Востока России ИГиИПМНС СО РАН, valera_305@mail.ru

Гоголев Анатолий Игнатьевич – д. и. н., проф., вице-президент АН РС(Я), ammosova-67@mail.ru

Готовцева Лина Митрофановна – к. ф. н., с. н. с. сектора лексикологии ИГиИПМНС СО РАН, lingot@yandex.ru

Егоров Петр Михайлович – к. полит. н., м. н. с. сектора этносоциологии ИГиИПМНС СО РАН, emp77@mail.ru

Жукова Людмила Николаевна – к. и. н., с. н. с. сектора палеоазиатской филологии ИГиИПМНС СО РАН, zjukova@mail.ru

Иванов Спиридон Алексеевич – д. ф. н., с. н. с. сектора грамматики и диалектологии ИГиИПМНС СО РАН, spiridon_ivanov@mail.ru

Илларионов Василий Васильевич – д. ф. н., проф., завкафедрой фольклора и культуры ИЯиКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова, illarionov_v_v@mail.ru

Илларионова Туяра Васильевна – к. ф. н., доцент кафедры фольклора и культуры ИЯиКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова, tv.illarionova@s-vfu.ru

Константинова Татьяна Николаевна – м. н. с. сектора этносоциологии ИГиИПМНС СО РАН, kotango@yandex.ru

Мухоплева Светлана Дмитриевна – к. ф. н., с. н. с. сектора фольклора ИГиИПМНС СО РАН. muhopleva@mail.ru

Николаев Егор Револьевич – аспирант ИГиИПМНС СО РАН, 1953307@mail.ru .

Павлова Надежда Васильевна – к. ф. н., м. н. с. сектора якутского фольклора ИГиИПМНС СО РАН, nadya.sanaayk@yandex.ru

Петров Юрий Дмитриевич – д. полит. н., проф., завкафедрой политологии истор. фак. СВФУ, iud.petrov@s-vfu.ru, petrovyd@mail.ru

Роббек Лия Витальевна – к. ф. н., м. н. с. сектора лексикографии ИГиИПМНС СО РАН, koplen08@mail.ru

Томаска Алена Георгиевна – н. с. сектора этносоциологии ИГиИПМНС СО РАН, algero@mail.ru

Федотова Наталья Дмитриевна – м. н. с. сектора этносоциологии ИГиИПМНС СО РАН, fndsimon83@mail.ru

Харабаева Виктория Ивановна – к. ф. н., м. н. с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГиИПМНС СО РАН, stabilo83@mail.ru

Шайхисламова Зубаржат Фаниловна – к. ф. н., доцент кафедры башкирского языкознания и этнокультурного образования БашГУ, zubarzhas@yandex.ru

Шайхулов Алмас Галимзянович – д. ф. н., проф., завкафедрой татарской филологии и культуры БашГУ, almazufa2004@mail.ru

Чехордуна Екатерина Петровна - к. пед. н., вед. специалист лаборатории этнокультурного образования им. А.Д. Семеновой пед. института СВФУ им. М.К. Аммосова, e.chehorduna@yandex.ru

Information about authors

Asmandiyarov Vener Nadirovich – Postgraduate Student, Department of Bashkir Philology and Ethnocultural Education, Bashkir State University, asm-vener@mail.ru.

Belokoneva Anastasiya Afanasevna – Senior teacher, Yakut Institute of Economics (branch) of the non-state Educational Institution of Higher Professional Education "Saint-Petersburg State University of Management and Economics"

Bolnitskaya Aitalina Nikolaevna – PhD in Sociology, Leading Researcher, Center Labour Social Problems, Academy of Sciences, Republic of Sakha (Yakutia), aitalina_575@mail.ru

Bragina Dariya Grigorevna – PhD, Professor in History, Senior Researcher, Encyclopedic Dictionary Department of Yakutia, Academy of Sciences, Republic of Sakha (Yakutia), filial_spgucat@mail.ru

Burtsev Anatoly Alekseevich – PhD, Professor in Philology, Department of Russian and Foreign Literature, Philological Faculty, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, aa_bursev@s-vfu.ru

Burtseva Marina Anatolievna – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Oriental Languages and Regional Studies, Institute of Modern Languages and International Studies, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, donnarosa36912@mail.ru

Vasiliev Valeriy Egorovich – PhD in History, Senior Researcher, Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, valera_305@mail.ru

Gogolev Anatoly Ignatevich – PhD, Professor in History, Vice-President of the Academy of Sciences of Sakha (Yakutia), ammosova-67@mail.ru

Gotovtseva Lina Mitrofanovna – PhD in Philology, Senior Researcher, Lexicology of Yakut Language Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, lingot@yandex.ru

Egorov Petr Mikhaylovich – PhD in Politics, Research Fellow, Ethnosocial Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, emp77@mail.ru

Zhukova Ludmila Nikolaevna – PhD in History, Senior Researcher, Paleoasian Philology Department, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, zjukova@mail.ru

Ivanov Spyridon Alekseevich – PhD, Professor in Philology, Senior Researcher, Grammar and Dialectology of Yakut Language Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, spiridon_ivanov@mail.ru

Illarionov Vasily Vasilevich – PhD, Professor in Philology, Head of the Department of Folklore and Culture, Institute of Language and Culture of the Peoples of the North-East of Russia, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, illarionov_v_v@mail.ru

Illarionova Tuyara Vasilevna – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Folklore and Culture, Institute of Language and Culture of the Peoples of the North-East of Russia, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, tv.illarionova@s-vfu.ru

Konstantinova Tatyana Nikolaevna – Research Fellow, Ethnosocial Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, kotango@yandex.ru

Muhopleva Svetlana Dmitrievna – PhD in Philology, Senior Researcher, Yakut Folklore Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, muhopleva@mail.ru

Nikolaev Egor Revolevich – Graduate Student, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, 1953307@mail.ru

Pavlova Nadezhda Vasilevna – PhD in Philology, Research Fellow, Yakut Folklore Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, nadya.sanaayk@yandex.ru

Petrov Yuri Dmitrievich – PhD, Professor in Politics, Head of Political Sciences Department, History Faculty, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, iud.petrov@s-vfu.ru, petrovyd@mail.ru

Robbek Liya Vitalievna – PhD in Philology, Research Fellow, Lexicography Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, koplen08@mail.ru

Tomaska Alyona Georgievna – Research Fellow, Ethnosocial Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, algepo@mail.ru

Fedotova Nataliya Dmitrievna – Research Fellow, Ethnosocial Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, fndsimon83@mail.ru

Kharabaeva Viktoriya Ivanovna – PhD in Philology, Research Fellow, Grammar and Dialectology of Yakut Language Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, stabilo83@mail.ru

Shaikhislamova Zubarzhat Fanilovna – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Bashkir Philology and Ethnocultural Education, Bashkir State University, zubarzhas@yandex.ru

Shaikhulov Almas Galimzyanovich – PhD, Professor in Philology, Head of Tatar Philology and Culture Department, Bashkir State University, almazufa2004@mail.ru

Chehorduna Ekaterina Petrovna – PhD in Pedagogy, Research Fellow, Laboratory of Ethno-Cultural Education named after A.D. Semenoja Pedagogical Institute, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, e.chehorduna@yandex.ru

**Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник»**

В журнале публикуются статьи по историческим наукам, социологии, филологическим наукам. Статьи должны содержать не опубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения. Кроме того принимаются статьи информационного и хроникального характера, рецензии и др. Обзорные статьи и материалы по истории наук к печати не принимаются. Не принимаются к печати работы, представленные или принятые для публикации в другие печатные издания или электронные средства массовой информации.

Могут быть приняты к рассмотрению статьи, опубликованные ранее в виде материалов научной конференции (обычно в форме тезисов).

Объем научной статьи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять 12–24 страницы (20000–40000 знаков), информационные статьи – 3–6, хроникальные заметки – 1–3 страницы. Статьи должны быть хорошо отредактированы и тщательно проверены.

Рукопись должна быть напечатана на отдельных листах формата А 4 через 1,5 интервала (шрифт Times New Roman, размер – 14) с полями: снизу, сверху и слева – 2 см, справа – 1,5 см. Абзац – 1,25 см. Переносы, автоформат и табуляция в статьях не допускаются.

Аннотация статьи на английском и русском языках (не менее 150 слов). В конце аннотации – ключевые слова (не менее 10). Аннотация не должна содержать ссылок на разделы, формулы, рисунки, номера цитируемой литературы. Она должна отражать главные моменты работы, а не говорить просто о чем статья, т.е. быть краткой, но содержательной. Статьи в разделы «Хроника» и «Рецензии» предоставляются без аннотаций. В заголовке «Аннотации» сначала даются инициалы и фамилия(и) автора(ов), затем название статьи.

Никакие сокращения, кроме общепринятых, в тексте и таблицах не допускаются. Все таблицы должны иметь заголовки и сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, без знака № (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Текст таблицы должен быть напечатан через два интервала; содержание таблиц не должно дублировать текст.

Таблицы следует набирать в книжном формате, шрифтом Times New Roman размером не более 10 и не менее 8. Объем таблицы не должен превышать одной страницы (вместе с заголовком, возможными сносками и примечаниями).

Рисунки следует оформлять в программе Photoshop или файлами с расширением jpg. Фотографии должны быть в оригинале хорошего качества. Разрешение изображения на цифровых и отсканированных фотографиях должно быть не менее 300 dpi.

Подрисовочные подписи не должны входить в рисунок. Их набирают отдельным списком с указанием номера рисунка.

Литература и источники, использованные при написании статьи, приводятся после текста отдельным списком в алфавитном порядке. Ссылка на литературу в тексте должна даваться в квадратных скобках на название работы или на фамилию автора и год издания с указанием конкретной страницы, если приводится цитата [Иванов, 1991, с. 3]. Если авторов с одинаковой фамилией несколько, в скобках приводятся и инициалы. Если использовано несколько работ одного автора, изданных в один и тот же год, при ссылке в тексте и списке около года ставится буква: Петров, 1996а,б.

Авторы после текста обязаны указать следующие сведения: фамилию, имя, отчество, почтовый и электронный адреса (для переписки), место работы, занимаемую должность, ученую степень, ученое звание, номер телефона (служебный, домашний или сотовый).

Редакция имеет право вносить редакционные изменения, не искажающие содержание статьи. Перед названием статьи обязательно указать УДК.

Все статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. Оригиналы статей авторам не возвращаются. Рукописи в печатном и электронном виде (формат Word 95, 98, 2000) направляются по адресу: 677000, г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 301, 303. Тел. 35–15–16; 36–42–35.

Электронный адрес редакции: svgv2010@mail.ru

Для заметок

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-65055 от 10 марта 2016 г.

Адрес издателя и редакции

677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Электронный адрес издателя, редакции и редколлегии: igi@ysn.ru; svgv2010@mail.ru

Подписано в печать 01.08.2016. Дата выхода в свет 26.09.2016
Формат 60x90 1/8. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. п.л.17,75. Уч.-изд. л. 15,93. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИГиИПМНС СО РАН
677006, г. Якутск, ул. Сосновая, 4, тел. 35–68–69
